

**СКВОЗЬ ПАМЯТЬ,
СКВОЗЬ СЛОВО**

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Централизованная библиотечная система им.Н.К.Крупской»

СКВОЗЬ ПАМЯТЬ, СКВОЗЬ СЛОВО

Сборник произведений ленинск-кузнецких авторов
о Великой Отечественной войне

Кемерово
2020

Составители:

Шагабудинова О.В., Апарина С.А., Галятина И.А., Турчанинова Т.И.

Дизайн и компьютерный набор:

Шагабудинова О.В.

- С42 **Сквозь память, сквозь слово** : сборник произведений ленинск-кузнецких авторов о Великой Отечественной войне / муниципальное бюджетное учреждение культуры «Централизованная библиотечная система им.Н.К.Крупской» ; составители О.В. Шагабудинова, С.А. Апарина, И.А. Галятина, Т.И. Турчанинова ; дизайн и компьютерный набор О.В. Шагабудинова. – Кемерово : Принта, 2020. – 198 с. : ил. – 12+. – Текст (визуальный). Изображение (неподвижное, двухмерное, визуальное) : непосредственные.

ББК 84Р6К

© МБУК «Централизованная
библиотечная система
им.Н.К.Крупской», 2020

От составителей

Перед вами, дорогие читатели, уникальное издание – сборник произведений о Великой Отечественной войне «Сквозь память, сквозь слово». Главная задача, которую ставили перед собой составители сборника, приступая к его созданию, – собрать воедино лучшие произведения ленинск-кузнецких авторов о войне: выдающуюся художественную публицистику, высокие образцы военной поэзии, лучшие рассказы. В книгу включены произведения, созданные писателями-профессионалами, писателями-фронтовиками, талантливой литературной молодёжью и начинающими авторами.

Сборник «Сквозь память, сквозь слово», который выходит накануне славного юбилея – 75-летия Победы нашего народа в Великой Отечественной войне, – это не только дань великому подвигу, мужеству, непреходящей боли и нелегкой победе всего нашего народа, понесшего несметные потери, но и памятник поколению фронтовиков, их чести, благородству, бессмертной славе, памятник поколению, преподавшему урок героизма всему человечеству.

*Поэтические строки
о войне*

ВЛАДИМИР РОМАНЧИН

ТОТ ИЮНЬ

Плыл свободно и раскованно
В голубом сиянье день.
И подсолнух зачарованно
Загляделся на плетень,
Где походкой неторопкою,
Косы - будто два ручья -
Шла девчонка узкой тропкою
С коромыслом на плечах.
Повстречались -
Радость волнами
Всколыхнула все до дна!
По примете - ведра полные
Были к счастью,
Но- война!
Черной тень, не нечаянно,
Ворвалась она в тот день,
Сник подсолнух опечалено,
И обуглился плетень.
И походкой неторопкою
С коромыслом на плечах
Не дошла короткой тропкою
Та девчонка до ручья.
С болью вскинув брови тонкие
Покачнулась вдруг она...
Раскатились ведра звонкие...
Будь ты проклята война!

СОЛДАТСКИЕ МАТЕРИ

Когда над Отчизной сгущаются тучи
И смертный повеет с границ суховей
В бессонных квартирах солдатские матери
В поход собирают своих сыновей.

Легко никогда не давалась Победа,
И стынет брусникою кровь на снегу.
От горя седеют солдатские матери
И писем последних листки берегут.

В молчании скорбном стоят обелиски,
Но сумрак тревоги рассветом распят,
И в подвиге мирном солдатские матери
Любимой отчизне героев растят.

За кругом полярным иль где-то к экватору,
На кручах скалистых, в каленых песках
Вместе с сынами солдатские матери
В думах тревожных стоят на постах.

Дни нынче покоем, как песней объяты
И ваши сыны тот покой берегут.
Солдатские матери, солдатские матери,
Мы все перед Вами в извечном долгу.

Комбат кричал, и стыла кровь!
Не оттого, что фрицы - рядом
И что оскалы пьяных ртов
Уж вот они -
В броске гранаты.
Не оттого, что в плен - живым,
А жизнь еще в самом начале:
Я провод порванный в зажим,
А батарея все молчала.
А крик над боем грохотал,
От безысходности ярея.
Комбат сюда вот вызывал
Огонь своей же батарее...
Потом - разрывы.
Без конца!
Его лицо белее мела...
И он обмяк,
Меня,
Юнца,
Своим большим прикрывши телом.
В большом и малом жизнь свою
Теперь сверяя по комбату,
Я с той поры не признаю
Любую трудность за преграду.

И, как взведенная чека,
В большой беде, в горячем деле
Готов всегда я, жив пока,
Своим прикрыть кого-то телом.

ВЫСОТА

Высота. Обелиск на вершине.
Величавы и строги черты.
Млеет облако в дымчатой сини.
А по склонам - бушуют цветы.

И покой без конца и начала.
Только память иное хранит:
Здесь земля от разрывов вскипала,
Кровь и пепел скипались в гранит.

В полный рост на фашистские дзоты,
На винтовки примкнувши штыки,
Шли в атаки гвардейские роты,
Шли в бессмертье мои земляки.

Мы сегодня в космических далях
Пролагаем земные пути,
Но высот, что они отстояли,
Никому не дано превзойти.

Поколенья отвагой и твердью
Будут свято равняться по ним.
И до горечи жаль, что бессмертье
Никогда не дается живым.

САНИНСТРУКТОР

В окопах, в землянках,
В палатках ли рваных
Парням и девочкам жестокой войны
Солдатское лихо делилось на равных.
Но ей потрудней выпадало оно.
Не в платье цветастом,
Не в легкой юбчонке -
А в брюках,

В фуфайке,
Больших кирзачах.
Каких вы дорог не топтали, девчонки,
Нелегкую ношу неся на плечах!
Еще до санроты,
Еще до санбата,
Под шквальным огнем на виду у врагов
Кто первой с земли поднимала солдата,
Кто первой до раны касалась его?
Она -
Санинструктор, сестра и подруга.
И воин,
Надеждой святой окрылен,
К живым возвращался из смертного круга.
За это ей -
Низкий, сердечный поклон.

ЦВЕТЫ У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Лежат цветы у Вечного огня,
Гвоздик пурпурных - тоненькая горстка.
Тепло чьих рук они хранят?
И что там -
За букетом тем неброским?
Утраты боль,
Сердечная печаль
Иль крик души в непроходящем горе?
Весенней хмарью затянуло даль.
Стоят деревья пасмурны и голы.
Быть может, их принес сюда солдат.
Суровым долгом памяти влекомый,
Припомнил там оставшихся ребят
И боль сглотнул,
Что стала в горле комом.
Или вдова,
Хранившая от зла
Сирот своих,
Не знавшая покоя,
Их как святую верность принесла
Тому,
Кто не вернулся с поля боя.

А может быть, весенним этим днем
Седая мать дрожащими руками,
Скорбя о сыне,
Все-то молодом,
Сложила их на этот серый камень.
К огню ведет ухоженный асфальт.
Бывают здесь и взрослые, и дети.
И угадать кому дано едва ль,
Что кроется за маленьким букетом.
А жизнь бурлит в накале дня,
Светлеет небо,
Хмурое вначале.
Лежат цветы у Вечного огня
Как символ Верности, Почтения и Печали.

СЛЕДЫ ВОЙНЫ

Уходят маршевой колонной
В запас, в былое наши дни.
И смутно, неопределенно
Видны уже следы войны.
Где смерч боев пронесся рьяно,
Нет ни траншей, ни пепелищ.
Земли зарубцевались раны
И край порушенный не нищ.
Но есть еще следы, что в море
Бурлящей нови как в тени.
И только пристальному взору
Едва-едва видны они.
Вглядитесь в старческие руки,
В их боль и дрожь, что не унять,
Когда к чужим их тянет внукам,
Солдат давно погибших мать.
Вглядитесь в лица вдов солдатских,
В морщинки горькие у рта.
Ведь что-то без отцовской ласки
Сложилось в детях их не так.
Когда в бреду с больничной койки
В атаку рвется ветеран -
Ведь это тоже след тот горький,
Души незаживленный шрам.

Пусть их все меньше, судеб сирых,
И потому вдвойне, втройне
Зовут они ко бдению мира,
Вселяют ненависть к войне.
И долг святой наш веской фразой,
Отлитый в бронзу, в гипс и стих,
Призвав былое из запаса,
Набатным сделать голос их.

Снег утром свеж, как праздничная скатерть,
Что у хозяйки доброй на столе,
Когда она — светла, как божья мать —
Встречает гостя, жданного «сто» лет.

Когда же снег порошей тихой ляжет,
Пока его не тронула метель,
Он тепл и мягок, словно пух лебяжий,
Как новобрачных первая постель.

Бывает снег и розовым - на зорях,
То заискрится, серебром пыли.
А в нашем крае, где живут шахтер,
Порой он сер от сажи и угля.

Я ж видел снег совсем другого цвета.
В сорок втором... Мне не забыть о нем!
Атака захлебнулась на рассвете,
Захлестнутая сталью и огнем.

Стаял мороз, но снег под нами таял!
На Белый шли полки сибиряков...
Я встал тогда. А сколько их не встало,
Товарищей моих и земляков.

Года прошли, а все как будто рядом
И бой, и боль в полях российских тех,
Повсюду где, куда не кинешь взглядом —
Тела, тела...И в бурых пятнах снег.

Вот утверждают: время лечит раны
Другие парни в армию идут.
Но те солдаты с нами в строй не встанут!
И матери к столу их не дождут.

Их не дождут невесты-вековухи,
Ни детская пустая колыбель.
Тот снег им стал и саваном, и пухом,
И скатерть он, и брачная постель.

Кровавый снег... Не в нем, быть может дело,
Но каждый раз за праздничным столом
Я молча пью за то, чтоб был он белым! ...
Или чуть-чуть припудренным углем.

КРЕПИСЬ ПО-СОЛДАТСКИ

Кому-то сегодня пред утренней ранью
Не пламя пожарищ встает пред глазами,
Не грохот сражений жестоких,
А раны,
Кровавые раны все снятся ночами.
Сквозные и рваные.
В полость и мякоть.
Лицо от бессонниц бледнее халата.
Но только тебе не положено плакать,
Крепись по-солдатски,
Хирург медсанбата.
Ты слышишь раскаты недалежного боя?
Так, значит, работай, себя не жалея.
Тому, кто сейчас на столе пред тобою
Стократ нетерпимей,
Стократ тяжелее.
Мы выспимся вволю, дойдя до Победы.
Смахни же слезинку тампоном из ваты.
Останутся в прошлом и горе, и беды,
Крепись по-солдатски,
Хирург медсанбата.

УТРО ПОБЕДЫ

Рассвет вставал так огненно-багряным,
Как будто кровь,
Что пролила война,
Была зарей по капле с каждой раны
Для этого утра сохранена.

И было в этом траурное что-то...
Но все равно иными, чем вчера,
Была и высота,
И то болото,
Куда кидались с криками «Ура!»

И даже тишина была иная!
Теперь нас не тревожила она.
Ведь это уж была не фронтовая,
А мирная, святая тишина!

И батарея стала вдруг иною -
Не так грозна,
Как было в дни войны.
Казалось,
Что и пушки не для боя,
А для охраны мира созданы.

ЦВЕТЫ У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Лежат цветы у вечного огня,
Гвоздик пурпурных - тоненькая горстка.
Тепло чьих рук они хранят?
И что там -
За букетом тем не броским?
Утраты боль,
Сердечная печаль,
Иль крик души в непроходящем горе?
Весенней хмарью затянуло даль.
Стоят деревья пасмурны и голы.
Быть может, их принес сюда солдат.
Суровым долгом памяти влекомый,
Припомнил там оставшихся ребят
И боль сглотнул,

Что стала в горле комом.
Или вдова,
Хранившая от зла
Сирот своих,
Не знавшая покоя,
Их как святую верность принесла
Тому,
Кто не вернулся с поля боя.
А может быть, весенним этим днем
Седая мать дрожащими руками,
Скорбя о сыне,
Все-то молодом,
Их ложила на этот серый камень.
К огню ведет ухоженный асфальт.
Бывают здесь и взрослые, и дети,
И угадать кому дано едва ль,
Что кроется за маленьким букетом.
А жизнь уже бурлит в накале дня,
Светлеет небо,
Хмурое вначале.
Лежат цветы у Вечного Огня
Как символ Верности, Почтения и Печали.

Сединою тронут и морщинами,
В благозвонный предзакатный миг,
С орденскими планками мужчина
У берез задумчивых притих.

День отложил свою до время лиру,
Стих в ветвях и птичий пересвист.
Тишине, как достоянью мира,
Внемлет ветеран - артиллерист.

Грохота он в трудном сорок первом
Так хватил, что выжил-то не вдруг.
Сгустком острой боли стали нервы
И до звона обостренным слух.

И так рано пряди поседели.
Потому скуп на слово и жест.
И ему до смертного предела
Слушать тишину не надоест.

ВETERАНЫ

На день Победы, город украшая,
Цветет кумач. А с неба - синь и ясь.
Седых гвардейцев горстка небольшая
У Монумена Славы собралась.
Не так стройны теперь они собою,
Но выправка военная видна.
И только жаль, что словно после боя
Их меньше, меньше сходится сюда.
А там, боях, прикрыть собою друга,
Вставал любой, и знал — их не сломить.
А вот теперь от старческих недугов
Его собой уже не заслонить.
И боль утрат слезою мутит взоры.
Имей они орлиный даже взгляд,
Ведь и тогда не охватить просторов,
Где их друзья-соратники лежат.
Примолкли, посерьезнев, пионеры,
По-детски понимая не вполне,
Какой седые люди эти мерой
За счастье их платили на войне.
Стоят они у плит живая память
Геройству наивысших проб и мер.
Ни слава их во времени не канет,
Ни мужества немеркнувший пример.

НУ ЧТО Ж ТЫ, КОМБАТ

Ну вот, комбат, опять мы оба вместе,
Да только встрече этой я не рад.
Нам облобзаться надо б честь по чести,
А ты молчишь. Ну что же ты, комбат!
Нас непростая дружба повязала,
В ней связкою - и кровь, и жизнь, и смерть,
Броски в огонь, разбитые вокзалы
И ад такой, что содрогалась твердь.

А помнишь, как мы будто онемели,
Когда затих вокруг и свист, и вой,
Когда подбили мы из пушки без прицела
Последний танк у самой огневой.
А ветром дым клубило и клубило.
А ты ребят все звал по именам.
Воронка им там выпала могилой.
На запад дальше выпадало нам.
А помнишь, как уж мирные солдаты,
Цивильных вызволяли мы из ям,
А нас из фауста какой-то псих-фанатик
Чуть не отправил к богу и друзьям.
И как потом мы долго выбирались
Из той тягучей смертной темноты
И нам в палату девушки носили,
Как знак надежды, поздние цветы.
Вода течет, и ныне враг постылый
Не целит в нас, как много лет назад.
А я стою над свежешою могилой,
Вставай, комбат, ну что же ты, комбат...

ВЕТЕРАНЫ В СТРОЮ

Против вражьего скопища –
Яростной горсткой,
У безумья и славы на самом краю,
Рядом с нами друзья умирали геройски.
Не незримо они оставались в строю.

Эстафетно приняв их запал и отвагу,
Сотни раз побывав и в аду, и в раю,
До конца донесли мы победные стяги.
Но в запас уходя, Оставались в строю.

Пыль дорог не стряхнув,
В новый бой - без привала.
Из руин мы вздымали Отчизну свою.
Но врагов вокруг нас суетилось немало,
Потому мы душой
Оставались в строю.

Нас судьба раскидала,
Только кто бы где ни был,
По делам я бывалых солдат узнаю:
Чтоб над миром не меркло
В чаде атомном небо
Ветераны еще
И до ныне в строю!

НИНА ИПАТОВА

СПАСИБО, МАМА

Июнь, сорок первый. Прощай, отчий дом
В белесом мерцании рассвета.
Ты трижды меня осеняешь крестом,
Даешь торопливо советы.
Я знаю, что трудно прощаться любя,
Я видел, как матери плачут.
Но были сухими глаза у тебя,
Ты веришь, надеешься, значит.
Сжав нервы и слезы в единый комок,
Мой дух, как могла, поднимала.
«С победой домой возвращайся, сынок!»,
-Ты мне на прощанье сказала.
А над страной все сильнее гроза...
В боях вспоминал я упрямо
Твои дорогие сухие глаза.
Спасибо за мужество, мама!

ФРОНТОВОЕ ПИСЬМО

Я бегала на почту каждый день,
Ждала, ждала и ждать уже устала.
В лиловом пламени обуглилась сирень,
И осень слезы желтые роняла.
А писем нет и нет! Мели снега,
Твой след упорно заматали ветры.
Спускалась с белой лестницы пурга,
Бросая треугольные конверты.
А несколько последних дымных строк
Я всё читаю с гордостью и болью,

Их с фронтовых израненных дорог
Ты написал, отец, своею кровью.
И вот - не надо ждать. Но слыша звон
Седых ветров, когда метель роится,
Мне кажется: не ветер - почтальон
Ночной порой в мое окно стучится.
Солдат и земледелец
Всю жизнь в труде, как часовой,
Стоял надежно он, умелец,
Пришла беда, нагрянул бой
И стал солдатом земледелец.
Он победил. И много лет,
Опять работая на славу,
Садился за штурвал чуть свет,
Хлеба растил, кормил державу.
Он в поле думал каждый миг:
«Пока разруха над страной,
Ты и в работе - фронтовик,
В любом труде - участник боя».
Где хлеб, там радость и успех,
Безоблачность родного неба.
И в жизни нет главней для всех,
Чем булка солнечного хлеба!

В БРЕДОВОМ ДЫМУ...

Среди тишины госпитальных палат
Мечется, стонет и бредит солдат.
Чудится парню в бредовом дыму
Ветка сирени склонилась к нему.
Нежные кисти кладет на висок
И говорит: «Поправляйся, сынок.
Да возвращайся с победой домой,
Ждем тебя ночью и днем, дорогой».
Ждет его мать и большая родня.
Ждет и невеста заветного дня.
Ждет, не дождется солдата с войны
Ветка сирени с родной стороны.

ОТЦЫ НАШИ

Вы не ушли из жизни, нет!
Нам светит вашей правды свет.
Пожить на свете не успев,
Веселых песен не допев,
Вы в бой ушли.
И землю милую свою
В кровавом праведном бою
Для нас спасли.
Отцы, отцы, уж сколько лет
Нам светит вашей правды свет!
Нет, вы не отдали Москвы,
В могилах братских спите вы.
Нам жить и жить.
И вечной памятью о вас
В тяжелый миг и светлый час
Нам дорожить.
Военное детство
Ты опять мне часто снишься, мама:
С холода, подойником звеня,
Входишь в дом, и облако тумана
Катится волною на меня.
Слышишь, мама, громыханье грома?
Это гром, обыкновенный гром...
Лишь глаза прикрою я - и дома
В роковом году сорок втором.
Горе жгло нам души, словно угли.
Знал тогда в селе и стар, и млад,
Что глаза у нас от слез опухли:
На Дону погиб отец-солдат.
Мне семь лет, сестренка старше на год,
Только нам уже не до проказ.
Перед ним, как из тумана.

УХОДИЛА БАБУШКА НА ФРОНТ

(рассказ внучки)

Домоседка, не хотела странствий,
Не стремилась в дальние края.
Деревянный дом в тени акаций
Был ей дорог- здесь жила семья.
Да судьба задумала иначе,
И в июне, в сорок первый год,
В гимнастерке новенькой, не плача,
Уходила бабушка на фронт.
Но стояла ль у чужих развалин,
Проходила ль площадью чужой,
Тосковала о дочурке Тане,
Как же ей без матери родной?
И в зашитом наглухо кармане
Трогала, когда не видел взвод,
Фотокарточку любимой Тани
И шептала: «Только пусть живет!»
Лишь в Берлине в гордом сорок пятом,
В День Победы, слезы не тая,
По чужой земле пройдя солдатом,
Поняла, как дорога своя.
Дочь спросила: «Что такое счастье?»
«Счастье?», - и присела у стола,
Чтобы горькой участи солдатской
Женщина изведать не могла».

ГРОЗНЫЙ УРОК

Октябрь сорок первого года,
Горя полны сердца у народа:
Стальные зловещие птицы
Бомбят дорогую столицу.
Фашистские танки идут на Восток,
А в классе десятом начался урок.
Учитель, поднявшись со стула, сказал:
«Иду к военному, потом - на вокзал.
Хочу ополченцем уйти на войну,
Хочу постоять за родную страну».
И резко шагнул за классный порог:
«С фронта вернусь - окончим урок».

Парни с восторгом смотрели вослед,
Ночью они держали совет.
Шел разговор о народных полках...
Матери плачут у них на глазах.
Утро сменило вечерний закат,
Парни отправились в военкомат.
Навстречу учитель... Уже - политрук.
«Ребята, родные...». Пожатие рук.
«Владимир Петрович! Мы прибыли в срок!
Вместе на фронте окончим урок...»
«Я рад, дорогие, что прибыли вы,
Все, как один, на защиту Москвы!»
И матери пишут вечерней порой:
«Сыночки, живыми вернитесь домой...»
Не каждый вернулся до дому сынок,
Но немцам был задан грозный урок!

ОТЕЦ

Когда опускались вечерние тени,
Туман поднимался над сонной рекой,
Мы с братом садились к отцу на колени,
Чтоб слушать рассказ о боях под Москвой.
Солдаты вставали по красной ракете,
Кричал командир: «Ни пол-шага назад!»
Отец наш такой, как на желтом портрете,
Полз к вражьему танку со связкой гранат.
Он нам о себе не рассказывал много.
Зато поименно припомнить могли
Мы каждого друга его фронтового -
Из тех, кто вернулись, из тех, кто легли.
Под майских салютов победные звуки
Мы утром, забыв о мальчишских делах,
Шагали, держась за отцовские руки.
За крепкие руки в пустых рукавах.

ВДОВА

Шагает устало вдова
Солдата, зарытого в поле.
Поникла ее голова,
Коса побелела от боли.

В простом и печальном платке
И в платье из темного ситца -
Спускается тихо к реке
Могиле родной поклониться.
Как ласково плещет волной
Река луговая, живая.
Здесь муж ее, храбрый герой,
Пал в битве, страну защищая.
Кладет осторожно рукой
Цветы благодатного мая.
Омыла горячей слезой
Могилу, войну проклиная,
Ты родилась в июле
Солнце шило золотом по сини,
Был июль настоян на сосне.
Твоему отцу рождение сына
Грезилось в то лето на войне.
«Поздравляю с дочерью,» - писала
Мать ему, не зная наперед,
То письмо сквозь огневые шквалы
До отца дойдет ли, не дойдет...
Год сорок второй... Черно от горя,
Год сорок второй - зловец и лих.
Родилась ты... А на поле боя
Твой отец убит был в этот миг.
Радость жизни залита слезами,
Мир померк для матери твоей.
Синими отцовскими глазами
Ты ловила свет июльских дней.

УЧИТЕЛЬ-ФРОНТОВИК

Прозвенел отчаянно звонок,
В класс вошел, волнуясь, педагог.
Слушая рассказы о войне,
Школьники застыли в тишине.
Пристально глядят ученики
На рукав, в котором нет руки.
Вся в наградах ветерана грудь -
Это доблести геройский путь.
Ордена, как солнышки, горят...

Вдохновенно говорит солдат.
Рассказал о битве под Москвой,
Как он шел в атаке огневой,
А еще про Курскую дугу,
Что навек запомнилась врагу.
Защищая город Сталинград,
Он прошел, как через Дантов ад.
И учитель кажется другим,
Самым близким, самым дорогим.
Кажется, что этот Геркулес
Из развалин крепости воскрес.
Будто из легенды этот человек,
На висках остался сталинградский снег...
Каждому скажу ученику:
«Низко поклонись фронтовику,
Подари ему свою любовь,
Это за тебя он пролил кровь».

БЛОКАДНИЦЫ

Отец с полустанка привез их домой,
А мать возле печки возилась с дровами.
Заплакала мама: «Ах, Боже ты мой!»
Родимые, что это случилось с вами?»
Неведомо в чем их держалась душа,
Казалось, что нет на лице ни кровинки.
А мать, постепенно куда-то спеша,
Опять оглядела все плоски и кринки.
Она не сказала: иссякли харчи.
К беде прикасалась, как лечащий к ране,
На стол подала, что сварилось в печи
И все, что на случай хранилось в чулане.
Наряды, в которых пошла под венец,
Она на картошку в селе променяла.
И смерть отошла от блокадных сердец,
И небо над ними уже не линяло.
В округе, как прежде, запахло весной,
Крапива кой-где лепесточки явила.
Блокадницы с первой своей посевной
Просипи, чтоб дали им грабли и вилы.

Они за работой встречали зарю,
Растаяла в сердце былая остуда.
И снова, когда я о них говорю,
Мне кажется: с матерью рядом побуду.

МАЛЬЧИК НА СНЕГУ

Среди сугробов и воронок
В селе, разрушенном дотла,
Стоит, зажмурившись, ребенок,
Последний гражданин села.
Испуганный котенок белый,
Обломки печи и трубы -
И это все, что уцелело
От прежней жизни и избы.
Стоит белоголовый Петя.
И плачет, как старик, без слез.
Три года прожил он на свете,
А что узнал и перенес!
Фашисты дом его спалили,
Угнали маму со двора,
А в наспех вырытой могиле
Лежит убитая сестра.
Не выпускайте автоматы
И мстите яростно врагу -
Безмолвно просит вас, солдаты,
Трехлетний мальчик на снегу.

ВСТРЕЧА С ДОЧЕРЬЮ

Приехала мать в московский музей
На встречу с дочерью младшей своей.
На стену она устремила глаза,
Течет по щеке материнской слеза.
«Доченька, здравствуй», - чуть слышно сказала
И на колени пред подвигом встала.
«Как бы хотела тебя я обнять,
К сердцу горячему крепко прижать».
Но дочь не услышит. Оставшись одна,
Танки готовится встретить она.
Не соблюдая проезжих дорог,
Немецкие танки идут на Восток.

Поля оскверняют, рожь и траву,
Думает Рая: «Идут на Москву,
Брошу гранаты одну за другой,
Врагов задержу любой ценой».
Первый танк близко, а шесть вдалеке,
Не даст она дрогнуть хрупкой руке.
Пылает лицо от июльского зноя,
Ей некому крикнуть: «Ребята, за мною!»
Солдат не осталось в стрелковой роте...
Одни из них стонут рядом в окопе,
Страдают от ран у нее на глазах,
И кровь запеклась от жары на бинтах.
Другие от вражеских пуль полегли...
Им уж не встать с обожженной земли.
Одна против танков, долг выполняя,
Бросилась в бой санинструктор Рая.
И дочери Родины доблестный подвиг
Воспел, как легенду, навечно художник.

В ГОСПИТАЛЕ

Он внезапно в госпиталь попал
И, пожалуй, был в нем самым юным.
Лейтенант, сраженный наповал
Снайперскою пулей под Аргуном.
Он свой взвод на том клочке земли
При отходе прикрывал собою.
Там его десантники нашли
На вторые сутки после боя
И случилось чудо из чудес:
Из небытия восстал упрямо.
Словно бы из мертвых он воскрес,
Приоткрыл глаза и молвил: «Мама».
Он подолгу смотрит в потолок.
Ждет чего-то, что-то вспомнить хочет.
А над ним, как белый мотылек,
Медсестра Аленушка хлопочет.
Вот на рану жгучую легла
Мягкая, умелая повязка.
Так приятна, так ему тепла
Милая заботливая ласка.

Он недавно на носилках был,
Такой худой и весь изнеможенный,
Вновь входит в жизнь, набравшись сил,
Как заново совсем рожденный.
Поправился, окреп герой-солдат
И к врагам стал более неистов.
Опять берет он в руки автомат
И в бой идет, чтоб победить фашистов.

НА РАССВЕТЕ

Над землей, войною опаленной,
Утро незаметно поднялось. Спят бойцы.
Им снится луг зеленый
В голубом сиянье майских рос.
Или, может, ничего не снится:
До того усталость тяжела.
Вот уже обрисовались лица,
Оживают в сумраке тела,
Крепок сон окопный на рассвете.
Наклонись к ним. Ласки не таи!
Это спят твои, Россия, дети
-Сыновья отважные твои.
Задержи чуть-чуть рассвет сегодня
И благословить их не забудь
На высокий подвиг благородный...
Только дай немного отдохнуть.

В 1943 ГОДУ

Белела среди полей дорожка,
Сгущались в тучу облака.
Ведро дымящейся картошки
Несла к обеду я в луга.
Где до упаду, до ломоты,
Зубами сдерживая стон,
Мужскую потную работу
Нес стойко женский батальон.
Сурово женщины шутили,
Мне помнится, тем жарким днем:
«Коль до картошки мы дожили,
И до победы доживем!»

И, повздыхав на вдовью долю,
Вершили жаркие стога.
...Цвело картофельное поле,
Гремела Курская дуга.

САНИНСТРУКТОР ТАНЯ

*Ветерану войны Бурцевой Татьяне Сергеевне,
жительнице нашего города*

Солдат, упав на поле боя,
И не во сне, а наяву
Увидел прямо перед собою
Живого взгляда синеву.
Его как будто оросили
Целительной святой водой,
Как будто бы сама Россия
Склонила русой головой.
Перевязала ловко рану
Сестренка с сумкой на ремне
По званию «сибирячка Таня»
-Санинструктор роты на войне.
Взвалив на худенькие плечи,
Солдата тащит за собой,
А рядом - смерть и вой картечи:
Шел беспощадный страшный бой.
Она в кирзовых сапогах,
В шинели не по росту.
Тепло и жизнь неся в руках
Стрелкам в родную роту.
А было б этому бойцу
В продымленной одежке,
И платье бальное к лицу
И модные сапожки.
Кругом земли от взрывов груды
в тот день кромешного огня.
Солдат сказал: «Я не забуду
Сестренку, что спасла меня».

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ВОЙНЫ

Пришла победа, замолчали танки,
Отгремел последний страшный бой.
Солдат сошел на тихом полустанке
И зашагал знакомою тропой.
Расступились перед ним деревья,
Склонилися колосья, как во сне.
Вот она - родимая деревня,
Снившаяся часто на войне.
Вдруг дыханье прехватило круто,
Застучало сердце невпопад.
Вот она - желанная минута! -
Крик жены и нежный синий взгляд.
Через все опасности и муки
Он прошел, как через сто смертей,
Чтоб его обняли милой руки
В мирном счастье Родины своей.

КРЫЛАТЫЕ ПЕСНИ СУРКОВА

Поэт многоцветного слова,
Для многих любимый, родной.
Крылатые песни Суркова
Весь шар облетели земной.
Прошли они путь до Берлина
В солдатском походном строю,
И, как боевые машины,
Сражались за землю свою.
Их пели в лесах партизаны,
В концлагере пели, в плену...
Они восхищали все страны,
Они победили в войну.
А песня «В землянке», бывало,
Когда не хватало гранат,
И силы штыкам прибавляла,
В атаку бросая солдат.
Жаль, время походов суровых
Мы стали сейчас забывать,
Но песни поэта Суркова
Нам память о них сохранят.

ЧАСОВЫЕ РОДИНЫ

Снега да снега...
Уснула тайга.
Лишь ветер по полю гуляет.
Солдаты не спят:
Им Родина-мать
Беречь край родной доверяет.
Вдали от границ
Свет ярких зарниц.
Встречается с ранним рассветом,
Солдаты не спят.
И в небо летят
Крылатые звезды-ракеты.
Дни службы идут,
А девушки ждут
Парней, что страну охраняют.
Солдаты не спят –
Мечты их летят
К любимым, к родимому краю.
Снега да снега...
Притихла пурга,
Над Родиной - сны голубые.
Солдаты не спят,
Солдаты стоят
На главных постах часовыми.

БОЛЬ В ДУШЕ

Не знаю я, как шли на смерть солдаты,
В сыром окопе не лежала я.
С отцом-политруком под Сталинградом
Была лишь фотокарточка моя.
«Ее в мой дом родимый передайте», -
Просил он, умирая в блиндаже.
Вернули эту карточку солдаты,
И с той поры ношу я боль в душе.
В победном мае солнце щедро светит,
Лаская сердце зеленью весны...
Но одного хочу я, чтобы детям
Не возвращали карточек с войны.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

(Рассказ узницы фашистского концлагеря)

Земля вращается. Она неутомима.
Стучат колеса в дружном ритме с ней.
В ночной степи состав проходит мимо
В далекий город с тысячью огней.
Но я не сплю. Качаются рессоры,
Проводники по тамбурам стоят.
Ведь это мой, войной разбитый город!
И эта степь зацветшая - моя!
Я возвращаюсь из чужого края,
К окну припав разгоряченным лбом,
Мне встречный ветер слезы вытирает
Своим расшитым теплым рукавом.
В вагонах спят, всем снится избавленье.
Свистит свисток, смолкает вдалеке...
А я, смеясь, читаю объявления,
И все они на русском языке.
Как графаре́ты старые знакомы:
«Нельзя курить, сорить, кричать...»
Так, значит, я на самом деле - дома?
Сойду - и землю буду целовать.

БЕРЕЗЫ У ШКОЛЫ

По-зимнему, в белых, как пух, полушубках
У школы рядком под шумок детворы
Березы стоят торжественно чутко -
Ровесницы грозной военной поры.
Стоят по-солдатски, согласно приказу,
Военные песни негромко поют.
Чуть глянешь на них - и припомнятся сразу
Сестрички в халатах, больничный уют.
Здесь госпиталь был, фронтовые ребята,
Народ неуёмный, лихой, озорной,
Почувствовав силы, с киркой и лопатой
У школы березы сажали весной.
Минули года, боевые тревоги.
Кто выжил, давно уж имеет внучат.
И школа запомнилась, верно, немногим,
О подвиге память березы хранят.

Стоят на виду, обнимаясь по-братски,
Сапожки по-зимнему снегом укрыв.
В простых полушубках, в ушанках солдатских,
Как девушки грозной военной поры.

СВЕТЛАНЕ

Тот день был полон майской тишины,
Тепла, цветов и солнечного света.
Ты родилась за месяц до войны,
Тебе родные дали имя Света.
Ты в холоде и в голоде жила,
Но выросла крепышкой закаленной.
В кровати деревянной провела
Свой первый год, войною опаленный.
Не знала ты, что под Москвой в боях
Погиб отец... Он там навек остался.
Представь, как в День Победы на руках
Тебя бы он поднял и улыбался.
Не знала ты... Но помни, что он был,
Так ясно смотрит на тебя с портрета.
Как нежно бы тебя отец любил:
Ты очень на него похожа, Света.
Ты имя честно пронеси его,
Отважного и смелого танкиста.
А если будет трудно отчего –
Присядь и перечти отцовы письма.

ВETERАНУ- ФРОНТОВИКУ

«Война!» - внезапно прозвучало,
И всколыхнулась вся страна.
На фронт в день гнева и печали
Ушли отцы и сыновья.
На той войне ты жизни не жалел,
В атаку шел безропотно и смело.
И даже перед смертью не робел,
Когда она тебе в глаза глядела.
В госпиталях ты был нередкий гость,
Тебя сшивали, резали, латали.
И, возродив в душе былую злость,
Ты снова шел в огонь и дым баталий.

Погасло пламя, взрывы отгремели,
Но не забыты страданные года,
Раскрылись раны на солдатском теле,
Но в сердце боль осталась навсегда.
Там, где ты шел, уж зеленеют травы,
Растут хлеба в сторонке полевой.
И города стоят, шумят дубравы.
Все это - труд и ратный подвиг твой.
Вновь День Победы.
Пролетели годы
Среди житейской разной суеты.
Тебе, защитнику и жизни, и свободы,
Подарим мы весенние цветы.

ВETERANAM В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Утро майское в ярком наряде,
Шелест стягов задумчиво тих...
Вам сегодня при полном параде
Выходить из подъездов своих.
Вы шагаете стройной колонной,
Взгляды ясны и думы чисты.
Вас мальчишки встречают влюбленно,
А девчата вам дарят цветы.
Замираете все на минуту
Возле пламени Вечных огней.
В час вечерний под громы салюта
Снова вспомните павших друзей.
Кто погиб за Отечество наше,
Не вернулся с победой домой...
Вы, как прежде, - в строю, вы - на марше,
Ветераны второй мировой.
Ваше мужество, ваша отвага,
Подвиг вами свершенный, живут.
И на пламя священного стяга
Поколенья равняться зовут.

ГЕРОЯМ ВЕКА

День пожилого человека,
Который в жизни ждет конца? Нет!
Это день героя века,
День ветерана и бойца.
День тех, кто воевал и строил,
Кто верил в Родину свою,
Чей подвиг дорогого стоил
В труде упорном и в бою.
Растут сады, бежит дорога,
Плывут по водам корабли,
Стоят дома в порядке строгом,
Их ветераны возвели.
Пусть было им шагать непросто,
Пусть иногда валялись с ног,
Зато не бились над вопросом:
Какая легче из дорог?
Какой же мерою измерить
Ту доброту, что в них живет,
Ту бодрость духа, стойкость веры,
Мечты стремительный полет?
Посмотришь в добрые их лица,
Увидишь блеск живой в глазах.
Им нужно низко поклониться
И всем здоровья пожелать.

ИМЕНА НА МРАМОРЕ

Застыл солдат у школьного порога...
Следы сапог и скорбная стена,
Где перечислены в порядке строгом
Выпускников ушедших имена.
В далекий год, простясь с учителями,
Длину дорог измерив фронтовых,
Они держали главный свой экзамен
И в танковых боях, и в штыковых.
Веселые, отважные, простые,
В свой звездный час не дрогнули они.
В знак памяти о них по всей России
Горят сегодня Вечные огни.

Они в бою не пожалели жизни,
Они свой долг исполнили сполна.
Прочти и повтори их имена,
И, как они, учись служить Отчизне.

ШУРЕ ПОСТОЛЬСКОЙ, МОЕЙ СВЕРСТНИЦЕ

Пишет Шура маме письмецо,
С нежною любовью вспоминая
Доброе прекрасное лицо:
«Скоро я вернусь к тебе, родная».
А кругом жестокие бои,
По селенью бьют прямой наводкой,
Падают товарищи твои,
Девушка с кудрями под пилоткой.
Командир убит. Кому же встать,
Батальон огнем к земле пришитый,
В битву беспощадную поднять?
Хоть умри, а жизни будь защитой.
И звенит девичий голосок;
«Бей фашистов!» - И петит лавина
Сквозь огонь, Стремителен бросок.
На высоте свет сошелся клином.
Шура не должна бы воевать,
Но солдаты нынче вспоминают:
«Стыдно было землю обнимать,
Если цепь девчата поднимают».
Тишь в полях. Хотя года идут,
Фронтное время сердцу дорого.
И на встречах ветераны чтут
Павшего в бою отважного комсорга.
Им осталось только вспоминать
Девушку веселую, красивую,
Со щеками яблоку под стать
И с глазами, словно небо синее.
Ей бы стали руки целовать
Сверстники ее, что стали взглядом строже.
Слава женской доблести! И все же
Шура не должна бы воевать.

РУСОКОСЫЙ СОЛДАТ

Ветерану войны и труда Ваниной Е.Н.

Ты шла на фронт в такое время года,
Когда волнуют о любви мечты,
Когда дарила щедрая природа
Черемух белоснежные цветы.
Настало время с мамою проститься.
Состав пришел. Ты не сдержала слез.
С косою русой, в платьице из ситца
Отправилась в мир самых страшных гроз.
И наравне с мужчинами сражалась.
И, туфельки сменив на сапоги.
Дорог военных столько отшагала,
Как только ноги вынести смогли.
Рвались снаряды и горели хаты.
А ты, девчонка с нежною душой,
Тайком мечтала о гражданском платье
И о любви, красивой и большой.
Кругом бои, кровавая атака,
Шрапнели жуткий вой со всех сторон.
Ты в восемнадцать лет свои вояка,
Забывшая про отдых и про сон.
Война казалась настоящим адом,
Но ты держалась стойко, как солдат.
Все вынесла: бои под Ленинградом.
И битву за отважный Сталинград.
Прошли года. Нет на плечах шинели,
В музей сданы пилотка и ремень.
И внуки незаметно повзрослели,
И на лицо ложится грусти тень.
Ведь годы падают, как капли, звонко,
И ничего уж не поделает тут.
Давно русоволосую девчонку
По имени и отчеству зовут.
Она прошла сквозь ад невероятный,
Солдатский долг свой выполнив сполна.
Сегодня отблеск доблести той ратной
Хранят те медали, ордена.

ПАВЕЛ РЯЗАНОВ

ЖЕНЩИНАМ, БЫВШИМ НА ФРОНТЕ

Как блещет вешний солнца бубен!
Как праздничны улыбки и сердца!
И кажется, теченью мирных буден
С их праздниками длиться без конца.
А в память нашу врезаны печатью
Военных лет жестокая гроза,
И ордам чёрным горькие проклятья,
И в майский день победная слеза.
Шли сквозь сердца дороги фронтовые.
Война ломила наши берега.
Вы стали и медсёстрами, родные,
И снайперами, бившими врага.
Вам в тех боях побольше, чем мужчинам,
Пришлось испытаний и невзгод.
Но вы дошли до логова –
Берлина
В тот незабвенный сорок пятый год!
Со славою вернулись вы обратно.
Вам ордена – цветами тех времён.
За беспримерный этот подвиг ратный
От всех мужчин нижайший вам поклон!

НА ПОСТУ

Ночь... Темень... Ветер бьёт.
Осенний дождь за ворот льёт.
А ты стоишь во весь свой рост -
Ты часовой, ты стал на пост.

Легла на плечи грузно ночь.
Гони, солдат, усталость прочь!
Слух напряги, следи за тьмой -
Ты на посту, ты - часовой.

Ночь... Темень... Ветер бьёт...
Взметнулся окрик: "Кто идёт?"
Звучит ответ: "Свои, развод".
Ночь медленно в рассвет плывёт...

ОДНОПОЛЧАНИНУ

Не раз я припомню, когда ты
Уедешь, простившись со мной,
Что были с тобой мы солдаты
И в части служили одной,

Одно у нас было оружие,
Один разделяли мы кров.
И только друг другу о дружбе
Не говорили мы слов.

Но знал я без слов и без правил, -
Как знаем мы только себя, -
В бою ты меня не оставил,
И я бы не бросил тебя.

ПАРАД 41 ГОДА

Ненастный день,
Пронизанный морозом.
На площадь Красную
Ложится белый снег.
Враг вероломный
Рвётся к ней
С угрозой
Сравнять с землёй
Москву навек.
Она уже фашистам зрима.
Разрывы бомб
Окраиной гремят.
Но, как всегда,
Идёт неотменимый
У стен кремлёвских
Воинский парад.
Бесстрашные ряды
Ведёт пехота,
Проносит артиллерия стволы,
Грохочут тяжко
Танковые роты,
Накатывают конные валы.

Идут,
Верны своей
Родной державе,
Рабочие отряды,
Моряки...
С парада в бой
Уйдут бойцы:
Южане,
Дальневосточники,
Сибиряки.
За ними край
Берёзовый и алый.
Дом отчий.
Жёны, дети, мать.
И это всё,
Во что бы то ни стало,
Им под Москвою
Надо отстоять.
Чеканят шаг
Сурово, величаво
Там, где вознёс
Граниты Мавзолеей,
Держа равнение направо,
Держа равненье
На вождей.
Идут войска –
Сплочённые колонны.
Несут бойцы
Эпоху на плечах.
Звучит в сердцах
Суровых батальонов:
Нас осеняет
Знамя Ильича!
Уходят в бой.
Никто перед врагами
Не спрячет глаз,
Не склонит головы.
Клубится
Над гранёными штыками

Морозное
Дыхание
Москвы.
Дыханье это
Мощно и глубоко.
Не дрогнула
Столица-исполин.
Ей видится
В грядущем недалёком
Поверженный,
Пылающий Берлин.

ТРЕВОГА

Сиренный вой ворвался в ночь,
Вот-вот над нами грянуть грому!
Бежим по группам во всю мочь
Вперёд, вперёд к аэродрому.

В минутах нескольких ночных
Итог труда, учёбы, силы,
Приказы кратки и точны,
Машины дружно расчехлили.

Подвесив бомбы к плоскостям,
Вмиг зарядили пулемёты,
И тотчас сели по местам,
В руках штурвалы сжав, пилоты.

И потому, что в срок опять
Мы приготовили всё к бою,
Всходило мирное сиять
Нам краем солнце золотое.

БОЙ В ПОДМОСКОВЬЕ

Поэма

Не спится что-то перед боем.
Иль дух в землянке тесной спёрт.
Или случится то с тобою,
Что не случилось до сих пор?

Но думать нет о том желанья.
Своей судьбы не избежать.
Чтоб скороталось ожиданье,
Иван выходит подышать
На свежий воздух.
Снежный бруствер
Морозно блещет под луной.
Окоп иные будит чувства
И устремляет душу в бой.
Каким он будет, бой грядущий,
Попробуй мысленно измерь.
Но снова смерть среди живущих
Метаться будет, словно зверь.
Над лесом медленно светает.
Заря сочится в небесах.
Так кровь, из раны проступая,
Алеет на тугих бинтах.
Вот вышли танки на исходный,
Заложены в батареи гром,
Чтоб рухнуть вдруг
Во мгле холодной
Огнём и сталью над врагом.
Завоев воздух и засвищет.
В атаку с ротой вновь пойдёшь,
Село, вернее, пепелище,
Опять у немца отобьёшь.
Увидишь вновь:
Печные трубы
Приметой бедствия стоят,
На грубой виселице трупы
Заледенелые висят.
Из погребов и из подвалов
Повыйдут женщины в слезах.
Неси, счастливый и усталый,
Их поцелуй на щеках!
Ласкай мальцов широкоглазых,
Чтоб их печаль и страх унять.
И горько так, и сладко разом
Кусочек сахару им дать.
Их смерть с неволей миновали.

Ты спас их.
Ты безмерно рад!
А те, что жгли и разоряли,
В сугробном холоде лежат.
В «квартирах зимних» почивают.
Не тот им грезился уют!
Их по весне, когда протают,
«Подснежниками» назовут.
И нету в сердце состраданья
К принесшим горе и вражду,
Как нету в жизни оправданья
Убийству, пыткам, грабежу...
И вдруг хлопок –
Летит ракета
И рассыпает красный свет,
И гулкий залп ударил где-то,
И за «КВ» бежишь ты вслед.
Спешат за танками солдаты
Вперёд по выпавшим снегам,
И катится, как вал девятый,
«Ура» к позициям врага.
Навстречу взрывы зачастили.
Осколки щёлкают о бронь.
Но наши пушки подавили
Огнём фашистский арт-огонь.
Танкисты бьют по пулемётам,
По ярым высверкам огней.
И вот сближается пехота
С пехотой вражеских траншей.
Теперь, как чёрт, вертись,
И в оба
Гляди, и вовремя стреляй,
Удары с яростью и злобой
Сам наноси и отражай.
Вот встречного ты срезал пулей,
Вот кто-то дико закричал –
В кровавой сшибке, лязге, гуле,
Наткнувшись сердцем на кинжал.
Перемахнул Иван траншею.
Бежит вдогон.

Из-за угла
Нежданно трахнули по шее,
Как кипятком ожгло:
«Пропал!»
Но, изловчась, покуда падал,
В грудь наседающего ткнул,
Полувскочив с колен, прикладом
Его по каске саданул!
Пока ты дуло автомата
На Ханса-немца наводил,
Тот вбок отпрянул воровато
И ноги в руки – что есть сил!
Хотел сразить его, сквитаться,
Но диск пустой, но не догнать:
- Ушёл, удрал мой крестник, братцы!
Помчался выгоном петлять!
И, весь дрожа от возбужденья,
Зашарил новый диск рукой.
- Да у тебя, Иван, раненье!
Весь бок шинелки кровяной!
Схватился – смотрит, пальцы красны,
И стало тягостно дышать.
По счастью вскользь ушёл опасный
Удар фашистского ножа.
Осел на ящик от снарядов,
Подумал: «Вот она, беда!»
Бегут бойцы, толпятся рядом:
- Где медсестра? Скорей сюда!
Кричат сестру, спешат друг другу
Сказать (не высказать всего!):
- Я чуть не обмер от испугу!
Но всё ж не он, а я его!
И вновь победно хохотали:
- Остался цел – жить будешь век!
И воспалёнными губами
Хватали зимний жгучий снег.
А мимо шли, сбивались в кучу,
Косясь опасливо на смех,
Пленённые, на всякий случай
Повыше руки вскинув вверх.

Пилотки на ушах – не шапки.
Зима - не южное тепло.
Не согревают кофты, тряпки –
Награбленное барахло.
На лицах синь обморожений.
У грозных некогда вояк
Сквозит в глазах недоуменье:
Сдаёмся русским, как же так?!

А рядом говор:
- Удирает
Фашист по-заячьи от нас!
И фюрерский не помогает
Затормозиться «стоп-приказ» !..
Вдруг оглушает рёв мгновенный –
На запад «ИЛы» пронеслись.
Кричит ефрейтор рослый пленным:
«В колонну по три
Становись!»

И вот бредут они «нах остен»,
Покорно, сникши головой.
И, может быть, в Сибирь их «в гости»
Спроведит жиденький конвой.
Душа у фрицев зябко стынет:
Лихая даль, крутая близь.
И хлещет крик, как бич по спинам:
- Остерегись! Посторонись!
С дороги спешно в снег ступают,
От ветра отвернув лицо, -
Колонну пленных обгоняют
Повозки раненых бойцов.
На жалких немцев у обочин
Глядит Иван уже не зло:
- Отвоевались.
Между прочим,
Им больше прочих повезло!
Сосед поддакивает:
- Точно.
В живых останутся в плену!
И непечатным слогом сочно
Костит фашистов и войну.

- Всадить бы Гитлеру бы пуль тех.
Вогнать его скорей бы в гроб!
Взамен ноги с больною культей
Какой я в поле хлебороб!?
А в поле, вдоль дороги снежной,
Не копны видятся вразброс,
Покрытые порошей снежной,
А танки, пушки, лом железный
Колёсной техники, что нёс
«Тайфун» войны, угасший скоро,
И вот заглохли насовсем
В боях разбитые моторы
Машин всех марок и систем.
Металлолома километры.
Орудье. Танк. Тягач стоит.
Их подмосковным студит ветром,
Морозом русским леденит.
В их скопище ревел военный
Европы всей потенциал.
Их мёртвый вид с колонной пленных
Блицкрига крах обозначал.
Смотрел Иван вокруг и даже
Вдруг узнавал те рубежи,
На коих к этому «пейзажу»
Он тоже руку приложил!

СЛОВО О ХЛЕБНОЙ КОРОЧКЕ

Неприменно, когда
Речь о хлебе заходит,
Память властно меня
В годы детства уводит.
Было время войны,
Будней тяжких и мглистых.
Много наших земель
Захватили фашисты.
Не хватало в стране
Ни хлебов, ни картошки,
Потому и на кухне
Не отыщешь и крошки.
Я от голода плакал –

В сказках сытости мало –
И сестрёнка меня
Потеплей одевала.
На простуженном поле,
Где картофель убрали,
От морозца застывшие
Клубеньки мы искали.
А потом, у плиты,
Что дышала жарою,
Сине-жёлтые драники
Мы жевали с сестрою.
А когда нас пугала
Тьма в окошке, как яма,
Приходила с работы
Долгожданная мама.
На столе появлялся,
Словно солнышко с неба,
На газетке шуршащей
Ломтик вкусного хлеба.
Мама эту горбушку
Нам делила, покуда
На пшеничную корочку
Я глядел, как на чудо.

СТАРИКИ И СТАРУШКИ

В праздничный День Победы
У площади Победы
В скверике тихом
Старики с орденами, медалями,
Рядом с ними старушки,
Сухонькие и полные,
Прогуливаются и сидят
На скамейках раскрашенных.
Разговаривают и молчат,
Наслаждаясь теплом
Весеннего щедрого солнца.
Деревья над ними
Зелёные зонтики веток
Заботливо держат.

Старики и старушки
С орденами, медалями
Одаривают друг друга
Улыбками.
Это они молодыми
С миллионами сверстников,
Павших в жестоких боях,
Защитили, спасли
От рабства,
От душегубок фашистских
И себя, и страну,
Жизнерадостную молодёжь.
Это они кровью горячей
Омыли свободу Европы,
Даруя Победу Отчизне.
Это они, рукава засучив,
После великой войны
Из разрухи страну возродили.
Бои и труды, заботы, мечты –
Всё для страны,
Для Европы,
Для мира.
А сами они никогда
Ничего
Для себя не просили.
Старики и старушки
С орденами, медалями
Сидят и прогуливаются
По тихому скверу
У площади Победы
В праздничный День Победы.
Проходя мимо них,
Поклонитесь им низко
И благодарно скажите:
- Доброго вам здоровья,
Радости вам и счастья,
Старые славные люди!

СТИХИ О БЫЛОМ ПОХОДЕ

Много дней уже подряд
По степи безгласной
Пробирается отряд
К Астрахани красной.
Хрипло дышит комиссар.
Кровь из раны каплет.
Губы вышелушил жар,
А воды – ни капли.
Налетела бы гроза,
Вволю бы напиться!
Впали у бойцов глаза,
Почернели лица.
Ох, шаги их нележки –
Зной, винтовки, скатки.
За спиною – беляки,
Перестрелки, схватки.
Кажется, сейчас без сил
Подогнутся ноги,
И бойцов остановил
Тазик у дороги.
Таз, как будто напоказ,
Выброшен наружу.
Медный таз, дырявый таз,
Ну, кому он нужен?
У него пробитый бок
Яростно сверкает.
Блики солнца на песок
Днище отражает.
Комиссар отдал приказ:
- С музыкою краше.
Пусть послужит медный таз
Барабаном нашим!
Тра-та-так! Раз – два! Раз – два!
Каждый в звоне слышит:
Веселей гляди, братва,
Голову – повыше!
Тра-та-та! –
Штыков концы
Бьют о медь со звоном.

И равняются бойцы
Стройною колонной.
И идут, за шагом шаг,
Веселей и чётче.
Запевают не спеша
Песню пулемётчик.
Все подхватывают враз
Жаркие куплеты:
- Бьёмся мы за нашу власть,
За свои Советы!..
За верстою вёрсты шли,
Позабыв усталость.
Вон и Астрахань вдали,
В дымке показалась.
И пошли, пошли вперёд –
Музыки не надо!
Вот и встретил их народ.
Встрече сердце радо.

У ОБЕЛИСКА ПОГИБШИМ ВОИНАМ

Знаменная
Алость
Гвоздик.
Холодная
Тяжесть
Гранита.
Был подвиг
Народа
Велик –
Гласят
Эти скорбные
Плиты.
Вам,
Тысячи
Павших
Солдат, –
Отцы наши,
Братья и деды, –

Сегодня цветы
Говорят,
Что есть
У живых
День
Победы!

Я ПОМНЮ

Я помню, как мы шли с тобой
Дорогой зимней лунной ночью.
То было в год сорок второй,
А вижу я ту ночь воочию.
Во мраке синем меркли дали.
Мы шли равниною одни.
В морозном воздухе дрожали
Разъезда дальнего огни.
Под ноги нам, искрясь, скользила
Снегов январских белизна.
И слева нам с тобой светила
В окружье радужном луна.
И у черты незримой в поле,
Склоняясь и глянув мне в глаза,
Ты, старший брат мой Анатолий, -
«Ну, хватит, -
Ласково сказал.
- Иди домой!»
И рук движеньем
Привлѣк к себе, поцеловал.
Свои мальчишьи сбереженья
Тебе в подарок я отдал.
И ты ушёл, рукой махая,
И поезд вдаль тебя увѣз
На фронт,
Где под огнѣм мужая,
До лейтенанта ты возрос.
В краю украинском неблизком
В атаке пульей ты сражѣн.
Под безымянным обелиском
Твой прах землѣю растворѣн.

Уж сколько лет, как лёг скупой
На «похоронку» скорбно росчерк,
А ты всё машешь мне рукой
Из той далёкой лунной ночи.

ВАСИЛИЙ ГУЛЯЕВ

ОРДЕНА

Всё меньше остаётся их,
Которым выпало вернуться,
Кто на дорогах фронтовых
Сумел со смертью разминуться.

Хоть маскирует седина,
Но всё равно их через годы
Ещё находят ордена,
Хотя уже не всех находят.

Солдаты отгремевших битв
Хлебнули лиха полной мерой,
Для них сегодня горн трубит,
Им салютуют пионеры.

Становится лучистым взгляд,
Когда они глядят на знамя,
А в блеске боевых наград
Не только слава, но и память

О тех, кого взяла война
И кто путями огневыми
Прошёл, чтоб наши ордена
Не назывались боевыми.

НИКОЛАЙ ПОПОВ

ВETERАНЫ

Всеми тропами бродят
Наших дел ураганы,
И зовут нас в народе
Добрим именем «ветераны».

Легендарные сроки,
Беспокойное племя...
Этим званьем высоким
Окрестило нас время.

В небо молнией взвилось,
Как в грозу: «Ветераны!»
Это слово родилось,
Знать, от ветра и раны.

Это слово бушует
И зовет, словно факел,
Рвется в битву большую,
Пишет новые знаки.

С этим званьем духовно
Мы безмерно богаты,
Оно спаяно кровно
Со штыком и лопатой.

Нам, штурмующим недра,
Словно стены Бастилий,
Наши женщины щедро
Свою нежность дарили.

А когда было туго,
До безумия тяжко,
С нами вместе подруги
Шли в единой упряжке.

И во славу державы
Совершали дерзання...
Они носят по праву
С нами общее званье.

Сорок первого летом
В ту смертельную драку
Мы партийным билетом
Поднимались в атаку.

Нас корежили долго,
Но сердца не увяли...
Мы над Доном и Волгой
Твердо насмерть стояли.

В нас фашистские орды
Жар свинца изрыгали,
Но за Эльбу и Одр
Нам отлили медали.

Вторглись кровью и потом
В марш победные звуки!..
Снова к мирной работе
Жарко тянутся руки.

Над эпохою гордо
Мы несли наше знамя –
Трудовые рекорды
Оставались за нами.

Наша доблесть взметнула
В небо мачты и краны.
Как штыки в караулах –
И сейчас ветераны.

Ветераны! – не просто,
А гранитно, сурово!..
Торжествующим тостом
Пусть гремит это слово!

Мы научены круто
Жить, работать, сражаться,
Можем вспыхнуть салютом
И утесом держаться.

Это слово, как маки,
Как огнем налитое,
В этом слове – атаки
Умирающих стоя.

Мы под тяжестью не устали –
Ветераны не ноют!
Сплав железа и стали
В нас слились сединою.

И теперь, если тронут,
Смело ринемся в бой мы:
Есть заряды, патроны
И в сердцах, и в обоях.

Нам к покоям домашним
Уходить еще рано,
И, как прежде, на марше
Впереди ветераны.

Не утратили рвения
Все противное комкать.
На нас держат равненье
Молодые потомки.

Они с подвигом старших
Шаг упругий сверяют
И напористым маршем
Выси гор покоряют.

Отгремевшие даты
Нас тревожат как раны...
И гудящим набатом
Славят вас, ветераны!

ПАМЯТЬ

Не изгладят любые сроки
О погибших светлую память...
Сердцем пишутся эти строки,
И в глазах наших скорби заметь.

Не забыть, как в аду пожарищ
От взводов оставалось трое...
Если б встали вы все, товарищи,
И прошли вместе с нами строем!

Мы над вами, кто пал сражённым,
Боевое наклоним знамя,
И, как шашкою обнажённой,
Полоснёт наше сердце память.

Ветер тихо кумач полощет –
Мы минуто молчим в честь павших...
И, как снегом, покрыли площадь
Поседевшие головы наши.

ПОЗЫВНЫЕ ВАЛИ ОЛЕШКО

Призванная сердцем – не помешкав! –
Уберечь от недругов страну,
Школьница с фамилией Олешко
Смело шла из детства на войну.

Жизни не щадя и не жалея, –
Так кипел в груди к победе пыл –
С тальниковых берегов Алея
Путь её лежал в фашистский тыл.

Много вёрст тревожных перетопав, –
Мечь врагу до боли горяча! –
Шла она по партизанским тропам
С рацией на девичьих плечах.

Видела она, как в дни иные
Жгли фашисты женщин и ребят...
И тогда летели позывные,
И огонь просили на себя...

С ног сбиваясь, вражеская слезка,
Как ишейка, след её нашла...
Девушка с фамилией Олешко
Навсегда в бессмертие ушла.

Запеленговали. Окружили.
Дуло дышит холодом в глаза.
Только восемнадцать они жили,
Но из них не вылилась слеза.

Через годы скорби и кручины,
Всей душой волнуясь и любя,
Будем мы, Валюша-Валентина,
Позывные слышать от тебя!

ФРОНТОВЫЕ ЛИНИИ ШАХТЁРОВ

Приближая день победы скорой,
Чтоб салют мог в наше небо взвиться,
Под землей работали шахтеры,
Как солдаты огневых позиций.

В перечнях армейского состава
Им сродни саперы и пехота,
Горняки в крутых и жарких лавах,
Обливаясь просоленным потом.

И пришельцам не было пощады –
Сжал кулак народ непобежденный;
Вместо тех, кто бил орду нещадно,
В шахту шли их матери и жены.

Никогда не будет позабыто,
Как разят врагов из угля стрелы...
И гремели взрывы аммонита,
Словно фронтовые артобстрелы.

И теперь гудит, как эхо боя,
Только пальцем чутким струны троньте,
Запоют они, как по забоям
Проходила огневая фронта.

В память тем горит святое пламя,
Кто вдыхал метан и дымный порох,
Не сотрут века на горных планах
Фронтальные линии шахтеров.

ЕЛЕНА ВАНИНА

О НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

Столь лет пролетело с дней юных.
Воскресная дата была.
Двадцать второго июня,
Когда началась война.

Года не сотрут этой даты,
Какою бы жизнь не была.
В те дни все мы стали солдаты,
Оставив свой дом и дела.

Учебу, любимых, мечтанья,
Что в жизни нам было дано.
Вошло строго в наше сознание –
За Родину встать суждено.

И не было большего долга
Моим землякам - стар и млад
Встав грозной преградой на Волге,
Москву отстояв, Ленинград.

Проходят года, юбилеи,
Победных салютов расцвет
Но помнит жестокою дату
Мое поколение тех лет.

ПРОВОДЫ

Товарный поезд подходил
К вокзалу ближе, ехал тише.
И вдруг, как вкопанный застыл.
«Занять вагон!» - команду слышу.
Еще гражданские мы люди
И впереди еще война.
Мои родные и подруги,
От вас уеду скоро я.
Умчусь куда-то неизвестно.
Колес вагонных перестук
Петь будет песню бессловесно.
Комфорт теплушки - весть уют.
Потом по фронтовым дорогам
Меня водить начнет судьба.
Тревогу ваших глаз и слезы
Я буду чувствовать всегда.
От мамы и сестер своих
Ждать буду писем ежедневно.
Привета от сибирских зим,
Скучать и тосковать наверно.
Смотрю на близких из вагона,
Они о нас все слезы льют.
Сердца наполнены их болью,
Ведь знают все, куда нам путь.
Вот так я тоже провожала
Братишек, дядей на войну.
И моя очередь настала:
- До встречи, мама! Жди, вернусь!

О ДЕВУШКЕ-СОЛДАТЕ

Юная, словно тростинка.
С русой косой за спиной.
Черных бровей паутинка.
Облик прекрасен был твой.
Радужность глаз - два огнива.
Блеск их и тайн глубина.
Все позади, что любила,
Ждет впереди лишь война.

Хрупкие нежные плечи
Скрыты в солдатский покров.
Стройную ножку девичью
Кирзовый спрятал сапог.
Серая, грубая очень
Стала одеждой шинель.
Защита от стуж в дни и ночи,
А талию обнял ремень.
Вместо косынки одеда
Головку пилотка с звездой.
Сама в новый облик не веря,
Какою ты стала другой!
Пройдешь ты по трудным дорогам
Огнем опаленной судьбы,
Где жизнь выпадает не многим.
Храни тебя Ангел, храни.

ЧТОБЫ ЗАНЯТЬ ПЕРЕДОВУЮ

Чтобы занять передовую,
Район Синявино - рубеж,
Окопы пред врагом вплотную.
Всю ночь мы двигались сквозь лес.
Повозки ехали и пушки.
Пехота плотным строем шла.
И маскировку всех идущих
Хранила та ночная мгла.
Дорогой был настил из бревен
Через болотистую топь.
В низинах, где был путь неровен.
Сквозь просеки лесов, болот.
Нам до рассвета как бы легче
Преодолеть положен путь.
Во тьме небес кружил разведчик
Немецкий зоркий «фоке-вульф».
А кое-где уже бомбили
И пламя разрывало тьму.
Уже людские жертвы были.
- Укрой нас, - просим темноту.
С рассветом были мы на месте.
Так сыро, холодно в лесу.

У костерка присели вместе,
Грызая сухарик на ветру.
Укрылись сеткой-маскировкой,
Нас сверху немец сторожит.
Устали за ночь, путь нелегкий.
Вдруг самолетов строй летит.
Все стало сразу сущим адом.
Пошли в пике недолетия.
Бог мой, ведь бомбы лягут рядом,
Иль прямо в цель, - нас пригвоздят.
И мы урок войны познали,
Не описать, не рассказать.
Крещение первое приняли.
Не дай вам Бог то испытать.
Еще в пике раз заходили.
Их было больше тридцати.
По ним зенитки наши били,
Что ждет нас дальше? Впереди?

ШКОЛЬНЫЕ ПОДРУГИ

Школьные подруги дорогие
Далеко от вас сегодня я.
Вы со мною в памяти, родные,
Стала жизнь солдатскою моя.
Не иду сейчас я с вами в школу,
С книгами портфеля не несу.
У меня нет белой ленты более,
Что вплетала в русую косу.
Стали мне подругами солдаты.
Грубая шинель наряд весь мой.
Вместо книг винтовка и гранаты
И мешок солдатский вещеюй.
Чтобы вы учились и мечтали
Далеко от ужасов, должны
Мы пройти, все смерти побеждая
Трудными дорогами войны.
Как впитать в себя все то, что вижу
На войне, в которой я живу.
Смерть то дальше то меня, то ближе
Не во сне, девчата, - наяву.

И война не девичье ведь дело.
Трудно здесь, признаюсь вам тайком.
Если я сквозь ад пройти сумею,
Расскажу при встрече обо всем.

ПИСЬМО К МАТЕРИ

Написать я в ответ не смогла
На письмо твое несколько строк.
Не печалься, родная моя,
Может, выпадет лучший денек.
Все идем мы куда-то, идем.
Где-то очень нужны мы, наверно,
Скоро встреча нам будет с врагом.
Старшина говорит: «Непременно».
Кто успеет, а кто, может, нет
Написать вам домой хоть две строчки,
Все быть может, останется след
В треугольном конверте листочке.
Старшина или писарь в полку
О нас весть после боя услышит:
На довольствие на день зачтет
Иль домой похоронку напишет.
А теперь вот ответ я пишу
На письмо твое в несколько строк.
Не печалься родная моя,
Нынче очень хороший денек!

МИННОЕ ПОЛЕ

Идет она, идет, мечтает
Сквозь лес в свой штаб с передовой,
И ничего еще не знает,
Что встретит смерть перед собой.
Не видит и не замечает,
Всего девчонке двадцать лет,
- Путь поле в минах преграждает.
Кто скажет ей: «пути здесь нет!»
И вдруг мгновенно, ей поверьте,
Застыв на месте - на черте,
Черте же жизни или смерти -
Здесь нет спасения тебе!

Стоит солдат - солдат девчонка,
Вокруг лишь лес и тишина.
Биенье собственного сердца
В испуге слушает она.
Что ее счастьем одарило?
А говорят, что нет чудес:
На поле с минами - застыла,
Со всех сторон темнеет лес.
Рассудок шепчет: - осмотрись!
Страх шепчет: - крах тебе, пропала!
Стоит застыв: - «не шевелись!»
И вот уж страха меньше стало
Не торопись, соображай.
Про ситуацию слыхала,
Подобную твоей: смекай! -
Не двигаясь она стояла.
Обратно надо повернуть: -
Следы в песке чуть различая,
След в след, а в сторону - ничуть!
Там взрыв и темнота немая.
- Смелей, смелей, - себе шептала,
- Еще немного, еще чуть-чуть
Нога ее меж мин ступала,
- Погибнуть не должна я тут!
- О, Боже, я жива! - и села
У поля минного она.
Не сказка это - это было,
Где имя страшное - война.
Окинув поле смерти взором
И по нему свой жизни след,
На поле мин глядит с укором -
Солдат - девчонка в двадцать лет.

ПОЛИТОТДЕЛЬЦЫ НЕ ВЕРНУЛИСЬ *Памяти офицеров Сугакова и Кушнарева*

Кругом все ухало, горело.
И непрерывно длился бой.
За Днепр-реку, за берег левый.
За Белозеркою Большой.
Декабрь стужею был страшен,
А на передней снег горел.
На вражью сторону и нашу
Металл бесчисленный летел.
Туда, где бой гремит, с заданьем
Политработники ушли,
А через день к утру вернулись,
Двоих дожидаться не могли.
Несли бойцам надежду, веру,
Газеты - свежие листки,
Что в ночь газетчики издали,
Солдат читал все до строки.
Политотдельцы не вернулись.
Из пекла боя не пришли.
Их на повозке привезли.
Мела метель, ракиты гнулись.
Открыли мы края палатки,
Какими тихими лежат.
Два агитатора ПОДива,
Призывных слов не говорят.
На миг не стал нам слышен грохот.
Сердец биенья в них уж нет.
На их тела бросал лишь месяц
Сквозь облака печальный свет.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Все, считала, было ей под силу -
Раненных спасать, когда шел бой,
Их из зоны смерти выносила,
Если надо, заслонив собой.
Так случилось, что в бою неравном
С ранеными Аня - медсестра
Очутилась в окруженье вражьем.
На команду - «хенде-хох» - не шла.

Заняв круговую оборону
С ранеными молвит медсестра:
- Пусть же враг забудет
Путь свой к дому! -
Раненым призыв кричит она:
- Мы живыми фрицам не дадимся,
В том всему порукой - наша честь!
Пусть узнает враг, на что годимся,
Мы еще живые, сила есть!
Братцы милые, не дайте фрицам
Над собой глумиться. Черным псам,
Растерзать израненное тело.
Ненависть в бою поможет нам!
Всей своей отважной силой женской,
С вдохновенной русской душой,
В дальней стороне - равнине Венской
Медсестра вела последний бой.

В ПРОШЛОМ МЫ БЫЛИ СОЛДАТЫ

В прошлом мы были солдаты.
Испили всю чашу до дна.
В преддверии ада когда-то
Сгореть не успели дотла.
Тонули в Днепре и Дунае
И вновь воскресали, и шли.
Сколь раз, даже сами не знаем
В объятьях смертей были мы.
Насквозь нас дырявили пули,
Осколки кромсали тела.
В нас ветры жестокие дули,
Нас смертушка всюду ждала.
Дожди нас нещадно хлестали,
Зимою мороз донимал.
В окопах снега засыпали,
Свист пуль нам дремать не давал.
О том знают наши шинели,
Всегда согревая нам грудь.
Сквозь ужас военной метели
Был долог солдатский наш путь.

Здоровье и молодость вместе
Сгорели в пожаре войны
Остались живыми на свете,
Не знаем каким чудом мы.
Осталась душа наша светлой,
Осталась в нас вера в добро.
С дней юных жестокою меткой
На наших висках серебро.

УЮТА МИРНОГО КЛОЧОК

Мечтался мне в дни лихолетья
Уюта мирного клочек.
Помыться б в баньке, отогреться,
Уснуть, как люди спят - часок.
Ведь спали мы где, как придется,
А не придется, так сойдет.
То сверху снег, то дождик льется.
Под бок бы хоть соломы клочок.
То на ходу вздремнешь бывало,
Под звуки топающих ног.
Запнется вдруг о что попало
Отяжелевший твой сапог.
По человечески - раздеться:
Снять гимнастерку и ремень,
Чтоб были простынь, одеяло.
Таких блаженств хотя бы день.
Потом надеть халат, с ногами
Забраться в кресло, в благодать.
Свершися это, и с богами
Поставила б себя я в ряд.
Так мне мечталось и хотелось
Уюта мирного клочок,
Покоя, отдыха для тела,
Устав от фронтовых дорог.

СЛАВА ЖЕНЩИНЕ

Мы девочки - войны солдаты.
С мужчинами шли по войне.
Победы отмечаем даты.
И смотрим фильмы о себе.

Так много нас по всем дорогам
Лежать осталось по пути.
Солдат - девчат из медсанвзвода,
Из медсанбата - помним мы.
В полку мы были поварами.
В разведке - рации несли.
А снайперы вместе с парнями
Убитым немцам счет вели.
Пилоты - девочки умело
Бомбили, в небе бой вели.
И были тем горды и смелы
Мы дочери родной земли.
Зенитчицы, прожектористки
Всечасно зорко стерегли,
Не пролетели чтоб фашисты,
Хранили фронта рубежи.
Мосты, железные дороги.
Большие села, города.
И в сердце затаив тревоги,
Водили танки, поезда.
И где мы только не служили.
Мы на своих плечах тогда
Держали тыл своей России,
Вновь возводили города.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

В начале майских дней весны
И всей природы возрожденья,
Мы ждали все конца войны
Неповторимого мгновенья.
Затихло все - разрывы мин
И выстрелы зловещих пушек.
От них становишься глухим,
Что канонаду ту заглушит?
Война все рушила, ломала,
Сколь лет ей не было конца.
И вдруг она в ту ночь устала,
Отбой дала за все года.

Солдаты вышли из окопов,
Покинув доты, блиндажи.
И замолчали пулеметы
Ура!.. Ура!.. Конец войны!

ПАМЯТЬ

Память, ты проведи меня
Опять по огненной черте,
В дыму кромешного огня
К той Сиротинской высоте,
Где был приказ - На смерть стоять!
За Дон врага не пропускать.
За нами город - Сталинград
Его должны мы отстоять!
А враг силен, как рвался он
За наш рубеж за Дон, за Дон.
За Доном степи, Сталинград.
А нам приказ - На смерть стоять!
О тех, погибших под огнем,
Закончивших свой ратный путь,
Потомок, ныне знай о том,
Их славный подвиг не забудь!

ВETERАНОВ ВСЕ МЕНЬШЕ

Кто на встречу с друзьями
Вдруг приехать не смог,
Он сейчас вспоминает
Дни военных дорог.
Он пройдет по ним снова
Весь свой путь боевой:
Смерти, ужасы, горе,
Что зовется войной.
Ветеранов все меньше
С каждой новой весной.
А уносят их смерти
Словно вешней водой.
Они будто на встречу
К друзьям павшим идут
И печально им трубы
Марш последний поют.

ДЕНЬ ПАМЯТИ

Сегодня день скорби
Начала войны.
День памяти павшим
На длинном пути.
Кого мы теряли
В жестоких боях.
Сейчас вспоминаем
И скорбь на устах.
Живой кто остался,
Пройдя страшный путь.
Победы дождался,
А их не вернуть.
Лишь память хранит их
Все эти года.
Как будто все с нами
Шагают всегда.
Забвения нету.
Все память хранит.
Дорожные дали,
Окопный наш быт.

ВАЛЕНТИН ГАПАНЮК

ВДОВА

В сорок первом начиналась повесть:
Хмурый вечер, морозящий дождь.
К их перрону подавали поезд;
Что-то в ней тогда надорвалось.
Девушка бежала за составом:
Как тут с сердцем можно совладать?..
Та разлука – селевой цунами –
Перед ней разверзла эту пасть:
Явью стала девичья тревога:
Холодок заполонил всю грудь –
Похоронка та, одна из многих,
К ней пришла, проделав долгий путь.

Годы миновали, но она все помнит:
Голос друга звонкий, молодой.
Как в лугах нескошенных бродили.
А зимой студеной он отогревал ее ладонь...

ГАЛИНА ЗЛОТАИНА

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Я у папиного деда
Расспросила про Победу,
Ну, а он, надев очки,
Стал раскладывать значки.
-Это, внученька, награды.
Вот за битву в Сталинграде,
А другой, что видишь справа,
Это, внучка, орден Славы.
-Значит, орден, он не твой!?
Это Слава был герой!
Засмеялся дед в ответ:
«Никакого Славы нет.
Да и орден - мой, по праву:
Я люблю свою державу,
За неё и воевал,
Если б надо, жизнь отдал.
Солнце в мае ярко светит,
Оживает всё на свете,
Всех нас радует весна -
В мае кончилась война.
В День Победы очень рано,
Надевают ветераны,
Самый лучший свой наряд -
Портупею из наград.

НИНА ГИСС

ПАМЯТИ 22 ИЮНЯ 1941 г.

Еще дремала ночь на дальних плесах.
Седой туман стелился по лугам.
И ветерок запутался в зеленых косах
Ив, что приникли к сонным берегам.
Но туча черная огня и боли
Уже ползла, гремя стальной броней.
Уже воронки на овсяном поле.
Рев самолета слышен над землей.
Как страшно, неожиданно и странно
Вставал рассвет в тот дальний летний день.
Уже боец с неперевязанною раной
Строчит из дзота в наползающую тень.
Война нежданная, кровавая,
Как долго ты ходила по земле.
Но знали мы, что наше дело правое,
Что будет мир и счастье на земле.
Года идут, и снова ночи летние
Волнуют кровь и будят в нас мечты.
Но тех, кто победил, шагнув в бессмертие,
Всегда и всюду сердцем помни ты.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Старушка сгорбленная у огня стоит.
Два цветка в дрожащей руке.
В кофте старой, юбка до пят,
В ситцевом темном платке.
Взглядом поблекшим глядит на огонь.
И тихонько шепчет себе:
«Сыночек, кровиночка, радость моя.
Ну скажи мне, где же ты, где?
Скажи мне, где могилка твоя,
Я приеду, на ней помолюсь.
Землицы родной в платке принесу
И на холмике приберусь».
Сколько лет пролетело, время быстро идет.
Только сын не вернется домой.

Он под городом Белым в сраженье погиб
В сорок третьем, холодной зимой.
Были жарки бои в этом страшном котле,
Средь замерзших лесов и болот.
Чтоб друзья в атаку подняться могли,
Грудью пал он на вражеский дот.
Ну, а мать все не верит, что сына нет.
На дорогу глядит, чуда ждет.
И кажется ей, что в весенние дни,
В День Победы сыночек придет.

ЛУИЗА ХОМЕНКИНА

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

В снежном окопе озябшей рукой
Писал мой отец перед боем домой:
«Здравствуйте, дети, здравствуй, жена!
Меня до Смоленска домчала война.
Фашисты-гады стреляют в упор,
Но мы им даем жесточайший отпор.
Вот завтра опять припарку дадим,
Умрем, но Россию не отдадим!
Дуся, все время волнуюсь за вас,
Есть ли на зиму дрова прозапас?
Знаю, что сена-то нынче мало,
Что со скотиной одна ты устала,
Держись, дорогая, не унывай,
Только корову не продавай.
Жизнь-то военная нелегка
Как ребятишкам без молока?
А за меня не волнуйся, здоров,
Гнать до Берлина фашистов готов,
Верь мне, родная, я крепко стою -
Советский солдат на переднем краю!»
... Я часто читаю отцово письмо
И больше не знаю о нем ничего,
Как он воевал на краю том переднем,
Ведь это письмо оказалось последним.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Бессмертный полк из прошлого к нам вышел.
Торжественно проходит по стране.
И поднимаясь, смело, гордо, выше,
Напоминает людям о себе.
И смотрим мы на дорогие лица,
Прошедшие сквозь долгие года.
Военных лет ожившие страницы.
Их подвиг не забудем никогда!
Пусть над Россией стяг Победы вьётся,
Пусть будет небо мирное над ним.
Но если всё ж когда-нибудь придется,
И мы Отчизну сердцем защитим!

АДА ФЕДОСЕЕНКО

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Шел грозный сорок первый год -
Воюет папа наш с врагами.
Нас четверо детей, хлопот
Не счесть у нашей милой мамы.
Пришло однажды извещение:
Что без вести пропал отец -
Не найден он после сраженья...
Мы изревелись все вконец.
Но, сверив дату на письме,
Что было писано позднее:
Прижала мама нас к себе -
«Жив папа! Радуйтесь скорее!»
Считался старшим пятый класс,
И мы хотели бы сражаться.
Но жаль, на фронт не брали нас -
Не в стороне ж нам оставаться.
И на детей легла забота.
Как монолит была страна:
Все дружно брались за работу -
В полях трудились дотемна.
И «Все для фронта» - лозунг был:
Гранаты, танки и снаряды.
Ковал победу прочный тыл.

Успех на фронте - вместе рады.
Уж больше полувека мы
День празднуем Победы!
В сраженьях против зла и тьмы
Страну спасли отцы и деды.

ДМИТРИЙ ФИЛИППЕНКО

НА СТРАНИЦАХ ВОЙНЫ

На страницах войны не до слов,
Но запомнится русская сила.
И запомнится запах цветов
На могилах.

В переулках горячей войны
Выживает седой Севастополь...
Символ братства у целой страны –
Русский тополь.

Связки порваны, нечем кричать.
По Берлину проносится топот,
Угасает Рейхстага свеча
Над Европой.

В коридорах уснувшей луны
Отражается эхо: свобода!
Но останется шёпот войны
У народа.

ЮЛИЯ СЛИВИНА

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Солдат споткнулся и лежит.
Потом второй, десятый.
Так грудой дорогих костей
Похвастаться здесь может каждый.
Нет дома, где смогла б война
Прошаркать мимо.
Нет дома, где смерть не смогла
Прошамкать имя.

От наших песен есть ли толк,
От оттепели нашей вящей?
Не мы «ведем» бессмертный полк,
А он нас тащит
За оба белые крыла к родным погостам.
И отличать добро от зла
Костным.

ВОЕННОЕ

Письмецо в конверте бежевом
Положи в шинель-тайник.
Обезумевший от нежности,
Рвет дорогу броневик!
Все! Шабаш! С войной покончено!
Словно струночки, стройны
Все девчонки в платьях шелковых
На всех улицах страны.
Память глуше. Время гуще...
Чем я старше, тем ясней
Слышу в том «ура» ликующем
Голос бабушки моей.
Если б было все иначе, то...
Лотарингия. Эльзас...
То отмыли б землю начисто
Мылом, сделанным из нас!..
А пока во мне – все косточки.
Выбить дух никто не смог.
И дымит, присев на корточки,
В очень мирном мире Бог.

ВЛАДИМИР ШАСТОВ

Много бед и тревог испытали
В той жестокой и тяжкой войне.
Вероломство врага мы познали
На тревожной, коварной волне.
Помнит Брестская крепость
У Буга,
Помнит Курск, Ленинград - вся страна,

Как народ, защищая друг друга,
Выпил злостную чашу до дна.
Весь народ укреплял оборону
И армейцам вручал автомат,
Ждали война матери, жёны...
И с победой вернулся солдат...

ВETERАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Он в майские дни надевает,
Награды - заслуги свои,
А мысленно сам вспоминает,
Как шли фронтовые бои.

Москву и парад вспоминает,
Конец беспощадной войны,
Как снова оркестры играют,
Победные марши страны.

Порою война ему снится,
Как будто бы снова в бою,
С врагом продолжает он биться
За нас и державу свою.

Он детям своим без опаски,
Желает приятного сна,
Пусть снятся им детские сказки,
Пусть детям не снится война!

ТАТЬЯНА БАЖА

ВОЙНА

Война – это страшное слово,
И многим сейчас не понять,
Ту боль, те страдания, слезы,
Что испытали отец и мать...

Снаряды, разрывы летали над миром,
И каждый пытался спасти свою жизнь.
Но время военное не пощадило,
И унесло за собой в далекую высь.

Война - это страшное слово,
Но помнить обязаны мы и должны,
Что есть ветераны, которые кровью,
Мир на земле для нас ведь спасли

ЧТО ТАКОЕ ВОЙНА?

Что такое война? – задавался мальчишка вопросом.
Может – это весь свет, где души проникают лучами солнца.
Может – это запах цветов и порхание птиц у равнины.
Может, может, звучало средь грязи и мрака
в блаженном мире.

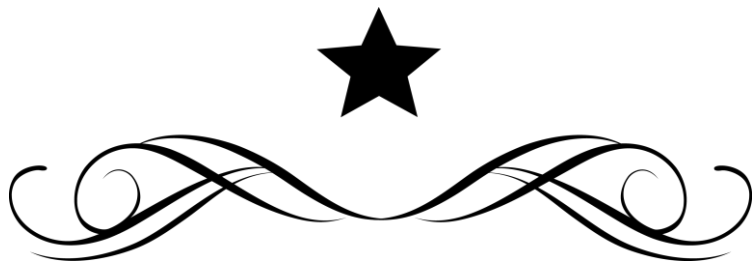
Шел мальчишка босой, в одиночестве брэнном шагая.
Видя мертвых людей и разруху когда-то недавнего рая.
Он идет и идет, слез в тиши не скрывая.
Почему, ты, война, души детские не сберегла, разрывая.

А мальчишка нес крест, стойко не падая духом.
В этом мире войны, вряд ли кто-то надуман.
Ах, война, подлая, слишком злая.
Унесла ты на небо, многие души, в землю кровью стекая.

И вдали яркий свет показался.
Это победный клич на русскую землю спускался.
Победили врага, и войну мы прервали.
И мальчишка вскричал: «Ура, ведь не зря мы все
души спасали!»

Проза о войне

ПАВЕЛ РЯЗАНОВ

БЕССМЕРТНЫЕ

Они прибыли к нам с новым пополнением во время затишья в наступлении. Явились, доложились днём, а к вечеру уже давали свой первый концерт в нашем взводе. Ну и лихо же они отстукивали на своих ложках! И «Катюшу», и «Огонёк», и другие с припевками, и как начнут отщёлкивать на своём деревянном и алюминиевом музинструментарии «Барыню» или «Яблочко», в ногах зуд начинался, кто-нибудь выскакивал в круг и пускался отплясывать. Да-а, ложкари – что надо.

Как я потом узнал, они ещё в запасном полку сдружились, как встретились. Все трое почти одинакового роста, атлетического сложения, форма на них сидела красиво. Светла их, видно, любовь к игре на ложках да сходство характеров. И имена у них были схожи. Один Иван, другой Иванко, а третий Янко. Словом, славяне кадровые. Иван русоватый, Иванко рыжеватый, Янко белесоватый. И что интересно, все трое были ефрейторами. Ещё в «запаске» за хорошую учёбу и ложечные концерты пожаловали им по лычке на погоны. В общем, солдаты были хорошие, ребята компанейские, жизнерадостные, по восемнадцати лет от роду. За две недели затишья полюбились они бойцам взвода, особенно их музыка залихватская.

Да и были они не робкого десятка. Это я сразу понял, узнав, как они днём появились в нашей траншее. Дело в том, что днём ходу на передовую к нам и от нас в тыл не было. Один бугорушко надо было преодолевать, а он простреливался с той стороны через ложину. Какой-то немецкий стрелок двух тяжело поранил, третьего положил, почту нам нёс. Вот и не ходили в светлое время. А эти заявились, хоть бы что им.

Оказывается, их предупредили, что нельзя днём, простреливается бугор, так они что надумали? Набили травой гимнастёрку с галифе и стали толкать чучело длинной палкой на бугор. Только немец выстрелил, они враз перемахнули на опасное место, фриц, наверное, глазом моргнуть не успел, не то чтоб затвор передвинуть.

Н-да-а. Выговорил я им крепенько. Они же смеются: мы, мол, заговорённые, нас пуля не берёт, и выбивают на ложках: «Смелого пуля боится, смелого штык не берёт!»

Как-то пришла во взвод сестричка из санроты, Таня-Ганюша, и как раз на их концерт угодила. Познакомились. И зачастила она к нам. А они в её честь концерты задавали, по её заказам песни выстукивали.

И вот приходит вновь Танюша-сибирячка со своей медсумкой через плечо, спрашивает, нет ли больных, раненых? «Да нет, - отвечаю, - Бог миловал!» Вышли из блиндажа, провожаю по траншее, а навстречу неразлучные Иван, Янко да Иванко. Обрадовались, улыбаются друг другу, шутят, разговаривают. Вижу, им приятно, и Тане тоже. Ну, я им не мешаю, стою как бы в сторонке. Я старик для них, мне под тридцать, со мной не интересно, да и взводный к тому же. А они чему-то смеются. Война войной, а молодость своё берёт. Да и война-то уже к концу идёт. Жмём фашиста, пятится к своему логову. А кругом-то весна. Её ни пулей, ни пушкой не убьёшь! Небеса синеют, солнышко сияет, зелень прёт, трава такая изумрудная, хоть зажмуривайся. Да ещё цветы повысыпали, словно краснощёкие первоклашки на перемене во двор.

Надо сказать, что цветов этих густоросло в низине-нейтралке на противоположном солнечном скате. Низинка была широковатая, мы с этой стороны, немец – с той. Далековато друг от друга, потому, может, и не перестреливались. Да и нужды не было, война кончается, а жить всем хочется. К тому же природа расцвела, до смерти ли тут? Петь да мечтать хочется. Вот и стоим в траншее, любимся на цветение.

Слышу, Танюша говорит и рукой показывает.

- Ой, мальчишки, смотрите, какие там цветы красивые, да как много!

Переглянулись Янко, Иван да Иванко – наши славные, как называли их во взводе, - мигом положили автоматы у ног сестрички и сиганули через бруствер в низину, на бегу засовывая пилотки под ремень, чтоб не потерялись.

Не успел я крикнуть: «Стой, стой!» - они уже далеко, и заорал по траншее: «Не стрелять! Не стрелять!» Мало ли кто что подумает: вдруг к фрицам перебегают? А те тоже не стреляют, соображают, видно, что к чему. А наши хлопцы на «ничейке», в не простреливаемом пространстве для той стороны, уже цветы рвут.

Тут фрицы приняли это за подвох какой-то, озлобились и начали мины кидать вслепую по ребятам. Видно, как в низинке взлетают чёрные кусты взрывов. А наши славяне знай себе нарывают цветов.

Танюша как увидела, что Ивана загородил чёрный фонтан взрыва, охнула, прижала пилотку к глазам, уткнулась в стенку траншеи, да так и замерла.

А бойцы из траншеи хором орут фрицам: «Нихт шиссен! Нихт шиссен!» - не стреляйте, мол. И точно, услышали немцы, прекратили мины бросать. А Иванко, Ваня и Янко – вот они, уже подбегают к траншее, соскочили и Тане цветы преподносят:

- Танечке на радость! – говорит Иванко.
- Танюше на счастье! – говорит Янко.
- На любовь светлую! – говорит Ваня.

Медленно отняла Таня пилотку от лица, её бледные щёки начали розоветь, в глазах вспыхнули искорки радости. «Це-е-лые», - певуче выговорила она, переводя взгляд с ребят на протянутые к ней три благоухающих пышных букета. Обхватила цветы обеими руками, прижала к груди:

- Спасибо, мальчики! Спасибо! Ох, да разве ж можно так, мальчики?!

На её глазах появились слезинки, скрывая их, утопила лицо в цветы, её плечики под гимнастёркой чуть вздрагивали. Ведь из-за неё, как ей казалось, кто-то из них мог не вернуться.

- Танечка, Танечка, не плачь, что ты, что ты, - просяще, успокаивающе и любяще говорит Ваня. – Мы же везучие. Нас пуля не возьмёт, мы же бессмертные.

- Конечно, бессмертные, не плачь, Танюша, - тихо подтверждает Иванко.

- Верно, верно, бессмертные. Не плачь, сестричка, - нежно уверяет Янко.

Таня поднимает из яркого красно-розово-жёлто-сине-голубого букета лицо, смотрит на них, улыбается сквозь слёзы:

- Ма-а-альчики...

А я смотрю на эту сцену и думаю зло: ну покажу я вам, «мальчики»! Схлопочете у меня за эту выходку! Узнает начальство, - а оно узнает! – и меня крепко поглядят против шёрстки!

И тут слышу крик ординарца:

- Товарищ лейтенант! Ротный вызывает!

«Ну вот, уже и начинается!» - подумалось мне. Но, оказалось, пришёл приказ о наступлении. Завтра бой. Надо готовиться. Не до «мальчиков» стало. А утром артподготовка, бомбёжка вражеских позиций, сыграли «катюши». И вперёд, пехота! Бой у нас был короткий, но жаркий, тут меня и угораздило в двух местах. Госпитали – один, другой. Словом, отвоевался, в часть свою уже не попал. И не знаю, что там было дальше с нашими славянами – Иваном, Иванкой да Янком. Думаю, что живы-здоровы остались. Задают свои ложечные концерты. Они же бессмертные!

БЕЗЫМЯННЫЙ БОЙ

Мчится по белой рассветной равнине армейский студебеккер. Изпод бешеной круговерти колёс веером взлетает снежная пыль, павлиньим хвостом тянется за машиной. Студёный ветер посвистывает над кузовом, упруго давит в спины и плечи, обжигает лица солдат. В полушубках и маскхалатах, они сидят в кузове, придерживая оружие, ящики с боеприпасом, шанцевый инструмент. У кабины сидит, сдвинув брови, командир отделения, гвардии старший сержант Антошин. Оттеняя смуглое, обветренное лицо, на его рыжеватых усах белеет намёрзший иней.

Восемнадцатилетний паренёк, сибиряк Сергей Кустов поглядывает на своего командира: «Недоволен, наверно, нашей задержкой». Сергей первый раз едет в бой, как и его земляк и друг Сашка Чикин, молчаливо сидящий рядом. Они недавно прибыли с пополнением в механизированный полк. Они гордились зачислением в гвардейскую часть. А старший сержант, второй год бывший на фронте, пообещал им, рассказывая о боевых делах однополчан: «Вот покажете себя в первом бою, получите и вы по гвардейскому знаку. Хлопцы вы дюжие, оба комсомольцы. А мы – коммунисты и комсомольцы должны быть всегда впереди, в атакующих рядах!»

Антошин был строг, но и заботлив. Сергей с уважением и теплинкой в сердце поглядывал на хмурого командира. А хмуриться было от чего. Их «студер» шёл не последним в колонне, но заглох мотор, и, пока шофёр возился под капотом, костеря всех святых вкупе с Гитлером, их обошли все машины полка, идущего в прорыв немецкой обороны. И вот они одиноко неслись по безлюдной степи, догоняя своих.

Чуть сбавив ход, студебеккер слетел в низину, громыхнул по деревянному мостику через оледенелую речушку, выскочил на взлобок и вдруг вильнул вправо, врезался в снежный вал, тянувшийся вдоль обочины.

В первые мгновения Сергей ничего не понял. Его больно стукнуло о борт и тут же обожгло криком: «Прыгай!» Вслед за другими маханул из машины в глубокий снег, замер и услышал свист над собой (пули!) и сухой дробный стук пулемётных очередей.

- Все живы? – громко спросил Антошин. Оказалось, что нету Ивана Надежина, пожилого солдата – остался в кузове, видимо, убитый. В кабине, упав окровавленной головой на руль, не двигался водитель. На капоте лежали ошмётки снега, парок поднимался над радиатором и таял бесследно.

Пулемёты смолкли. Чуткая тишина повисла над степью. Зыбкий свет сочился сквозь хмурое серое небо. Антошин осторожно приподнял голову над снежным валом: «Откуда стреляли?» Впереди и влево от дороги возвышался курганчик. «Оттуда. Выгодная позиция», - и приказал:

- Снимайте миномёт!

Расчёт изготовился, как ловчее выхватить из машины миномётный ствол и опорную плиту вместе с ящиком мин. Из «дегтярёва» и автоматов ударили по курганчику. Одновременно миномётчики кинулись в кузов. Немцы запоздали. Пули защёлкали по борту, откусывая и расплёвывая щепочки, когда бойцы уже спрыгнули с нужным грузом.

Предстоял бой. Непредвиденный, неожиданный. И неизвестно, сколько было их там, на этом бугре: много, мало? Многоопытный Антошин прикидывал, как организовать бой, как его вести.

А с курганчика на машину смотрел оберлейтенант Нагель. В его светло-синих глазах не было ни азарта охотника, выследившего добычу, ни жажды победы. Он, воевавший с начала восточной кампании, пережил не одно поражение, а в боях под Москвой в нём что-то надломилось. И теперь вот здесь, под Сталинградом, снова началось подобное московской битве. Это он чувствовал по той неразберихе, противоречивым приказам, которые получал после глубокого прорыва фронта русскими. Он понимал, что оказался в тылу русских, почти в безнадёжном положении, предчувствовал, что это будет для него последний бой.

Перед рассветом оберлейтенанта с усиленным отделением, всё, что случилось под рукой, забросили сюда, к речушке с приказом задержаться, не пропустить русские резервы в прорыв. Мостик он взорвать не успел, встретить колонну машин огнём было безумием – их бы сразу смели огнём и сталью вместе с курганчиком.

И когда появилась одинокая машина, мелькнула мысль: захватить её и попробовать вырваться под видом русских к своим. Поэтому он распорядился дать очередь по кузову и шофёру так, чтобы уцелел мотор. И вот студебеккер скособочился на дороге. Но как его захватить? Ответный огонь показал, что это сделать нелегко, а может, и невозможно – он хорошо знал упорство советских солдат.

Нагель вновь тоскливо ощутил свою обречённость в этой холодной бескрайней степи. А минуты шли, надо было принимать решение. Он знал, что русских меньше, кто-то уже убит, и если атаковать под прикрытием двух крупнокалиберных пулемётов, можно добиться успеха. И он приказал:

- Фойер! – Огонь! Фортвертс! – Вперёд!

Пули засвистели над дорогой, белыми фонтанчиками взбрасывая снег. «Сейчас немцы кинутся на нас», - понял Антошин и крикнул расседоточившимся вдоль вала бойцам:

- Приготовиться к отражению атаки!

Навстречу густой кучке фигур, сбегающих с бугра, полетели струи из ручного пулемёта и автоматов, заахал миномёт. Первые же мины взметнули снег и землю среди немцев, раскидывая, опрокидывая их. Огневой удар был плотен и меток. Уцелевшие залегли, потом бросились обратно. Оберлейтенанту стало ясно: надежды на благополучный исход рухнули. Половина солдат выбыла из строя, а по бугру всё били и били мины, выискивая новые жертвы. Мелкие окопчики, выдолбленные в мёрзлой земле, не спасали от густо брызгавших осколков. Прямым попаданием расшвыряло пулемёт с расчётом. «Теперь русские будут атаковать», - Нагель подобрал автомат убитого, расстегнул кобуру пистолета.

Солдат, лежавший левее оберлейтенанта, вынул из сумки гранаты, положил рядом, повернул лицо, обросшее рыжей щетиной (не успел побриться в последние три дня), к командиру. В его расширенных глазах застыл вопрос: «Что делать? Это гибель? Может, сдаться?»

Рядом рвануло. Комья земли ударили по спине. Нагель вжался в окопчик. Сдаться в плен – означало спасти свою жизнь и жизнь уцелевшим солдатам. Но он отогнал эту мысль. И не только потому, что не смел уронить чести кадрового немецкого офицера. Он знал, что подвергнется репрессии его семья, возможно, и родственники. А как это делают эсэсовцы, он тоже хорошо знал.

А в это время гвардии сержант Антошин, бывший шахтёрский бригадир, приказал обходить курганчик двум бойцам слева, двум справа. Нужно было кончать с помехой на пути как можно скорее.

Усиленно работая локтями и коленями, Сергей полз к овражку, который, как он приметил, тянулся от речушки к курганчику. За ним следовал Сашка. Сергей как-то сразу подавил в себе страх. Он и мысли не допускал, что может быть убитым. Двое погибли, да. Но это же такой случай! Могут погибнуть и другие, но не он. Это же дико, чтобы с ним, полным сил и здоровья, полным жизни и энергии, могло случиться такое!

Вот и овражек. Оглянулся на Сашку. Тот был рядом. И вдруг снег брызгами вскипел возле друга. Сашка дёрнулся и затих.

- Сашка, Саш!

Дружок не ответил и не шелохнулся. «Неужели ранен, неужели убит? У, га-ады!!» - Сергей остервенело рванулся вперёд по глубокому снегу.

Он очутился сбоку и чуть сзади высотки. Увидел крайних немцев, стреляющих из пулемёта, услышал родное «ура-а!» и, на бегу целясь, строчил и строчил из автомата по пулемётчикам.

Словно палкой с размаху ударили Сергея по правому боку. Автомат выпал, ладони разом прижались к ране. Теряя сознание, разворачиваясь назад и запрокидываясь, он рухнул на снег.

Оберлейтенант Нагель смотрел на падающего русского солдата, всё ещё держа вытянутую руку с пистолетом. Стрельба вокруг разом оборвалась. Повернул голову. Его двое, видимо, последние из живых солдат, стояли в рост на бугре, воздев к небу растопыренные длинные руки. Они показались Нагелю чёрными, мрачными крестами. Оберлейтенант вермахта Отто Нагель приложил дуло пистолета к своей груди, напротив сердца...

Сергея на носилках вынесли на дорогу к машине. Очнувшись, он почувствовал свой горячий бок. Туго чем-то перетянутый, увидел над собой усатое лицо Антошина с белой повязкой на голове и попытался улыбнуться.

- Жив, гвардеец? – услышал знакомый с хрипотцой голос отделенного. – Молодчина! Живи назло всем смертям и всем врагам Родины!

Сергей попытался привстать, но сразу сник от боли.

- Лежи, лежи, гвардеец, - Антошин поправил съехавшую набок шапку на голове Сергея, оглядел стоящих рядом бойцов в изорванных грязных маскхалатах, глубоко вздохнул. Закончился ещё один бой, ещё один безымянный победный бой в великой войне с проклятыми фашистами.

БОЕЦ ИЗ СЕЛА КРАСНОЯРКА

Лето сорок первого. Далеко на западе громыкает война. Её эхо долетает и сюда, в Сибирь, в мирное село Красноярка. Колхозники в поле. Сенокос. Бригада собралась на обед, сидят полукругом пожилые мужчины, женщины, девушки, ребята. Андрей Паненко, заведующий клубом, с газетой в руках. Он читает очередную сводку информбюро.

- Трудное было время, - вспоминает Андрей Николаевич, – в те дни мне пришлось бывать в поле во всех бригадах, читал фронтовые сводки. Когда стали прибывать раненые, мы возили их со станции в

школы № 2 и № 5 райцентра, в которых были созданы госпитали. Собирали для них ягоды и тёплые вещи для фронта. Вскоре прозвучал клич: «Добровольцы, на защиту Москвы!..»

Комсомольский вожак Андрей Паненко написал заявление райвоенкомку. А в середине ноября он был уже на передовой. В боях остановили фашиста за станцией Лобня и держали оборону до 30 ноября. Как ни рвались фашисты к Москве, но дальше шагу не дали им ступить сибиряки.

А вскоре грянуло наступление на Волоколамск. Шли вперёд по глубокому снегу. Дороги забиты брошенной вражеской техникой. Окружили город, с боями освободили. На площади стоят виселицы – повешены 8 человек, обвиненных в связях с партизанами.

Крепче сжимает оружие Андрей, шагает с бойцами по улице. Кругом горит, под ногами ручьи бегут. Валенки насквозь промокли, а ведь зима, мороз. Технику фашисты побросали, а бензином строения поджигали. За городом на дороге целёхонькие немецкие танки стоят. Из них бойцы выбрасывают фашистские парадные мундиры и приглашительные билеты в театры и рестораны московские. Сибиряки смеялись: «Что, фрицы, сорвалось? Вы ещё попляшете у нас под пулями!»

За городом в нескольких километрах освободили совхоз «Волоколамский». И тут следы зверств фашистов. Гитлеровцы согнали всех военнопленных и гражданских, кто работал у них на оборонительных укреплениях, в помещение свинофермы и подожгли. Кто пытался бежать из огня, тех расстреливали из пулемётов. Все погибли.

Свирепствовали и диверсанты, стараясь задержать стремительное наступление советских войск. Неподалёку в тылу части, в которой воевал Андрей Паненко, прошёл лыжный фашистско-финский отряд. Всех убивали и всё жгли. Срочно был создан отряд из лыжников-сибиряков. В нём был и Паненко. Пошли в погоню за диверсантами.

- Через два дня, - рассказывает Андрей Николаевич, - нагнали мы их в лесу, невдалеке от Октябрьской железной дороги. Фашисты устроили привал, снимали лыжи (они ходили без палок, с автоматами в руках), разожгли костры, греют консервы. Даже постов охранения не выставили, так были самоуверенны. Сидят у костров, пиликают на губных гармошках, выпивают, закусывают.

А тем временем наши бойцы окружили их и разом открыли огонь, ни один не ушёл. Не было приказа брать в плен этих убийц и поджигателей.

После этой операции отдохнули три дня вблизи передовой. Пришёл командир: «Ребята, кто пойдёт в разведку?» Вызвались десять человек, в том числе и Паненко. Надо было уточнить оборону деревни Хворостинино, в которой крепко фашисты засели.

Под командой Андрея Паненко разведчики обошли деревню. В лесу слышали звуки губной гармошки, визг пил, стук топоров. Догадались, что лес немцы валят для оборонного строительства.

«За мной, ребята!» - сказал Паненко двум бойцам, и поползли по снегу поближе к немцам. Андрей увидел: за сваленной сосной укрылся от ветра немецкий офицер с планшетом на боку.

Подполз к нему Андрей сзади, накинул на шею поясной ремень и притянул крепко офицера к себе. Тот и пикнуть не успел, как двое разведчиков всунули ему кляп в рот, руки-ноги повязали. Ползком ушли из опасной зоны.

Доставили «языка» в штаб полка. В офицерском планшете оказались схемы оборонительных сооружений у Хворостинино. Очень они помогли нашему командованию. На другой день разбили позиции фрицев, освободили деревню и пошли дальше, вперёд, на запад!

- А этот фашист-сапёр здоровый был дядя, - улыбается Андрей Николаевич, - с орденами. Попросил он командира полка показать разведчика, который пленил его. Вошёл я в штаб, он смотрит сверху вниз на меня и цедит сквозь зубы: «Такой юнец». Перевёл мне его слова командир и говорит фашисту: «Этот юноша – сибиряк! Понятно?» Видно, фашист что-то понял и опустил голову.

Андрея Паненко тогда наградили медалью «За отвагу», назначили командиром отделения, потом воевал командиром взвода. В одном из боёв ударил осколок вражеского снаряда в голову сибиряку. Долго лежал в госпитале. Поднялся, вернулся в родные края. Ныне живёт в райцентре. Работает радиоэлектриком в Центральном Дворце культуры.

В БОЯХ ЗА РОДНУЮ ЗЕМЛЮ

В начале декабря 1941 года 154-й стрелковый полк дислоцировался под Тулой. Ночью маршевыми колоннами направился в город прославленных русских оружейников. Скрипел снег под валенками солдат, мороз обжигал щёки. Впереди своей роты шагал лейтенант Носиков, думал о предстоящих боях с осаждающими Тулу фашистами. Низкие домики окраинной улицы напоминали далёкую сибирскую деревеньку Новопокасьму, где вырос, где жила его мать. Отца Иван не

помнил. Ему было четыре месяца в том 1915 году, когда мать проводила отца на германскую войну. Проводила и не дождалась своего Никиту – сразила германская пуля русского солдата.

Теперь он, Иван, идёт сражаться с немецко-фашистскими захватчиками за родную землю.

Шли по затемнённым улицам, встречались суровые патрули, высились в небо башни старинной крепости, похожие на кремлёвские башни столицы.

Около военного завода бойцы получили винтовки, автоматы ППШ. Их приклады были шероховатые, неотполированные – не до того. Рота вооружилась и заняла позицию невдалеке за корпусами завода.

В предрассветной мгле ударили залпы нашей артиллерии, заухали тяжёлые миномёты. Вскоре вперёд пошли танки, обходя большой лог для флангового удара по противнику. «Вперёд!» - крикнул лейтенант, и рота пошла следом за бронированными машинами.

Под мощными ударами наших войск гитлеровцы отступали так поспешно, что догонять их приходилось на машинах и даже в поезде. Освободили город Алексин. Под Калугой ночью разведчики тихо сняли вражеское охранение, и роты ворвались в город. Загремела стрельба на улицах. Немцы выскакивали из тёмных домов в одном белье, петляя по-заячьи, убежали.

На станции Вятлино Носикова удивило огромное количество захваченных трофеев: много лошадей, орудий, боеприпасов, танков, тягачей, автомашин. Из трофейных орудий били врага под Юхновом. Дней через двадцать освободили город.

В боях прошёл и март. 18 апреля 1943 г. получили приказ форсировать Десну. На рассвете садились роты в лодки и на плоты. Обнаружив плывущих, немцы открыли шквальный огонь. На середине реки перед лодкой, в которой был Носиков с бойцами, полоснул взрыв. Нос лодки срезало, как ножом. В ледяной воде ломило руки, сводило ноги. Захлёбывающихся бойцов подхватывали товарищи с плотов и лодок. Несколько дней пролежал лейтенант в санбате, излечивая простуду, и снова в свою роту.

В конце апреля Ивана и замполита Егора Ревина вызвали с передовой в штаб батальона. Покинув окопы, шли мимо зазеленевших берёзок, сквозь кустарник, залитый весенним солнцем.

Поодаль изредка рвались снаряды, вздымая фонтаны земли. Боя не было, но враг вёл беспокоящий обстрел. Их, видимо, заметили: поблизости грохнул взрыв.

- Ложись! – крикнул Носиков своему земляку-новопокасьминцу, шедшему рядом, а сам стал отбегать в сторону.

И тут снова рвануло. По шее лейтенанта будто палкой ударили, и он рухнул рядом с белоствольной берёзкой.

Ревин бросился к командиру: «Ваня! Ваня!» Но тот не подавал признаков жизни. Голову и ворот гимнастёрки заливало кровью.

Доложив комбату, что ротный убит, замполит на обратном пути не обнаружил тело лейтенанта. «Подобрали уже, - подумал он. – Эх, Ваня, Ваня... Ну, погодите, сволочи, поквитаемся ещё!»

А когда отгремел бой, Егор Ревин отправил в родной колхоз «Молодой пахарь» (ныне совхоз имени Чкалова) треугольник солдатского письма с горестным известием.

Немало слёз пролила Анна Осиповна, колхозная телятница, получив это письмо.

Не знала мать, как и Ревин, что подобрали санитары её дорогого сына не для похорон, а доставили в санбат, так как он, хотя был в беспомощности, дышал.

Шестнадцать суток без сознания пролежал Иван на госпитальной койке. Но очнулся сибиряк, выжил, встал на ноги.

После выздоровления через несколько месяцев Ивана направили на курсы усовершенствования командного состава. И снова фронт, жестокие бои под Великими Луками. Гитлеровцы переходили в контратаки. Играли огненными смерчами «катюши», гремела с обеих сторон артиллерия, бомбила авиация. Фашисты сбрасывали на наши позиции бомбы, воюющие железные бочки и хвастливые листовки: «Если возьмёте Ржев и Великие Луки – до Берлина дойдёте без муки».

- Видите, - говорил своим бойцам замкомбата капитан Носиков, - уже и сами фрицы признают, что мы дойдём до их логова. Бейте насмерть фашистов!

Никогда не забудется Носикову «долина смерти», в которой его пулемётная рота скосила сотни атакующих гитлеровцев. Но несмотря на потери, они стремились прорвать нашу оборону. Батальон оборонял подступы к деревне, вытянутой по широкой низине. На одной её окраине находился командный пункт батальона.

По деревне густо били орудия и миномёты противника. Горели дома. Просочившиеся немецкие автоматчики появились на флангах. Командир полка приказал установить на высотах за деревней пулемёты для отражения автоматчиков. Комбат послал связных в пулемётные роты и приказал всем штабным работникам отходить к высотам.

Не успев отбежать от штаба, комбат и Носиков услышали зловещий вой близкого снаряда. Упали на землю. После взрыва, отряхнув с себя комья земли, Иван приподнялся, ища взглядом комбата. Поблизости дымилась воронка и лежал порванный сапог – всё, что осталось от командира.

Иван пополз. Над ним свистели пули. Вой и мелкий кустарник по взгорку. И тут сзади, чуть левее капитана, застучала автоматная очередь. Так больно резануло по ногам, что Иван на мгновение потерял сознание. Затем осторожно повернул голову – за кустиками стоял немец, высматривая очередную жертву. Выхватив пистолет, разрядил его в ненавистную фигуру. Немец выронил автомат и повалился на куст, сминая ветки.

Капитан попробовал ползти, но вскрикнул от дикой боли в ногах. А в это время с высоток взхлѐб ударили наши пулемѐты – подошли роты резервного батальона. Врага отбили и отбросили назад.

Это был последний бой Ивана Носикова. Долго пришлось лечить перебитые ноги. Но служба по выздоровлении не окончилась. Он обучал молодых бойцов в запасных полках. После победного окончания войны Носиков вернулся в родные края. На груди фронтовика блестели орден Красной Звезды и боевые медали, напоминая о жарких боях за свободу и счастье родной земли.

В ДНИ И НОЧИ ОГНЕВЫЕ

Фѐдор Степанович Лучшев работает в Драчѐнинском отделении «Сельхозтехники». Бывший фронтовик прошѐл славный путь от рядового бойца до офицера связи дивизии. Двадцати лет встретил он День Победы в Праге. Семью боевыми медалями, орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны отмечены его ратные дела. Есть что вспомнить Фѐдору Степановичу из трёх лет фронтовой жизни. Расскажем о двух боевых эпизодах.

Ночная встреча

Пришпоривая вороную Галку, спешил Фѐдор, офицер связи дивизии, доставить пакет в штаб полка. По сторонам дороги то справа, то слева вырисовывались во тьме разбитые повозки, машины, боевая техника, брошенная в поспешном отступлении немцами. По их пятам двигались наши части. Двигались днѐм и ночью, освобождая от оккупантов землю многострадальной Украины.

Покачиваясь в седле в такт намѐту лошади, Фѐдор всматривался в ночную мглу. Слабый свет луны, пробив облачность, осветил впереди колонну обозников, спешивших за передовыми батальонами полка.

Убедившись, что они из нужного ему «хозяйства», всадник обогнал обоз и поскакал в открывшееся за поворотом дороги село.

Конский топот ворвался в тишину сельской улицы. Ни огонька, ни собачьего лая. Село словно вымерло. Жители затаились, ожидая, пока перекатится вал немецкого отступления. Немцы злобствовали, вымещая свои неудачи на мирных жителях. Сквозь негустую листву садовых деревьев темнели хаты, посвечивая когда-то белёными стенами.

За изгибом улицы Фёдор почти налетел на небольшую колонну солдат. Осадив Галку и направив её сбоку тёмных силуэтов солдат к впереди идущему, Фёдор крикнул:

- Ребята, не проходили здесь штабные машины?

Ему никто не ответил. Солдаты устало, молча шагали в строю, не обращая внимания на верхового. Это не то что удивило, а обозлило Фёдора.

- Где штаб, я вас спрашиваю? – раздражаясь всё более, выкрикнул он. И снова молчание идущих.

- Где штаб, ты что, оглох?! – и со всего размаха Фёдор полоснул плёткой по спине впереди шагающего. Тот дёрнулся от боли, обернулся. С его головы свалился капюшон, открыв немецкую офицерскую фуражку.

«Немцы!» - ожгло сознание Фёдора. Круто развернув всхрипнувшую Галку, вонзив шпоры в её бока, ринулся в переулок. Рука машинально выхватила пистолет, оглянулся назад. Немцы не стреляли. Они тоже бросились прочь с дороги, укрываясь в ближайшем саду.

Уже после того, как Фёдор сообщил обозникам о немцах, как их окружили и взяли в плен, он почувствовал короткий наплыв страха. Его ведь запросто могли прошить пулями. Но немцы боялись стрельбой выдать себя. Отбившись от своих, потерявшись в сумятице отступления, они вышли из леса голодные и усталые, надеялись уйти к своим по ровной дороге ночью. Не вышло.

Факельщики

Только на следующее утро Фёдор нашёл штаб полка в большом украинском селе. Штабные машины стояли у здания бывшей школы. В село только что вошла авангардная рота стрелков. Некоторые дома горели. Тушить пожары жителям помогали бойцы.

Передав пакет по назначению, Фёдор проехал к окраине, оставил Галку в яблонево садике и пошёл к хате. На всякий случай приготовив пистолет, громко спросил в хате: «Дома хозяева?» Никто не ответил. Не заглядывая в следующую комнату с полуоткрытой дверью, подошёл

к лавке у стены, где стояли жёлтые пузатые кринки. В них белело молоко. Почувствовав, что очень голоден, взял со стола горбушку хлеба, ложку и принялся снимать сметану. Увлёкшись едой, не сразу сообразил, что кто-то прошёл сзади, чуть хлопнув дверью. «Хозяин, наверное», - подумал Фёдор и подошёл к оконцу. От хаты к кукурузному полю, за которым желтел лес, стремглав бежал долговязый немецкий офицер.

Схватив пистолет, что лежал рядом с кринкой, Фёдор кинулся за ним, выстрелил. Немец обернулся. Ответная пуля вжикнула рядом.

- Вон он, вон он, - послышалось рядом. Кричал откуда-то выскочивший бородатый старик с вилами в руках.

- Ложись, батя, убьёт! – приказал Фёдор, а сам бросился в кукурузник.

После недолгой перестрелки, раненый в руку и мякоть ноги, немец поднял руки. Злобным взглядом глубоко сидящих глаз на худощавом лице встретил он подошедшего. «Пошёл, - махнув пистолетом в сторону села, крикнул Фёдор. – Шнель, шнель! Быстро!» У хаты их окружили сбегающиеся селяне. Бледнолицая девушка с печальными большими глазами, одетая в залатанную фуфайку, показала Фёдору:

- Вон в той хате четверо немцев сховались. Они дома поджигали...

Оставив пленного в окружении сельчан: «Стерегите!» - Фёдор вскочил на Галку. Вскоре к указанной хате подкатил грузовик. На очередь из ручного пулемёта немцы высунули в окно белый флаг.

Фёдор поспешил к своему пленному. Толпа расступилась. Немец неподвижно лежал на дороге, неестественно подломив руки. «Порешили мы его», - сообщили ему. Оказалось, что этот немец был в селе за коменданта. Он застрелил за непокорное слово старушку, изнасиловал дочку старика с вилами, при всяком случае пинал ребятишек. Ас утра он с группой факельщиков начал жечь дома. Не стерпела душа сельчан, покарала под горячую руку изверга-оккупанта.

«В лесу прифронтовом»

В просторном клубе колхоза имени 1 Мая шёл концерт художественной самодеятельности. Концерт ставили шефы колхоза – горняки шахты «Журилка-3». Ведущий программу выступлений Виталий Алексеевич Рыбин, объявляя очередной номер, произнёс в полумрак заполненного зала:

- Сейчас будет исполнен вальс «В лесу прифронтовом», исполнен в честь сидящего в зале Фёдора Степановича Лучшева, моего фронтowego друга.

Поблѣсковая перламутровыми планками, аккордеон певуче выводил мелодию, почти выговаривая слова: «С берѣз неслышен, невесом слетает жѣлтый лист...».

Непостижимая магия музыки зачаровала зал. Захваченный её властной силой, Фѣдор Степанович одновременно чувствовал, как где-то в подсознании легко всплывают и уходят, сменяя друг друга, картины далѣкого прошлого. Тогда, в 42-м, им было где-то под двадцать лет. И был Звенигород – чудесный городок под Москвой. Там связист дивизии Федя Лучшев вошёл в казарму 138-го полка:

- Есть здесь сибиряки?

- Есть! – радостно отозвался стройный русоволосый паренѣк. Это был Виталий Рыбин – миномѣтчик.

- Ты откуда?

- Из Ленинска-Кузнецкого.

- Ну! А я из села Протопопово. Совсем рядом!

Это была первая встреча. А потом встречи в боях и походах, в санбатах и снова на фронтовых дорогах, вплоть до самого Берлина.

Одна из таких встреч была на Днѣпре. И было это так.

Батальон, в котором был Рыбин, первым форсировал Днѣпр на своём участке выше Киева. Форсировал рано утром, когда над рекой плыл туман, усиленный дымовыми завесами. Под обстрелом, покидая понтоны и лодки, батальон атаковал немцев и занял плацдарм на правом берегу.

К полудню по наведѣнному понтонному мосту дивизионный офицер связи Фѣдор Лучшев на вороной Галке спешил на плацдарм выяснить обстановку. Высоко над головой со скрежетом шли снаряды – тяжѣлая артиллерия поддерживала своих.

Когда Галка одолела крутой откос, Фѣдор оказался недалеко от дощатого сарая, за которым шѣл взгорок, и за ним стучали пулемѣты, ухали взрывы. У сарая стояла походная кухня. Пожилой солдат – повар, махая обеими руками, звал к себе.

- Такой борщ, такой борщ! – восклицал он. – А есть некому. Покушай, будь добр, - умолял он. Ведь пропадѣт. Такой борщ!

Фѣдор согласился, так как с ночи во рту не было ни крошки. Борщ, действительно, был отменным.

А мимо сарая, не обращая внимания на призывы повара, проходили к переправе раненые. Знакомый лейтенант, с бледным, измазанным землѣй и кровью лицом, бережно нѣсший на подвязке забинтованную руку, подошѣл к Фѣдору, кивнул в сторону боя:

- Там, кажись, твоего земляка Рыбина убило.

Фёдор вскочил, взлетел на седло, и Галка, как вихрь, понесла его за взгорок. У иссечённой осколками берёзовой рощицы, откуда была батарея «сорокапятков», узнал, что миномётчики находятся левее.

Позиции миномётов были перепаханы снарядами. Рыбин лежал, полузаспанный, недалеко от дымящейся воронки.

- Виталька, Виталька! – кричал Фёдор, бешено отшвыривая комковатую землю. Перевернул друга на спину. Тот открыл глаза, узнал Фёдора, и по его запыханным щекам потекли слёзы, оставляя светлые полосы. Он был контужен взрывом – оглох и онемел. Уже не слыша гула боя, он только видел чёрные фонтаны разрывов и чувствовал, что язык не повинуется ему.

Фёдор посадил друга на спину лежащей Галки, поднял её, сел в седло: «Держись!» И донская кобылица понесла их во весь мах мимо рощицы с умолкшими пушками – все артиллеристы погибли – к переправе.

Переправа была разбита. Её вновь наводили. Отправивши друга на лодке с ранеными, Фёдор снова поднялся на откос. По взгорку бежали бойцы. «Танки! Танки!» - слышались отчаянные крики.

Фёдор кинулся навстречу бегущим, выхватил пистолет: «Стой! Стой! Переправа разбита!»

Увидев офицера, бойцы замешкались.

- Давай к пушкам! Там все погибли! – и, увлекая бойцов, бросился бегом к рощице.

Три приземистых бронированных коробки с крестами, проутюжив окопы, где были миномётчики, двинулись к рощице. И в это время по ним ударили ожившие противотанковые орудия. Передний танк клюнул носом и задымился. Ещё залп, ещё и ещё. И вот вспыхнул второй, а третий отвернул в сторону и пополз назад.

И вдруг мощный гул заглушил всё и сотряс воздух над бойцами. Фёдор поднял голову. Краснозвёздные Илы, строй за строем пронеслись над ними и обрушивали лавину огня на наступавших гитлеровцев. Впереди встала стена из взрывов и дыма.

Фёдор опустил на станину орудия, отёр рукавом пот с лица и почувствовал, как тело наливает тяжёлая усталость. А по взгорку от переправы бежали наши, катили пушки, занимали окопы, устанавливая пулемёты и миномёты. Потом появились танки «Т-34». Бой был выигран. Фёдор тяжело поднялся и, не спеша, направился к сараю, где оставил свою вороную Галку.

... Так было тогда, на Днепре. А сейчас Фёдор Степанович Лучшев сидел в своём колхозном клубе и слушал вальс «В лесу прифронтовом», вальс до боли знакомый и близкий, который исполнял для него фронтовой друг Виталий Алексеевич Рыбин.

В ТЕ ГОДЫ БОЕВЫЕ

Ветеран войны и труда Грибов Илларион Трифионович начал работать в шахтоуправлении «Кольчугинское», тогда шахте «Журилка-3», почти сразу после сдачи её в эксплуатацию в 1933 году. Оттуда, через 4 года, был призван в ряды Красной Армии. После службы снова работал в шахте, добывал стране уголь. Здесь же встретил известие, превращавшее мирный труд: «Война! Гитлер напал на СССР!» И уже в августе сорок первого года повёз воинский эшелон шахтёра Грибова на запад, на фронт. Пришлось испытать горечь отступления и большую радость наступательных боёв под Москвой.

В наступлении за станцией Лобней получил боец Грибов первое ранение. А дело было так, вспоминает ветеран. Наступали на деревню. Фашисты бьют из шестиствольных миномётов, нет возможности продвигаться. А откуда бьют, неизвестно. Послали разведать трёх бойцов, в том числе и меня. Справа от деревни лес. К нему мы и двинулись. Сначала перебежками, потом ползком – немец из пулемёта начал стрелять. Одного послали ползти дальше. Слежу за ним. Вот он затих, не шевелится, голоса не подаёт. Убило! Решил я ползти, а товарищ говорит: «Пошли назад, я засёк, откуда миномёты бьют!» Доложили комбату. Вскоре наши орудия ударили по тому месту в лесной опушке, где была гитлеровская батарея, она замолкла.

С трёх сторон стали наши роты обходить деревню. Наша рота шла вдоль опушки леса. Начали атаковать, а с крыш по нам застрочили пулемёты. Кто упал, кто залёг в снег. Чувствую, как по валенку что-то сильно стукнуло. Горячо стало. Пальцы правой ноги огнём жжёт. Упираться нельзя – страшная боль. Кое-как отполз к лесу. А уже темнеет. Стрельба стихла. В лесочке никого нет. Куда идти? Вдруг слышу: «Стой, кто идёт? Русский?» Отвечаю: «Русский». А голос: «Я тоже. Пойдём вместе!»

Идём по лесу. Туда ли, не знаем. Я на винтовку опираюсь. И вдруг навстречу санитары наши. Обрадовались. Товарищу руку перевязали. А у меня полный валенок крови, снять не смогли, заledenел. Пошли в санроту. Я на одной ноге прыгаю, санитары поддерживают. Потом был санбат. Оттуда всех раненых на машине срочно в госпиталь отправили, в Москву. Там сделали операцию. Заморозили рану, прочистили.

Клочки шерстяной портянки повытаскивали. Оказывается, ударила разрывная пуля. Всю кожу и мясо с пальцев сорвало.

Отправили солдата Грибова на лечение в г. Омск. А по выздоровлении, летом 1942-го, попал на Северо-западный фронт. Служил телефонистом – линейным надсмотрщиком в батальоне 690-го стрелкового полка. Задача одна – содержать в исправности телефонную связь. В ночь-полночь, днём и ночью, в дождь и снег под огнём врага налаживали связь командира батальона с ротами.

Вспоминает Илларион Трифионович, как шли бои за одну важную высоту. Из восьми телефонистов осталось двое – Грибов да его дружок из Курской области. От взрывов и пуль то и дело рвутся провода. И вот они за восьмерых день и ночь ходят, ползают, восстанавливают связь. Выматывались до невозможности, вспоминает Грибов, а приказ: взять высоту! Комбат звонит в полк, просит перенести атаку на ночное время, а то днём будут большие потери. Комполка связался с дивизией. Генерал разрешил. И вот началось ночное наступление. Две роты успешно продвигались, а третья молчит. Нет связи. Комбат приказывает мне: «Иди, проверь, что там?» Я говорю, что одному нельзя, мало ли что, надо вдвоём. Он подумал и говорит: «Ладно, идите вдвоём!» И сам сел у телефонных аппаратов.

На нас катушка с телефонным проводом, противогаз, вещмешок, подсумок на поясе, в руке винтовка. Идём, ползём. Добрались в роту. Стрельба, ракеты вспыхивают немецкие. Ротный тяжело ранен, многие погибли, стонут раненые. Телефон разбит. Поползли обратно. Мороз, месяц засиял, что прожектор. Пули свистят. Фёдор говорит: «Замёрз сильно. Встану, пробегусь». Я ему: «Ползи быстрее, грейся». А он: «Нет, побегу!» Поднялся, шагнул и упал. Сразу и ранило его. Ободрил я его: «Лежи, жди меня», - а сам дальше ползу. Добрался благополучно, доложил обо всём комбату. Он собрал всех, кого можно, штабистов, поваров и бросил в бой. Высоту взяли, освободили деревню. Боевую задачу выполнили.

Дали нам после этого отдых. Три дня в тылу. Баня, парная – благодать! Одежду прожарили от паразитов. Спим в постелях, белые простыни - чудо! Кушаем щи, котлеты, компот и сто граммов. Потом приехал генерал. Построили отличившихся, человек 25 нас было, и генерал вручил всем боевые ордена и медали. «Спасибо вам, ребята, за службу! - сказал он. – Отдохните, наберитесь сил, и опять пойдём воевать, гнать с родной земли фашистскую нечисть!» Тогда я и получил свою первую награду – медаль «За отвагу». И Фёдор тоже был представлен к награждению.

Потом снова передовая. Снова телефонист Грибов исправно несёт службу под огнём врага. Был отмечен ещё одной медалью – «За боевые заслуги». Но в начале сорок третьего ему не повезло. Восстанавливал связь, спешил в роту. Осталось перемахнуть бугор – и он в ротной траншее. Но идёт бой. Рвутся мины, пули посвистывают. А на бугре, как на ладошке, врагу виден. Но время не ждёт, и бросился телефонист бежать через бугор, что есть духу. И тут словно топором рубануло по руке. Помнит солдат, как скатился с бугра, как подумал: «Наверное, снайпер!» - и потерял сознание. Когда очнулся, увидел над собой склонённую медсестру, лекарствами пахнет.

И снова оказался Илларион Трифонович в тыловом госпитале, в городе Березниках. Когда руку подлечили, комиссовали домой. Да вот беда – рука-то правая не работает, пальцы ничего не чувствуют и не шевелятся. Приехал в родной Ленинск-Кузнецкий, пришёл на свою шахту. Обрадовались ему. Хоть правая рука на перевязи висит, левая-то работает! И снова стал шахтёром солдат. Сначала на аммонитном складе учётом ведал, левой рукой писал. Потом раздатчиком взрывматериалов стал. А когда рука окрепла и стала иметь силу, а три пальца начали сгибаться – уже и в забое стал работать. Так и работал И.Т. Грибов в шахте до самого ухода на пенсию.

Круглощёкое лицо ветерана войны и труда освещает улыбка. Радостно от того, что честно воевал и трудился. Правой рукой он поправляет лацкан пиджака, на котором светятся три ряда наградных колодок. Поправляет той самой рукой, в которой когда-то была то винтовка, то телефонная катушка, и на которой работают только три пальца.

- Конечно, мир нам всего дороже, - говорит Илларион Трифонович. – Но если надо, есть кому продолжить славные боевые традиции наших Вооружённых Сил. Пусть помнят агрессоры о 9 мая – Дне Великой Победы.

ВОСПОМИНАНИЯ БАТАРЕЙЦА

До начала Великой Отечественной войны Михаил Ефимович Досайкин успел отслужить «кадровую» в Красной Армии. Но всего около года пришлось ему поработать после службы на шахте имени Ярославского кононом. Уже в ноябре 41-го года он в качестве ездового в батарее 76-миллиметровых пушек ехал на Западный фронт. Прибыл их эшелон на станцию Рязань-2, начали выгружаться из вагонов, и вдруг команда: «Воздух!»

Одиноким самолёт со свастикой на крыльях подлетал к станции. Летел он низко. Было видно, как отделилась от него и пошла вниз тёмная бомба. Крылатый разбойник промахнулся. Большая бомба упала на двухэтажное здание рядом со станцией, взметнулся огонь, щебень, и здание рухнуло в клубах дыма и пыли. Воздушная волна прошла над головой Михаила, залёгшего с бойцами батареи, опалив грозным дыханием войны.

Завершив выгрузку из эшелонов, подразделения дивизии укрылись в лесу на весь день. С наступлением темноты двинулись в наступлении города Михайлова, километров за 50 от Рязани, в котором уже были немцы. Узнав, что наступает большая сила, фашисты бежали из города без боя. Наступающим частям 10-й армии под командованием генерала Ф.И. Голикова достались многие склады с вооружением, продовольствием, воинским снаряжением.

Продвинулись дальше за город. Освободили деревни Большие и Малые Стрельцы. Жители рассказали бойцам: фашисты угнали весь скот – коров, овец, лошадей. Увозили, что можно. Скирды необмолоченного хлеба в полях поделили между колхозниками: молотите, получите по пуду зерна на человека на год, а всё остальное принадлежит Германии. Тех, кто сопротивлялся их «новому порядку», отправляли в концлагеря, вешали.

С ещё большей ненавистью и упорством бойцы стали преследовать отступающих захватчиков. Шёл то снег, то дождь. На дорогах слякоть, гололёд. Немцы бросали на обочинах пушки, машины, танки – спешили унести ноги. Со слезами радости встречало население освобождаемых регионов своих избавителей. 10-я армия била по флангу немецко-фашистских войск, наступавших на Москву.

В ночь на 6 декабря подошли к станции Масальской. Разведка доложила, что должны прийти три немецких воинских эшелона. Решили устроить им горячую встречу. Пехота залегла в полукилометре вокруг станции. Батареи изготовились к стрельбе. На рассвете один за другим подошли эшелоны. Один с танками, второй с пушками и лошадьми, третий с личным составом. Только начали фашисты выгрузку, как на них обрушился шквальный огонь со всех сторон. Оставив эшелоны, фашисты ринулись на прорыв. Но всё было напрасно, их ряды косили осколки и пули. Многих побило, уцелевшие подняли руки вверх.

И снова батарея шла вперёд с наступающими войсками. В сёлах захватывали фашистских поджигателей с канистрами бензина и факелами, расстреливали тут же, на месте преступления, у горящих домов.

В освобождённом селе Черчино Смоленской области неожиданно утром подверглись нападению фашистов. Отошли из села. На бугре, при отходе, под огнём немцев потерял Михаил лошадей своей упряжки. Пришлось оставить две пушки. Но замки и прицельные панорамы сняли и унесли с собой. Вскоре батарея пополнилась пушками и снова пошла вперёд.

В начале января 42-го года в одной из деревень приняли упорный бой. Немцы шли и шли стеной, прижав автоматы к животам и беспрерывно стреляя. По ним били пушки, пулемёты, автоматы. Ездовые стреляли из винтовок. Михаил окопался в снегу за плетнём, между палками просунул винтовку и бил прицельно по фигурам в грязно-зелёных шинелях. Не зря был Михаил «ворошиловским стрелком». Меткий выстрел, и бегущий в атаку фашист спотыкался и падал. Выстрел – падает другой. Семерых завоевателей уложил на холодный русский снег в этом бою сибиряк. Но и сам пострадал: сзади ударила мина. Михаила тряхнуло и оглушило, из рук выпала винтовка.

После боя командир батареи нарисовал оглохшему ездовому круг на снегу, потыкал в него патроном – Михаил понял, что ему приказано набивать пулемётные диски для ручных пулемётов. Несколько дней наступления он и занимался этим делом, пока не отошёл от контузии.

Михаил Ефимович вспоминает, какими упорными и жестокими были бои за город Сухиничи. Тогда их батарея подбила несколько фашистских танков. Вспомнился ему и такой случай. Заняли одно село. Утро ясное, тишина. Пушки установили в сарае на окраине. Коней Михаил отвёл в другой сарай, подальше. Вернулся к пушке. Командиры решили послать разведчиков к школе, что была метрах в трёхстах, а за ней было другое село: нет ли там немцев? Только четверо разведчиков приблизились к зданию, как из двух окон ударили два пулемёта. Разведчики попадали на снег.

- Пушку к бою! Огонь! – крикнул командир. Заряжающий загнал снаряд в казённый, наводчик припал к прицелу. Но не успели снять надульный чехол. Перед этим был снег и оттепель, и он примёрз к стволу. Надо было срубить его топором, да в спешке не успели. Грохнул выстрел. Конец дула, как бритвой, срезало, и он вместе со снарядом угодил в простенок между окон. Взрывом простенок разнесло, искорка пулемёты и фашистов. Вечером приползли двое разведчиков, двое других погибли.

А ночью по дороге к школе из другого села покатила с полуза-темнёнными фарами машина. Командир орудия тут же приказал ударить по ней. Наводчик, тоже сибиряк, фамилию которого Досайкин

уже не помнит, навёл свою куцую пушку, и ухнул выстрел. На следующий день, наступая на второе село, столкнули с дороги исковерканную немецкую автомашину.

Помнятся бои и под Юхновом, где Михаил увидел работу наших прославленных «катюш». Их часть наступала южнее города. Заняли село Девяткино. За селом речушка, а за ней другое село. Там гитлеровцы. Пехота окопалась, пушки укрыли по сараям. Затишье. Солнце пригревает уже по-весеннему, конец февраля.

Дружок Михаила, тёзка Каленов, из города Белова, подносчик снарядов в расчёте пушки, стал смотреть в бинокль за речку. Видит: на стене разрушенного дома сидит фриц и смотрит в бинокль в нашу сторону.

- Сейчас я ему поболтаю ножками! – говорит Каленов, берёт свою винтовку, ставит прицел на 800 метров.

И простым глазом было видно, как после выстрела немец свалился со стены вниз головой.

А через несколько минут фашисты открыли по нам ураганный огонь из пушек и пулемётов.

Взвод батарейцев укрылся в сарае. И надо же было такому случиться – снаряд взорвался как раз перед входом. Свистнули осколки. Ранило троих. Михаилу пробило левую руку выше кисти, левую ногу под коленом, а маленький осколок впился около лба в черепную кость. Товарищи перевязали раны, отправили в санроту. Потом пришлось лежать в госпиталях нескольких городов.

В конце лета 42-го года Михаила Ефимовича комиссовали. Вернулся солдат в Ленинск-Кузнецкий. Направили его бухгалтером в бывший колхоз «Южный», где он проработал 9 лет. Потом трудился на базе материально-технического снабжения угольного треста, затем на шахте «Журинка-3». На пенсию ушёл в 1967 году, но связь с трудовым коллективом не терял, руководил советом ветеранов труда шахтоуправления «Кольчугинское», вёл активную общественную работу. Выступал в школах, рассказывая ребятам о суровой военной зиме 41 – 42-го годов, когда впервые фашистской армии был нанесён сокрушительный удар в битве под Москвой, и была навсегда освобождена от захватчиков большая территория родной земли.

ВСПОМИНАЮТ РАЗВЕДЧИКИ

Ветеран Великой Отечественной войны Михаил Васильевич Потапов воевал в пехоте, сначала в строю, а затем в разведке. Фронт для

него начался в 1942 году в Смоленской области, а закончился под Кенигсбергом в 45-м. Бывший помощник командира взвода разведки был 6 раз ранен, дважды контужен. Награждён орденом Славы 3-й степени, Красной Звездой, медалью «За отвагу» и другими боевыми наградами. Ниже приводим боевые эпизоды из его фронтовой жизни.

Форсирование Днепра

После освобождения Смоленска сам командир дивизии собрал нас: взвод разведки, в котором я был командиром отделения, роту автоматчиков, сапёрный взвод, посадил на машины и приказал, отправляясь к Днепру: «Форсировать. Занять плацдарм!»

Примчались к реке. Берег пологий. Разобрали брошенную избушку и на досках, брёвнах, в лодчонках начали форсирование Днепра. День солнечный, немцу с возвышенности за рекой всё видно. Запенили воду пули и мины. Многие бойцы не доплыли.

Мы же, выйдя на берег, увидели, что к возвышенности ведёт болотистое место, и у фашистов три линии обороны. Пойдём в атаку – всех порешит. Укрылись под берегом. Как стемнело, пошли вперёд. Фрицы кидают ракеты, ведут огонь. Но мы со стрельбой ворвались в первую траншею. Бегу по ней, а навстречу фашист вывернулся из-за угла. Ударил прикладом автомата по каске, он и осел. А товарищ добил выстрелом.

Заняли траншею. Оборудуем для обороны. К рассвету по наведённой переправе прибыло пополнение: стрелки, пулемёты, ПТР. А с утра фашисты семь раз шли на нас в атаку. Мы их отбили при помощи арт-огня с нашего берега. А когда к нам подошли танки, то уже мы их атаковали и взяли высоту. Противник всю технику бросил, лишь бы ноги унести. А мы с ходу пошли дальше, освобождать Белоруссию.

Было в Белоруссии

Это было в Белоруссии. Приказано взять высоту. А перед ней поле, овёс растёт, и овраг. Накопились мы в овраге. И пошли в атаку. Но нас встретил сильный огонь. Все залегли. Подняться нет возможности. А наш командир батальона вскочил в рост: «За мной! За Родину!» Мы дружно бросились за ним. Шагов через двадцать упал комбат, залегли и мы. Под жестоким обстрелом отползли обратно в овраг. И тут передали приказ командира полка брать высоту вечером, в темноте.

«А как же комбат? Он, может, ранен. Надо спасти!» - подумалось мне, и я пополз в поле. Командир был без сознания, но дышал. Завалил его на себя и пополз. Видимо, меня не заметили, сильной стрельбы не было. Добрался с комбатом на спине до оврага, и его перехватили прибившие санитары, отправили в медсанбат.

За спасение командира меня представили к награде. И как же я был рад, когда снова увидел комбата в нашей дивизии! Значит, выздоровел, значит, ещё повоюем!

Взять «языка»

Мы освобождали Польшу. Лето. Фронтовое затишье. С противником нас разделяет река шириной метров сорок. И вот приходит сержант, командир взвода разведки, и говорит: «Приказано взять «языка», срок – неделя!» Выставили мы три наблюдательных поста в боевые охранения – разведать, в каком месте лучше брать этого «языка». Через три дня решили: возьмём в траншее, где у фрицев стоит ручной пулемёт.

Летняя ночь коротка. В два часа ночи посадил я своё отделение в лодку, и тихо переправились через реку. Ночь была безлунная, нас не заметили. Оставил бойца охранять лодку, с остальными поднялись на крутой по сходу к реке от траншеи. По трое разведчиков отползли влево и вправо для прикрытия, а с двумя я пополз к вражеской траншее.

Как мы и предполагали, в траншее сидели два пулемётчика. Одного прикончили ножом, а другого оглушил ударом Петро Герасименко, здоровяк-украинец. Засунули кляп в рот и потащили к реке.

Когда поплыли, нас обнаружили. Вспыхнули ракеты, ударили минами. Хотя в лодку не попали, но одного разведчика всё же ранило.

Узнав о «языке», к нам на передовую прибыл командир дивизии. Поблагодарил за службу, приказал нам отдыху несколько дней, всю нашу группу представили к наградам.

В техразведке

Георгий Иванович Усков начал фронтовые будни под Валуями в 1942 году. Победу встретил под Берлином, а закончил воевать в Манчжурии. Всю войну он прошёл рядовым технической разведки в железнодорожных войсках. Один из эпизодов техразведки и описывается ниже.

* * *

Это было за Тернополем летом в 1944 году. Нас было четверо: лейтенант, сержант и двое рядовых. Нам сказали, что врага впереди уже нет, и приказали проверить состояние железной дороги.

Мы шли по насыпи и внимательно осматривали путь. По сторонам был лес. Солнце уже сильно пекло. Мы занимались осмотром. Сержант под диктовку лейтенанта записывал в тетрадку нехватку шпал, костылей, характер повреждений насыпи от взрывов бомб и снарядов. Фашисты при отступлении взрывали мосты, рельсы, приводили в негодность

шпалы специальным шпалоломателем, закладывали мины замедленного действия.

Далеко впереди погромыхивало. Наши продолжали наступление. Противник отступал спешно и не успел сильно разрушить железнодорожный путь.

Мы вышли на открытое место, заросшее кустарником. Впереди виднелась казарма под красной крышей.

- Может, зайдём, товарищ лейтенант, там должен быть колодец. Попьём, передохнём, - обратился сержант к командиру. - А то во рту сухо, аки в пустыне.

- Пошли! - коротко ответил лейтенант, снял фуражку и отёр потный лоб.

Мы сошли с насыпи и двинулись спокойно к казарме. Не доходя метров тридцать до строения, увидели, как из-за угла вышел человек, одетый в гитлеровскую униформу.

- Эй, славяне! - весело крикнул лейтенант, - вы чего это наряжаетесь под фрицев?

Человек резко обернулся на голос, и в ответ злобно застучала автоматная очередь.

Сержант ойкнул, схватился за руку и, крутнувшись на месте, упал вместе со всеми, так как лейтенант крикнул:

- Ложись! Бей гранатами!

А из-за угла выбегали новые фашисты. Три гранаты полетели в них. Немцы попадали. Только отгрохали взрывы, как мы опроретью бросились на другую сторону насыпи. Полоснули ещё из автоматов по казарме и кустарником под свист пуль отошли к лесу.

Рана у сержанта была лёгкая, остальные были невредимы, и мы быстро прошли пять километров до своих. По тревоге к казарме бросился взвод бойцов. Но там уже никого не было. Нашли только ящик тола да мину с часовым механизмом, которые в панике забыли удравшие фашисты.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ ПОРОХОМ ПРОПАХ

Яркий праздничный День Победы над немецко-фашистскими захватчиками начал пробиваться светлыми лучами героических подвигов наших солдат и офицеров в суровом и жестоком сорок первом году. Мужеством и героизмом наполнены дни и ночи Великой Отечественной, полыхающие четыре года. И всегда, и везде в первых рядах были коммунисты, люди высокой идейности и любви к Советской Родине.

Ниже приводятся воспоминания фронтовика Владимира Николаевича Головина, члена КПСС с 1926 года.

В боях под Вязьмой

Наша 24-я армия, сформированная в городе Новосибирске, была направлена летом 41-го под Вязьму, где шли упорные бои по сдерживанию фашистских полчищ. Мы сразу же перешли в контрнаступление, отбросили врага. Все попытки немцев прорвать нашу оборону мы отбивали с большим уроном для них. Тогда они обошли Вязьму с севера и юга. Наша часть, в которой я служил в штабе, оказалась в окружении. Мы получили приказ пробиваться к своим мелкими группами. Я выходил со взводом бойцов. Было всякое. Помнится такая ситуация. С утра вышли к Варшавскому шоссе, которое на всю ширину сплошь было забито техникой, машинами, повозками. Полыхал огонь. И так на несколько километров. Идём по обочине и вдруг слышим, с другой стороны кричат: «Рус, сдавай!» Оказалось, что с той стороны идёт отряд фашистов. У нас пистолеты да винтовки, у них автоматы и пулемёты. Но напасть не могут через горящее, забитое шоссе. Для безопасности я приказал свернуть в поле. Разминулись. В открытом поле не раз попадали под бомбёжки. Страшное это дело. Нервы у некоторых не выдерживали адского грохота, встряски земли, свиста бомб, летящих, кажется, прямо в тебя. Кричишь: «Лежать!» - а некоторые вскочат и бегут. И гибнут от осколков и взрывов. А иногда – рукой подать до спасительного леса, кричишь: «Вперёд, бегом в лес!» А все вжались в землю, не оторвёшь. А немец бомбит, и опять потери.

Когда выходили, один боец предложил мне: «Товарищ старший лейтенант, давайте соберём партбилеты одному и, в крайнем случае, уничтожим». Сказал я бойцам: «Отдать билеты легко, а вот как их потом получить? Пока наши билеты у сердца, мы – бойцы, мы – непобедимы!» Через полторы недели пробивались к своим, но осталось нас горстка.

Зимой остановили фашистов под Москвой и погнали их на запад. Помнится, снега были глубокие, морозы сильные. Заметённые дороги сплошь забиты немецкой техникой. Но каждый населённый пункт крепко обороняли. Мы их на лыжах обходили и ударяли с тыла. Уцелевшие фрицы подымали обмороженные руки: «Гитлер капут!»

Фашисты, отступая, сжигали все постройки. Редко где уцелеет дом. Там мы и отогревались. По несколько суток без сна, без пищи шли вперёд! Радость большого победного наступления давала нам крылья.

КАВАЛЕР ОРДЕНА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

«Орденом Александра Невского награждались командиры дивизий, бригад, батальонов, полков, рот и взводов за проявленные в боях за Родину в Великой Отечественной войне личную отвагу, мужество и храбрость, за умелое командование, обеспечивающее успешные действия частей».

* * *

С этим высоким, крепким для своих 80-ти лет человеком мы беседовали после собрания ветеранов шахтоуправления «Кольчугинское». Интересна судьба, большой и сложный жизненный путь за плечами ветерана войны и труда Дауга Исмагиловича Исмагилова.

В 1925 году он начал работать на бывшей шахте имени Карла Маркса, где и вступил в партию. С 1936 по 1941 год служил в Красной Армии на Дальнем Востоке. Стал командиром, затем был политработником. На фронте Великой Отечественной воевал с 1943 по 1945 год. В боях получил два лёгких и одно тяжёлое ранение. После демобилизации вернулся в родной город и по выздоровлении от ран работал до пенсии в шахтоуправлении «Кольчугинское».

За боевые дела на фронте Д.И. Исмагилов награждён орденами Александра Невского, Красной Звезды и медалями. О его умелом руководстве в бою, когда наши воины освобождали Польшу, мы и расскажем.

Это было в январе 1945 года, после форсирования Вислы. Войска 1-го Украинского фронта начали наступление с Сандомирского плацдарма. Часть, в которой служил Исмагилов, наступала южнее Кракова. Преодолели три линии обороны противника. На четвёртой наступление застопорилось. Атаки двух батальонов 825-го полка 302-й стрелковой Тернопольской Краснознамённой дивизии с тяжёлыми потерями были отбиты. К месту боя подошёл батальон, одну из рот которого вёл старший лейтенант Исмагилов, принявший командование после гибели комроты.

Комбат майор Демченко вызвал командиров рот на свой наблюдательный пункт:

- Видите за речушкой Нидой, влево от местечка Вислица укрепление немцев? Приказываю подразделениям сосредоточиться перед траншеями врага и атаковать по сигналу ракеты...

Под обстрелом из пушек и пулемётов рота Исмагилова перешла речушку. Залегли. Впереди чистое поле, за ним – вырубка леса – торчит множество пеньков. Это немцы спилили защитную лесополосу перед железной дорогой, чтобы создать сектор обстрела из своих траншей.

Вдруг стрельба поутихла. Над фашистской обороной появились три «ИЛа». Эти «летающие танки» начали «утюжить» вражеские траншеи. На головы фашистов посыпались реактивные снаряды, обрушили огонь пушки и пулемёты.

Используя момент, Исмагилов приказал быстро, по-пластунски одолеть около двухсот метров до пеньков и укрыться за ними. Почти без потерь рота сосредоточилась в вырубке. До фашистов оставалось ещё метров сто. Самолёты улетели, и немцы усилили огонь. Роты, скапливающиеся для общей атаки слева и справа от Исмагилова, понесли потери.

Но вот в небо дугой летит сигнальная ракета. Исмагилов вскочил: «Вперёд, за Родину!» Лавиной, с криком: «Ура!», - стреляя из автоматов, бойцы ринулись на вражескую траншею. Немцы, лишённые трёх дотов, разбитых «ИЛами», не выдержали натиска и побежали. Бойцы прыгивали в траншею, добивали оставшихся, стреляли по бегущим фашистам.

Захватив середину вражеской обороны, Исмагилов приказал установить пулемёты на флангах и бить вдоль вражеских траншей. Под губительным пулемётным огнём с боков и атаке в лоб двух других рот фашисты поспешно покинули свою оборону. Немецкая артиллерия начала бить по пулемётам, один «Максим» разбило прямым попаданием. Но было уже поздно. Четвёртая линия траншей была захвачена. Путь вперёд был свободен.

- Вперёд, за мной! – скомандовал Исмагилов. И увлék за собой роту в новую атаку на фашистов, сбегавшихся к каменным зданиям села. Следом развивал наступление весь батальон. Подошли наши танки. Под огнём замолкла вражеская батарея. Отстреливаясь из автоматов и пулемётов, немцы побежали из села за холмы, к лесу.

Из подвалов и погребов стали выходить поляки – мужчины, женщины, дети. Радостно приветствовали освободителей, приглашали в дома обсушиться, обогреться, угощали, чем могли. Пожилой поляк обратился к Исмагилову:

- Прошу, пан офицер, прошу.

- У нас нет панов с 1917 года, - отвечает Исмагилов. – А зовите нас товарищи.

- Прошу, товарищ офицер, прошу, - сразу же поправляется поляк.

Тут и нашёл Исмагилова замполит полка, вынул из планшета блокнот, записал фамилию, звание, похвалил:

- Молодец, ротный! Без артподготовки, без танков занял траншею, обеспечил прорыв всей обороны врага, будешь представлен к награде.

За этот боевой подвиг получил наш земляк-шахтёр Даут Исмагилович Исмагилов одну из самых почётных для командиров воинских наград – орден Александра Невского.

«КАТЮШИ» ИДУТ НА ЗАПАД

Степан Дмитриевич Арабкин на пенсии проживал в селе Драчёнино, а до войны он жил в Ленинске-Кузнецком, работал заведующим торговым отделом райпотребсоюза. 15 августа 1942 года воинский эшелон увозил его на запад вместе с другими горожанами и сельчанами. Степан Дмитриевич попал в Подмосковье на военный завод, где под руководством старшин и сержантов изучал материальную часть реактивных миномётов и изготовлял полутораметровые ящики – тару для снарядов «РС».

Потом были фронтовые пути-дороги с «катюшей» через бои и страны до далёкой реки Эльбы, до яркого Дня Победы. 15-го же августа 1945 года бывалый сорокавосемилетний солдат демобилизовался и вернулся в родные места, в свой дом.

Десятки тысяч дней и ночей прошли с того времени, а память хранит дороги и бои, огненные залпы и дорогие образы боевых товарищей. Об этом и пойдёт рассказ.

Первые залпы

Снова стучат колёса вагонов, снова эшелон везёт Степана Арабкина, теперь уже заряжающего в боевом расчёте «катюши». Полк реактивных миномётов направляется под Сталинград. Эшелон мчится ночами, а днями стоит. Так же ночами двигаются машины и после выгрузки в 80 километрах от сражающегося Сталинграда. К балке Рубежная подвезли ящики со снарядами. Заряжающие уложили длинные тяжёлые тела снарядов на шестнадцать направляющих желобов, и машины выехали на передовую. Ветер крутил колючую позёмку, мороз обжигал щёки. Не чувствуя холода, расчёт изготовил позицию, выкопал в мёрзлой земле укрытие. Шофёр Бобков вышел из кабины, и командир крутанул ручку электромашинки. Свист и пламя ударили от «катюши». Огненные смерчи один за другим срывались с направляющих и неслись в заданные квадраты. Первые залпы полка обрушились на головы фашистов. Что там творилось, никто не видел из боевых расчётов. Но когда въехали в разрушенный боями город, пленные солдаты фашистской грабь-армии, понуро бредущие длинными колоннами, разодетые в грязное тряпье, прожжённые одеяла, шали и соломенные боты, уже безучастные ко всему, вздрагивали, увидев крытые брезентом «катюши», и испуганно лопотали: «Катюш, катюш».

В этот раз Степану Арабкину, как и остальным бойцам, не довелось побывать в квадратах, по которым били, не пришлось увидеть результаты «своей работы» - полк по приказу сразу же отбыл по новому назначению.

Гвардейское знамя

Весной 1943 года в районе Тулы бойцы полка выстроились невдалеке от большого пруда, на глади которого сверкали горячие блики солнца. Представитель Ставки Верховного Главнокомандования вручил командиру полка Кучерову гвардейское знамя. Алое полотнище поплыло перед строем 312-го гвардейского миномётного полка, зовя к новым боям вышитым призывом: «За нашу Советскую Родину!»

Многим бойцам, в том числе Храмшину, Шаповалову, Арабкину, были вручены первые награды – медали «За боевые заслуги». А через час – боевое задание, и гвардейские миномёты снова и снова бьют по фашистским захватчикам.

Под Мценском один из лучших водителей – Храмшин с командиром полка выехал на спецзадание. По данным разведки, в одном селе в двухэтажном здании готовилось большое совещание гитлеровских офицеров.

В назначенное время из леса через линию фронта со свистом полетели реактивные снаряды. Сразу после залпа установка покинула лесок. Вскоре по нему заухали взрывы. Немецкая артиллерия долго долбила место, откуда била «катюша».

На следующий день в освобождённом селе гвардейцы увидели последствия залпа. Перед глазами предстала большая площадка с развороченной и выжженной землёй, где только небольшие следы фундамента напоминали, что здесь было строение.

Точные залпы гвардейцев 312-го миномётного полка накрывали злобствующего врага и у Белой Церкви, и на Курской дуге, на земле Украины, в Польше, Австрии, Чехословакии, в Берлине.

Бомбёжки и обстрелы

Немцы смертельно боялись «катюш» и всё время охотились за ними. Засекая залпы гвардейских миномётов, гитлеровцы обрушивали в те места лавину снарядов или бомб. Передвигались гвардейцы преимущественно по ночам, не включая фар, зачастую по бездорожью. Большое искусство вождения требовалось от шофёров. Обычно впереди шла машина Храмшина, видевшего в темноте, словно кошка. А на день в лесу рыли аппарели – ямы, в которые полностью входили машины. Вырыть в короткий срок такое укрытие шестерым бойцам расчёта было нелегко, а рыли почти каждое утро. Рыли укрытия и для себя.

Несмотря на тщательную маскировку, немцы часто бомбили предполагаемое нахождение «катюш». Однажды при сильной бомбёжке загорелась машина, на которой заряжающим был Степан Дмитриевич Арабкин. Увидев пожар, Степан ужаснулся: если начнут рваться «РС», то от машин и бойцов ничего не останется. Выскочив из укрытия, бросился к машине. Под взрывы и свист осколков, обжигая руки, один за другим снимал с направляющих тяжёлые снаряды. Подскочил на помощь шофёр Бобков, другие бойцы помогли загасить пламя. Страшная беда миновала.

Жестокой бомбёжке подвергся полк под Львовом. Колонна машин застряла в котловине, в непролазной грязи. Здесь погибли боевые товарищи: Кузнецов, слесарь, и саратовец Володя, шофёр, - двадцатилетние комсомольцы.

Машина Бурдукина, на которой был Арабкин, первой сумела выбраться из котлована. Въехали в лесок. А за ним, в низине, увидели большое скопление фрицев, готовящихся атаковать колонну. По приказу командира машина быстро развернулась и почти в упор ударила по немцам. После залпа в низинке получилась каша из грязи и фашистов.

В конце войны

Война шла к концу. Советские войска шли по земле фашистской Германии, освобождая покорённых людей. Однажды к перелеску, где была замаскирована машина Арабкина, подошли люди в полосатой одежде заключённых. Все шестеро были очень худы. Лицевые кости выпирали, обтянутые желтоватой прозрачной кожей. Это были русские. Их покормили.

Оказалось, что недалеко находится лагерь военнопленных. Пошли туда. В лагере, за колючей проволокой, были бараки – огромные железные коробки с железными нарами. Охрана разбежалась, а заключённые не знали. Куда идти, да и многие не могли ходить. Так были измучены и истощены. Отдав им все запасы еды, ошеломлённым увиденным, бойцы вернулись к машинам.

И снова жгучая ненависть к гитлеровцам была огневыми смерчами по врагу. Возмездием грохотали залпы «катюш» по чёрному логову Гитлера – Берлину...

В начале мая 312-й полк находился в небольшом городке за Эльбой. В нём-то и встретил Арабкин солнечный День Победы.

- Дядя Стёпа, победа, победа! – целовал его молодой шофёр Бобков. А город расцвёл флагами, цветами. Огромные букеты душистой

сирени подносили жители советским солдатам, украшали ею боевые машины.

А по рукам бойцов порхали, как белые птицы, листки красноармейской газеты «Вперёд» за 9 мая 1945 года. На её первой странице крупно набрано: «С днём всенародного торжества – праздником Победы, товарищи гвардейцы!» А ниже – акт о военной капитуляции Германии. Этот драгоценный номер фронтовой газеты – живая частица 9 мая 1945 года – и сейчас хранится в семье фронтовика.

«Солнце, счастье, флаги, улыбки и сирень – таким мне запомнился тот день», - вспоминает Степан Дмитриевич Арабкин.

КОНЕЦ «КОРОЛЕВСКОГО ТИГРА»

Улица была прямой. Улица грохотала взрывами и треском пулемётов. В её ущелье качался дым, летела пыль и пепел. Прижимаясь к стенам серых зданий, два танка шли вперёд и били из орудий по противоположным сторонам улицы, по окнам и амбразурам подвалов, сшибая огневые точки и сберегая себя от фаустпатронников. За «тридцатьчетвёрками» шла пехота. Автоматчики вскакивали в подъезды, очищали дома от гитлеровцев.

В этом вчерашнем бою Сергей потерял своего лучшего друга Алёшу Воронцова, командира второго танка. С ним они окончили одно училище, вместе вступили в комсомол, койки их стояли рядом в казарме, в бою рядом шли танки. Ещё утром, перед боем, Алёша шутил, говорил, что им не до смерти, а до победы четыре шага...

Сергею казалось, что он виноват в гибели друга, хотя вины его не было никакой. Когда в улице появилась глыба тяжёлого немецкого танка, он одновременно с Алёшей открыл огонь по нему. И тут же увидел, как дрогнула Алёшина машина и загорелась.

- Прикроем! – крикнул Сергей и бросил танк вправо, чтобы заслонить машиной ребят, вынужденных покинуть броневую коробку.

А теперь Сергею казалось, scomандуй он на секунду раньше – они бы успели. В тот миг он не думал, что подставляет бок машины под огонь немецких танкистов.

А в это время раненый Воронцов нашёл силы открыть люк и почти вылезти из башни. Ему на помощь подскочили автоматчики, и он свалился к ним на руки – сверху, с третьего этажа, по нему злобно брызнула автоматная очередь.

После боя автоматчик Сиваков, невысокий, широкогрудый, жадно затягиваясь махорочным дымом, говорил скорбному Сергею:

- Видел я, как он вывернулся в улицу, этот «тигр». На башне звёрюга полосатая на дыбках нарисована. Над башкой зубцы какие-то – корона царская что ли намалёвана. Вывернулся он из переулка, ударил из орудия и задним ходом унырнул. Дал я очередь в его морду, да что ему пули – слону горох. – Сиваков сплюнул досадливо окурочек и с силой вдавил его в асфальт...

И вот снова бой на другой улице-штрассе, ведущей к центру Берлина. Снова взрывы и дым. Снова идут танки вперёд, пробивая дорогу пехоте. Сергей ведёт свою машину посредине улицы, позади двух, идущих у стен домов.

Вот он видит в окуляре перископа, как из подвального окна приземистого дома, что стоит в конце улицы, блеснул огонь. Вражеский снаряд брызжет осколками и кирпичом у парадного входа, выше танка, идущего по правой стороне. Автоматчик, бегущий к подъезду, будто споткнувшись, падает. Каска, звякнув о камни, слетает с головы и откатывается. На русые волосы неподвижного солдата, на плечи летит серая мертвенная пыль.

Сергей шлёт снаряд за снарядом в подвальную амбразуру. По ней бьют и передние «тридцатьчетвёрки». И в этот момент впереди снова появляется «тигр», бьёт в упор по одной из передних машин. Она зачатила. Пока немец доворачивал орудие на второй танк, Сергей бросил свой под чёрную завесу подбитого.

В Сергее всё словно окаменело. Полосатый рисунок на башне «тигра» резанул глаза. Сергей знал, что эта шестидесятитонная громадина с толстенной лобовой бронёй вооружена пушкой, снаряд которой пробивает танки на расстоянии до двух километров. Но не это захлестнуло его сознание, взвело, как боевую пружину, сосредоточило на одном.

Перед ним был враг. Смертный враг, убивший друга, убивший его боевых товарищей. Он обязан был отомстить именно этим немцам, именно в этом «тигре», бравшем в перекрестье прицела вторую «тридцатьчетвёрку». Языки огня выплеснулись одновременно из двух стволов. Сергей увидел всплеск взрыва на башне врага. Обострённым зрением увидел, даже ощутил, как дрогнуло дуло длинной пушки, клюнуло книзу под ослабевшими руками немецкого танкиста. И «тигр», чуть разворачиваясь, пополз в невидимый Сергею переулок. Второй снаряд Сергей послал в ходовую часть. И уже на ходу бил и бил в замёрзшую глыбу металла. Из «тигра» выскочили чёрные фигурки. Вокруг них взвихрились пули, лопнули взрывы гранат. Эти взрывы как

бы поставили точки в конце боя. Всё в улице стихло, кое-где из окон повисли белые наволочки и простыни.

Сергей остановил машину рядом с «тигром». Вылез из башни, спрыгнул на булыжник. У его ног, как раздавленный удав, протянулась широкая гусеница. «Тигр» стоял, чуть накрываясь, громадный, но уже беспомощный. Вокруг него толпились солдаты, шупали броню, осматривали со всех сторон.

- «Королевский тигр», - перевёл надпись на башне смуглый лейтенант с забинтованной головой и выругался. Видно, и в его взводе имелся счёт к этому зверю.

- А тигре-то клыки вышибло, ребята! – радостно и чуть удивлённо воскликнул круглолицый паренёк-автоматчик. И все обратили внимание на то, что взрывом сожгло на рисунке оскаленную пасть.

- Это уже не тигра, а дохлая кошка, - спокойно резюмировал уса-тый солдат, стоящий рядом с молодым автоматчиком. Сергей смотрел на эту ненавистную махину, слушал голоса, и чувство удовлетворённости снижало возбуждение боя. Радовало сознание того, что друг его отомщён. Захотелось вскочить на броню, заглянуть в чужую машину.

В немецком танке был чужой, непривычный запах. Это первое, что ощутил Сергей. А в следующее мгновение – опасность: он не один в танке. Ниже его сидел немецкий водитель. Сергей увидел вытянутую к нему руку с пистолетом. А ещё через секунду понял, увидел, что пистолет в кобуре, что немец испуганно бормочет: «Гитлер капут. Гитлер капут». Его расширенные, молящие о пощаде глаза искали взгляда русского танкиста. Сергей видел его тёмное, осунувшееся лицо, перебитую ногу, затянутую ремнём, чтобы остановить кровь, медленно взял чужое оружие и, уже спрыгнув на землю, крикнул автоматчикам:

- Ребята, там фриц, раненый, помочь надо! – и, шагнув к своему экипажу, процедил сквозь зубы: «Гады, своего товарища бросили». И когда «тридцатьчетвёрка» снова пошла вперёд, обдав выхлопной гарью бок «тигра», ему вновь подумалось о жестокой подлости фашистов и о том, что в подобном случае его боевые друзья не бросили бы, как и он ни за что не оставил бы в беде своего водителя. Его танк снова пошёл вперёд, гремя последними выстрелами в майском Берлине 45-го года.

КОНЕЦ «КУКУШКИ»

Ветеран войны и труда Дмитриев Яков Мартынович воевал в 1941 году на Карельском перешейке. Он вспоминает, как стояли в обороне, как сшиб с товарищем финского снайпера-«кукушку». Вот его рассказ.

- Наша оборона проходила по лесной поляне. И вот начал бить по красноармейцам вражеский снайпер. Выстрелы раздавались где-то впереди моей позиции. Доложил командиру и попросил: «Разрешите снять «кукушку!»» Командир взвода дал добро и приказал ещё одному бойцу прикрывать меня.

Пополз я по кустам в сторону врага. Товарищ – за мной.

Заползли в лес – сосны, ели, валуны. Где же сидит снайпер? И вдруг вверху грохнул выстрел, посыпалась хвоя с соседней ели. Подполз ближе к ней и дал по кроне очередь из автомата. Закачались ветки, и на землю рухнул человек в маскхалате. Мы подбежали, схватили его за руки, подняли. Нога у снайпера была в крови, капюшон сполз с головы, и мы увидели рыжие длинные волосы – женщина!

Доставили её в штаб полка. Командир спросил её: «Что тебя заставило стрелять в красноармейцев?» Она отвечает, что сама финка, что жила в Германии. Там выучилась на снайпера, а как началась война, направили на фронт, что она член фашистской партии.

- Больше не будешь стрелять! – жестоко сказал комполка и приказал увести пленную «кукушку». А нас поблагодарил и представил к наградам. Так я получил первую медаль «За боевые заслуги».

ОТ КУРСКОЙ ДУГИ ДО ПРАГИ

Ветеран Великой Отечественной войны Николай Корнеевич Аникеенко воевал с немецко-фашистскими захватчиками в танковой части. Его путь к рычагам «Т-34» шёл через клуб Осоавиахима. Нелегко было юноше в суровом 1942 году работать и учиться, ходить после смены в шахте, где работал лесодоставщиком, на занятия в клубе. Но Николай был настойчив.

В ноябре 42-го он был вызван в горвоенкомат, а вскоре вместе с другими был направлен в Омское танковое училище.

- После его окончания, - вспоминает Николай Корнеевич, - поехали на запад, на формирование. Я был зачислен в 391-й отдельный танковый полк. С ним и прибыл летом сорок третьего на Орловско-Курскую дугу. Второго июля мне исполнилось 18 лет, а десятого получил «боевое крещение».

Этот первый бой ему хорошо запомнился. С утра их танки стояли на исходной позиции под тополями. Взбравшись на танк, Николай видел под голубым небом широкое поле, перелески, дорогу, бегущую к селу Тамаровка...

Но вот получен приказ: «Вперёд!» Взревели танковые моторы, и машины пошли туда, за Тамаровку, в бой. Не всё ладно получалось у

молодого механика-водителя в первом бою, но командир танка резко и чётко давал команды, куда и как вести машину. Немного видел Николай в узкую щель в броне: то небо, то трупы фашистов, то чёрные взрывы впереди.

И вдруг танк содрогнулся от попадания фашистской болванки. Машину развернуло бортом к врагу, порвало гусеницу.

«Выскакивай!» - крикнул командир. За ним выскочил и Николай. И тут в уши забарабанил грохот боя, услышал свист пуль, увидел, как взрывы размётывают землю, как падают солдаты.

Так начался боевой путь Николая. Это уже потом научился механик-водитель из танка видеть многое, понимать обстановку и умело вести машину, упреждая приказы командира.

Запомнилась Николаю и та октябрьская ночь, когда на понтонах переправляли танки через широкий Днепр. Девять «тридцатьчетвёрок» форсировали реку и усилили оборону плацдарма на правом берегу в районе Святошина. Пехотинцы обрадовались танкистам: «Теперь живём! Теперь, фрицы, держитесь!» Утром, по молодым предвоенным посадкам сосёнок, пошли на врага. В бой шли все, даже раненые, кто мог держать оружие. С боем продвинулись на несколько километров вперёд. Взяли много пленных.

Но фашисты не хотели мириться с поражением, упорно атаковали, пытаясь столкнуть захвативших плацдарм в днепровские воды. Пьяные шли в атаку за атакой. Но всё было напрасно. Плацдарм держался.

А вскоре бойцам и командирам были вручены боевые награды за эти бои. Был отмечен медалью «За отвагу» и Николай Аникеенко.

После освобождения Киева со 162-й танковой бригадой 25-го танкового корпуса прошёл Николай Аникеенко с боями путь от Житомира до Сандомирского плацдарма. Затем были бои за освобождение Польши от гитлеровских захватчиков. В бою под городом Кросно Николай был тяжело ранен. Вражеский снаряд угодил в его «тридцатьчетвёрку». Машина загорелась, осколками брони Николаю перебило левую руку, ранило в грудь. Залитый кровью, беспомощный, попросил: «Ребята, напишите домой, как погиб». А друзья вытащили из горящего танка, отправили в санбат: «Не журись, врачи отремонтируют, ещё поживём, повоюем!»

В госпитале г. Львова врачи и медсёстры выходили танкиста. Когда выписался вместе с однополчанином, не стали дожидаться направления в неизвестную часть, а узнали, где находится своя танковая бригада, и направились в неё. И снова Николай оказался в своей боевой

семье, снова повёл танк уже по немецкой земле, давил вражеские позиции, пулемёты и пушки...

- Никакие фашистские крепости и оборонные валы не могли сдерживать могучего наступления советских войск. Пехота за танками шла на Берлин! Боевой дух был очень высокий. Нас уже ничто не могло остановить, - говорит Николай Корнеевич.

Был Н.К. Аникеенко и участником знаменитого марша танковой армии на Прагу. Трудный путь одолели с честью. Прага стала свободной. Здесь и отпраздновали Победу.

Наступил долгожданный мир. Чтобы добиться его, восемь боевых машин потерял в боях механик-водитель Аникеенко, нескольких дорогих товарищей танкистов и командиров. А ему повезло – обошла «косяк» сибирского паренька-шахтёра.

В 1950 году Николай Корнеевич был демобилизован из армии. Вернулся в Ленинск-Кузнецкий. Пришёл воин на свою шахту «Журилка-3», на груди сверкают орден Отечественной войны, медали «За отвагу», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над фашистской Германией».

Сердечно встретила шахтёрская семья фронтовика, снова приняла в свои трудовые ряды. Шли годы, и в трудовую книжку ветерана войны пришлось добавить вкладыш, так как все странички с графой «Поощрения и награждения» были заполнены записями о благодарностях, премиях, ценных подарках, почётных грамотах. К боевым наградам фронтовика добавилась медаль «За доблестный труд».

С 1981 года Николай Корнеевич Аникеенко стал пенсионером. Но ещё долго продолжал трудиться.

ПЕРВЫЙ БОЙ

Проходчик 5-го участка Зайни Зайнулович Галиулин, работавший на шахте «Кольчугинская», прошёл славный боевой путь. С 1942 года до дня Победы он сражался с гитлеровцами. Но война для него закончилась в городе Харбине, освобождённом от японских милитаристов. Многих правительственных наград он удостоен за ратные подвиги. Ниже публикуется рассказ о первом бое – по воспоминаниям З.З. Галиулина.

* * *

Младшему сержанту Зайни Галиулину, или просто Саше, как звали его ребята, не спалось. Было темно, сыро и зябко. Он сидел, засунув ладони в рукава шинели, привалясь спиной к стенке окопа. Только вчера его отделение заняло траншею на опушке берёзовой

рощи. Установили в ячейках ручные пулемёты, противотанковые ружья. В отделении Галиулина семь человек. Все молодые ребята, каждому едва за двадцать. И все они, как и отделенный, ещё не нюхали пороху. А утром начнётся... Разве уснёшь?

Потянуло махорочным дымком. Это закурил его напарник Бородин Пётр - тоже не спится парню. А ночь уже на исходе. Майская ночь сорок второго года. Где-то далеко впереди Курск, занятый врагом. Фашисты наступают.

«Утром ожидается атака танков и пехоты. Держать оборону! Стоять насмерть!» - приказал вечером командир взвода старший лейтенант Антонов. Он нравился Галиулину: подтянутый, строгий, но и заботливый к солдату. Кадровый командир. А он, Зайни, только что окончил школу в Оренбурге. Правда, он кое-чему научился. Научился командовать отделением бойцов. Но то было в школе, а здесь, на фронте?..

Зайни поднялся, размял затёкшие ноги, прислушался. Влажную предрассветную тишину нарушали птичьи голоса.

- Просыпаются, пичуги, - послышался голос Петра. – Скоро светать будет. А в моём Иркутске уже давно день, - и умолк, зябко поёживаясь.

На просветлевшем небе впереди за болотистой низиной уже вырисовывался тёмный лесок. Там немцы. Где-то далеко к левому флангу начала разгораться стрельба. А здесь пока тихо. Бойцы отделения ждали, вглядываясь в туманную низину.

И вдруг грохот обрушился на них: «Ложись!» Зайни плюхнулся на дно окопа рядом с Петром. Земля под ними дрогнула, в ушах загудело, застонало, комья посыпались на солдат. Над их головами забушевал, засвистел осколками огненный смерч арналёта, леденя душу и вжимая тела в глинистые стенки траншеи...

Зайни понял, что обстрел кончился, когда в ушах тонко зазвенело, а во рту появился кисловатый привкус. Вскочил, кинулся к пулемёту.

- Все живы? – крикнул Бородин.

- Все! – отозвался радостно москвич Рыжиков Иван.

Из леска на низину выползали немецкие танки, веером надвигаясь на окопы. За ними бежала пехота с криками и стрельбой. Передний край обороны ожил: затрещали выстрелы, длинно затакали пулемёты. С опушки ударили противотанковые пушки.

Прямо на окоп отделения двигалась бронированная махина, ухая пушкой. «Огонь! Огонь!» - кричал Зайни и бил из пулемёта по цепи наступающих. По ней же стрелял Пётр из винтовки. Бронебойка Рыжикова целила по танку, выплёвывая пламя. Но танк всё надвигался и

надвигался. До него оставалось метров шестьдесят. Зайни бросился к Рыжикову, закричал в ухо:

- Ваня, танк!

Тот понял сразу, схватил противотанковую гранату, бутылку с горючей смесью и, пригнувшись, кинулся по ходу сообщения к выдвинутой вперёд ячейке.

В грохоте боя взрыва не было слышно, но танк развернулся боком, остановился. И тут же над ним встал чёрный султан дыма...

Взрывы вставали в низине, разбрасывая атакующих. Слева и справа по фронту горели танки. Но новая танковая волна с пехотой появилась из ложбины, и снова навстречу ей загрохотала, засверкала огнём линия обороны, снова по траншее сновал крепыш Тарас Гончаренко, доставляя боезапас товарищам. И снова бил, бил из своего «ручника» по фашистам Зайни Галиулин, выполняя приказ взводного: «Ни шагу назад!»

Три часа продолжался этот бой. На его исходе левую руку Зайни резким ударом сбросило с ручки пулемёта. С недоумением посмотрел он на руку. Почувствовал острую боль в запястье. Руке стало горячо от крови. Мелкая нервная дрожь охватила тело – ранен! Присел, туго затянул жгут повыше сквозного ранения. Когда поднялся, увидел – фашисты бегут назад. Горят танки, темнеют по ложбине тела убитых. Бой затих. Немец не прошёл.

Через несколько дней в медсанбате младшему сержанту Галиулину за этот бой была вручена первая правительственная награда – медаль «За боевые заслуги». Такую же награду получил Бородин, а Рыжиков был удостоен ордена Красного Знамени.

Молодые солдаты свой первый бой с фашистскими захватчиками выдержали с честью – они победили. Они победили, потому что и русский, и украинец, и татарин сражались за правое дело, за общее дело, за свою Родину.

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ

Апрель сорок пятого, последние числа. До Берлина, говорят, рукой подать. Но впереди – мощные укрепления немцев. Их надо штурмовать. И, значит, снова терять товарищей. О себе не думалось. Как-то не представлялось, что можешь погибнуть в тридцать лет. Но война есть война, хотя уже и на исходе.

Загасив «козью ножку», рядовой Василий Шамрай оглядел товарищей в полутьме блиндажа. Как будто все одинаковые – в серых шинелях, касках, и все такие разные и по возрасту, и по характеру, и по

военной судьбе. Но все друзья, все, как братья – боевая семья. Сколько вместе истоптано земли, сколько её перерыто солдатскими лопатами! И всё под огнём...

Василий поудобнее поправил автоматные диски у пояса и снова задумался. Ему, как и всем бойцам, не спалось. Запах вешней земли, особо острый в ночной свежести, вливался в блиндаж и будил воспоминания о мирных вешних днях, о родном сибирском крае, о своей Соколовке. Дыхание весны, ожидание нового наступления, теперь уже на чёрное логово фашистов – Берлин, и предчувствие скорого конца войны настраивало душу на особый волнующий лад...

Ефрейтор Егор Ожогин, невысокий плотный паренёк из Ленинграда, с которым Василий накрепко сдружился и вместе выступал в полковой художественной самодеятельности, сидя на чурбаке у стола, перебирал струны гитары и вполголоса напевал:

Ты пишешь мне, что ты по горло занят,
А город выглядит угрюмым и сырым,
А вот у нас на родине, в Рязани,
Вишнёвый цвет похож на белый дым...

Песня нежно лилась в полумраке блиндажа, покачивала розовый мотылёк коптилки, несла воспоминания, до боли родные и милые. Василию виделись залитые солнцем белоствольные берёзки у родного дома, жёлтая дорога вдоль села и синяя речушка Касьма, такая чистая и светлая, словно тихая радость. Соколовка, как ты далеко отсюда! Будто на краю света! Увижу ли я снова тебя? Увижу ли вас, мои родные?

Грохот сотряс блиндаж, огонёк над гильзой от снаряда затрепыхался и погас в красном отсвете оружейного пламени, от залпов недалёких батарей. Все выскочили, выбежали, на ходу застёгивая шинели, поправляя автоматы.

- Началось! Началось! – радостно кричит Шамрай Егору, стоящему рядом. Егор тоже что-то кричит, но слов они не слышат. Мощный грохот канонады заглушал всё. Позади наших позиций огненной лентой убегали влево и вправо вспышки залпов множества орудий. Тёмное небо вспарывали, с воем обгоняя друг друга, огненные ракеты «кастюш» и тысячами снарядов обрушивались на укрепления врага.

С четырёх утра до половины шестого стоял сплошной гул. И когда он поутих, по команде: «Вперёд!» - все бросились в атаку. Перед бойцами шёл артиллерийский вал, вздымая стену огня и земли. Хорошая защита! Громохая, пронеслись вперёд «тридцатьчетвёрки».

По опыту Василий знал, что сейчас стихнет огонь артиллерии и – начнётся. И он уже не будет ощущать себя. Ноги будут сами нести вперёд, зрачки будут ловить всё живое впереди, ибо это живое и есть враг, который целит в тебя, а руки будут автоматически вскидывать оружие и давать очереди. Давно миновало время, когда после боя он мог восстановить в памяти лишь кусочки виденного. Теперь же сознание происходящего не покидало, контролировало обстановку.

Над головой проходят мощные волны гула – это на врага идут краснозвёздные ИЛы, «пешки», истребители. Вот осталась позади первая разрушенная траншея. Василий легко перепрыгивает обугленное бревно разбитого блиндажа, огибает перевёрнутую пушку, прыгает через труп в грязно-зелёной шинели, перескакивает через вторую траншею.

Слева и правее вспыхивает стрельба. Уцелевшие фрицы принимают бой. Бросил взгляд влево, где метрах в десяти бежит Егор. Ему навстречу из траншеи выскочил долговязый немец, а второй, сбоку, вскинул автомат, собираясь скосить друга. Опережая фашиста, Василий даёт очередь. Роняя автомат, немец падает навзничь.

И снова вперёд, вперёд! Через воронки, бугры, трупы фашистов. В руках подрагивает автомат, выплёскивая огонь. Резко, словно палкой, бьёт по ногам. Василий падает, как скошенный, лицом вниз. Когда попытался повернуться на бок, застонал от жгучей боли в ногах. До санроты еле доковылял, повиснув на плечах санитаров.

- Слава богу, что кости не перебиты, - утешающе басит пожилой санитар, - отвоевался и жив остался.

А второй, молоденький, добавил:

- Врачи, они дело знают. Полежишь недельку, и опять будешь бегать, как годовалый жеребчик...

Через пару дней Василий попросил медсестру, чтобы понадёжнее забинтовала раны. Очень уж не хотелось в эти дни отставать от своих ребят. Тем более, что наступал май. С Иваном Колеговым, товарищем, раненым легко в руку, в полдень на попутном грузовике отправились догонять своих.

Широкое шоссе до Потсдама – след поспешного отступления немцев. Вдоль него – разбитые, дымящиеся всевозможные машины, повозки, танки и трупы немецких солдат.

- Это вам не сорок первый, - назидательно говорит Иван и сплёвывает окурок из-под рыжеватых усов за борт машины. На его гимнастёрке позванивают медали.

- Да, не сорок первый. Наши штурмуют Берлин,- откликается Василий, взглядываясь в угрюмые строения городка с островерхими черепичными крышами и думая о том, как встретится с Егором, - жив ли он? – с ребятами, и о том, где придётся встретить конец войны.

А встретить пришлось в этом самом Потсдаме. В казарму вбежал возбуждённый Егор, сияя карими глазами, закричал:

- Вася! Конец войне! Германия капитулировала!

У Василия захватило дух, хотя он, как и все, ждал подобного сообщения. В груди у него стало жарко, в душе что-то вскипело и выплеснулось в торжествующее: «Ура-а-а!» Друзья крепко стиснули друг друга, поцеловались.

- Идём на площадь!

Площадь празднично бурлила. Салютуя Победе, палили из всех видов оружия. Кричали, обнимались, плакали и целовались бойцы и офицеры: русские, казахи, украинцы, белорусы... «Мы победили! Мы победили!» Великая радость бушевала из конца в конец площади, переполняя собою людей, землю и небо, всё существо Василия, и слёзы, слёзы счастья выступили на глазах, они были у многих, и никто не стыдился их...

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

Александр Максимович Колганов был призван в армию в 1939 году с шахты имени Кирова. Служил он на Дальнем Востоке. Началась война, и их часть в 1942 году перебросили на Запад. Боевое крещение сержант Колганов принял под Сталинградом. Там был ранен, после госпиталя снова фронт. В боях при освобождении Украины опять получил ранение. Снова вылечился и участвовал в освобождении Польши. Войну закончил под Берлином.

За ратные дела Александр Максимович был награждён орденом Красной Звезды и несколькими медалями.

После войны Колганов работал на шахте «Журинка» до пенсии. По его воспоминаниям и написан этот рассказ.

* * *

Солдаты чертыхались. Они остались без обеда. Фашистский снаряд угодил в кухню с готовыми щами. А так хотелось горячего! Почти неделю стремительного наступления питались сухим пайком.

- Проклятые фрицы, поесть по-человечески не дали, - ругался сибиряк Саша Колганов, заряжающий 76-миллиметрового орудия.

Их гаубичная батарея только что подтянулась к передовой, замаскировалась в сосновом бору. По опушке этого бора шли наши траншеи,

за ними сразу начиналась двухсотметровая зелёная лощина, на противоположной возвышенной стороне которой была вражеская оборона. Среди кустарника и сосен немцы построили огневые точки. Особенно опасен был выдвинутый на фланг железобетонный дот. Вооружённый пушкой и крупнокалиберным пулемётом, он держал под огнём всю лощину и простреливал в глубину наши подходы к ней. Вот почему одолеть сходу лощину не удалось. Три атаки захлебнулись. Посредине её остался тёмный обгоревший танк «Т-34». И всё этот дот. Его же пушка разбила и кухню. Стоило кому-то появиться среди сосен, как была очередь крупнокалиберных пуль, отщёлкивая куски красноватой коры...

- Нам приказано разбить дот! – лейтенант Аргунов, командир батареи, оглядел расчёт орудия, в котором числился и Колганов. – Ночью займёте огневую впереди траншеи.

- Есть! – вытянул командир орудия Хоменко и, привычно тронув усы, пробасил:

- Забьём вражине рот гарными галушками!

А потом они отдыхали. До вечера. Саша лежал на земляной лежанке в блиндаже и не мог представить, как это они будут прямой наводкой бить по доту с открытого места, видные немцам, как орешки на ладошке. Не успеешь выстрелить – покосят из пулемётов. Саше ещё не приходилось участвовать в таком деле. Он лежал и пытался придумать что-нибудь такое, чтобы обхитрить немца, чтобы успеть залепить по доту хотя бы тремя снарядами. Но ничего путного, стоящего внимания ему так и не пришло в голову.

С наступлением тьмы расчёт выбрался ползком за передовые траншеи. Заработали лопатами. Мягкий грунт поддавался быстро. Всё было заранее оговорено и подготовлено. Бесшумные тени пехотинцев появлялись рядом и исчезали. Всю землю они уносили с собой. Вскоре огневая была готова, выкопаны орудийный окоп и ровики для укрытия. Ладони у Саши жгло, как над плитой печки, тело налилось тяжёлой усталостью. Они спешили. Ведь летняя ночь коротка. Хорошо, что немец всего раза три – четыре кинул осветительные ракеты, да и то в другом конце лощины.

Почти на руках солдаты перенесли орудие от сосен в готовое укрытие, сверху натянули маскировочную сетку с привязанной к ячкам свежей травой. Вроде бы всё готово. Осталось только ждать рассвета, который уже чувствовался. Просыпающиеся пичуги подавали голоса, начало светлеть небо, воздух стал свеж и ароматен.

«Сейчас ударит птичий концерт, - подумалось Саше, - будут славить восход». Но от того, что он скоро услышит ликующий птичий хор,

ему, Саше, не стало радостней. Мысль о том, что, как только они вылезут с пушкой, немцы дадут им такой огневой концерт, что всем чертям будет тошно, это загоняло радостные чувства куда-то в глубь сознания.

Шестеро пушкарей молча сидели и ждали. Под рукой Хоменко стояла зелёная продолговатая коробка телефона.

А летнее солнце взбиралось всё выше к зениту. Припекало плечи, промокшие от пота гимнастёрки. Было тихо. Никто не стрелял. Томительно шло время.

- Фрицы обедать начали, - шепнул Саше Матвей Вахлин, лучший наводчик в батарее, показывая ручные часы. И почему-то добавил:

- Хорошо сейчас на Волге, в родной Чувашии. Только далеко она, а Висла – близко, - и умолк, думая о своём.

Саша не ответил. Ему вспомнилась своя родная река. Не река, а голубенькая речушка. Да ещё с таким коротеньким именем – Иня. Но от того, что она такая маленькая, незначенитая и далёкая, она становилась ещё милее.

Пискнул зуммер. Хоменко рывком бросил трубку к уху и сразу положил:

- К бою!

Вскочили, мигом сбросили маскировочную сеть, подхватили оружие, напрягаясь, вытолкнули на прямую наводку. Приняв снаряд от подносчика, Саша отработанным, точным усилием дослал его в пасть казённика. Грохнул выстрел. Хоменко в бинокль видел, как отлетели куски маскировки дота, от серого колпака оторвало кусок бетона величиной с пилотку.

- Фугасным, огонь!

Раз за разом ухала и ухала пушка. Ошеломлённые немцы так и не успели открыть огонь, а на месте дота уже чернела развороченная земля. Страшной силой фугасов была расколота и разрушена амбразура дота.

Когда первый вражеский снаряд взметнул фонтан пламени и земли перед орудием, расчёт уже спрыгнул в глубокий ровик. Потные, чумазые, но счастливые удачей, с лихорадочно блестящими глазами, они тесно жались друг к другу, жжимали головы в плечи, а на их спины сыпалась взрывающаяся земля. Воздух над окопом свистел и гудел от сотен осколков и пуль, словно чудовищные струны.

Ни Саша, ни его товарищи не знали, что, так нахально разбив главный пункт обороны врага, они вызовут на себя ураган огня разъярённых немцев. Они не знали, что десятки наших наблюдателей засекают огневые точки врага, что их короткий бой был увертюрой наступления.

И когда загремела канонада нашей артиллерии, вжатые в стены ровика бойцы подумали с облегчением: «Наши бьют, началось!» Они не видели и не слышали гула штурмовавших врага «ИЛов». Ни того, как пошли в атаку «тридцатьчетвёрки», а за ними стрелковые роты. Мощное «ура» атакующих захлестнуло немецкие окопы, перекаатилось через них, заглушая, заканчивая победный бой.

Отряхивая с себя землю, вслед за командиром расчёт выскочил из окопа. Их пушка, иссечённая осколками, с разбитыми приборами, осела набок, но её ствол всё так же целил вперёд.

- Вот это да-а-а, - пробасил Хоменко. И не понять было, о чём он: или об искалеченной пушке, или об их дерзком поединке с дотом.

Все заговорили, завосклицали возбуждённо, выражая скопившиеся чувства от пережитого, разряжая нервное напряжение. Саша тоже что-то восклицал, глядел на комья свежей разбросанной земли, на воронки, источавшие кисловатый запах, на израненную свою пушку, которую давно ощущал, как часть самого себя, и гладил, гладил ладонью шероховатый щит, как будто его пушка была живым существом, чувствовала боль от нанесенных ран, и он хотел, желал хоть как-то утешить её, сделать ей приятно этой своей лаской.

- А ну, славяне, - послышался голос Хоменко с властными командирскими нотками, - пойдёмте, побачим свою работу!

И пушкари весело и быстро зашагали в сторону разбитого ими дота.

РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ

Ветеран Великой Отечественной войны Александр Степанович Беляев трудился на участке БВР ш/у «Кольчугинское» мастером-взрывником. В годы войны он прошёл славный боевой путь от Курской дуги до Праги. Он вспоминает.

Боевое крещение

В январе 1943 года я был призван на службу. Под Челябинском прошёл обучение на стрелка-автоматчика. В июне мы были под Воронежем. Прибывшее в танковую часть пополнение выстроили. Бравый старшина объявил перед строем:

- Кто желает в разведку?

Вместе с желающими выступил и я. Офицер-танкист, стоящий рядом со старшиной, усомнился, мол, маловат ростом.

- Подойдёт! Такой крепыш хорошо будет бегать в головном дозоре! – заверил старшина.

Так я очутился во взводе разведки танкового полка, обучился действиям на танке и в танке. Вскоре наш танковый корпус был в районе Орловско-Курской дуги, где шли ожесточённые бои. Наш полк вёл бой под Кантемировкой. В экипаже танка «Т-34» лейтенанта Иванова был ранен заряжающий.

- Беляев, залезай на танк, будешь заряжающим! – приказали мне. Я полез в танк. А над Кантемировкой стоял гул сражения. Горели дома, ухали взрывы, дым застилал солнце, в небе шли воздушные бои, над головой проносились наши штурмовики.

Наш броневой полк ворвался на станцию. На ней разгружался эшелон с немецкими танками. Полк открыл по эшелону, по машинам врага огонь из пушек.

- Бронебойно-зажигательным! – то и дело кричит в ларингофон командир. Я хватаю снаряды с красной головкой и заряжаю, заряжаю орудие. В танке дым, пороховой газ, от которого слезятся глаза. От выстрелов всё содрогается. Полк расстрелял весь эшелон с танками врага.

И вдруг приказ: «Выскакивай быстрей!» Выскакиваем – командир, радист и я. Механика-водителя Сидорова, раненого в ноги, вытаскиваем через передний люк. Наш танк горит. Снаряд угодил в мотор. Била немецкая самоходка. Бежим огородом подальше за дома. Отбежали метров двадцать, сзади грохот – взорвался боекомплект в «тридцатьчетвёрке». Пятитонная башня, как спичечный коробок, отлетела далеко в сторону. А кругом стрельба, горят танки, бронетранспортёры, валяются мотоциклы, в дыму мелькают то немцы, то наши автоматчики.

Мы отходим по озерам, по камышам, то отбиваясь от немцев, то нападая на них. Кто видел кинофильм «Освобождение», может представить, как это было, вспомнив бой под Прохоровкой, которая была рядом с Кантемировкой. Не скрою, было страшно, но я делал всё, что мог, как и мои боевые товарищи. После боя, в котором мы потеряли почти все машины, отошли на формировку. Вскоре уцелевшим танкистам и автоматчикам полка были вручены правительственные награды. Командир полка майор Петров вручил и мне медаль «За отвагу». А нашему гвардейскому танковому корпусу за это победное сражение было присвоено звание Кантемировский.

За Днепром

В конце декабря 1943 года гвардейский танковый Кантемировский корпус вёл бои на окружение Житомира. Немцы вывозили из города все ценности, военную технику, администрацию, вспомогательные части.

Командир полка приказал взводу разведки на шести танках отсесть колонну отходивших немцев у моста через речку.

Мы, автоматчики в белых маскхалатах, взобрались на танки, выбеленные известью, и двинулись в обход, через леса, хутора, просёлочными дорогами. Весь день мчались и к ночи вышли к шоссе, по которому сплошным потоком двигался отходивший враг. В три ряда шли машины, повозки, орудия, бронетранспортёры, танки и пехота.

Мы то следовали в колонне, то, обгоняя её, мчались сбоку. На каждом танке среди автоматчиков находился разведчик, владеющий немецким языком. Ни немцы, ни власовцы, бывшие среди них, ничего не подозревали. Видимо, думали, что мы – это их охранение.

Вдруг одна повозка на обочине остановилась, накренилась.

- Помогите надеть колесо! – крикнул власовец-возница.

Кто-то из ребят соскочил с машины:

- Я тебе сейчас надену!

Схватил его за шиворот и к танку. Увидев, кто мы такие, власовец залепетал: «Ребята, ребята, пожалейте». Но у нас не было жалости к изменникам Родины.

Танки уже подошли к мосту у деревни, когда раздался сильный грохот. Это партизаны взорвали мост. Наши танки врезались в колонну, давя повозки и машины. Мы открыли огонь из автоматов. Немцы заметались, открыли пальбу. За мостом от снаряда вспыхнула цистерна с горючим, запылала, осветив ночь. Через речку начал бить «тигр». Один наш танк вспыхнул. Мы бьём колонну в лоб, а в хвост ей ударил наш полк. Колонна была разгромлена. 4500 различных машин оставили немцы на этом шоссе.

Боевые друзья

Надо ли говорить, насколько мы, разведчики, были дружны, готовы друг за друга в огонь и воду, как больно было хоронить товарищей. Помню боевых друзей: Николая Ильина, Егорова Николая – ленинградцев, Анатолия Новикова, Владимира Шерегина из города Пензы. Им было по 22 года, а мне 19 лет.

Особенно мы были дружны с Шерегиным. До сих пор помню, как он говорил: «Знаешь, Сашок, был бы у нас атомный шарик, хотя бы с ноготок, давно бы немца расколошматили».

Я имел смутное представление об атоме, ведь было всего 6 классов за плечами, и очень удивлялся его обширным знаниям.

А стояли мы в районе Шепетовки, у немцев была крепкая оборона, наступление приостановилось.

В землянку вошёл командир нашего взвода лейтенант Макушев:

- По приказу командования нужно взять «языка». Пойдут два отделения.

Целый день мы наблюдали противника. Высмотрели пулемётную точку – боевое охранение немцев, выдвинутое вперёд, решили брать пулемётчиков.

Ночью в белых маскхалатах поползли оврагом. Замирали при вспышках ракет, которые то и дело взлетали над головами. Четверо ползут впереди, по бокам охранение. Морозно, чуть порошит снежок.

Подползли с тыла к немцам. Новиков, Егоров, Шерегин и Макушев бросились на них. Один дико закричал, желая предупредить своих: «Иван!! Иван!!» Ему сразу же всунули в рот заготовленный кляп, завернули в простыни и потащили. Мы, охранение, отходили следом, готовые прикрыть товарищей огнём.

Ошарашенный немец рассказал всё, что знал в штабе. А мы, основательно продрогшие на январском морозе, выпив по кружке спирта, отогревались в землянке.

Вперёд, на запад

После Шепетовки мы освободили Каменец-Подольский, Тернополь, Львов. Я получил касательное ранение в голову и шесть месяцев пробыл в полевом госпитале. Там мы договорились с раненым офицером из нашего корпуса сбежать, чтобы после госпиталя не попасть в другие части. Сбежали. Добирались на попутных машинах. И вот меня обнимают друзья:

- Сашка, ты откуда взялся?

- Удрал, - говорю, - из госпиталя.

Наш командир осмотрел мою заживающую рану:

- Ну, сержант, бегать тебе тяжело будет. Назначаю тебя командиром бронетранспортёра.

И вновь бои, разведки, сражения за освобождение Польши.

В Карпатах наш корпус пробил коридор к окружённому 7-му кавалерийскому корпусу. Вырвавшийся вперёд кавкорпус три месяца сражался в окружении. Поели всех лошадей. По восьмикилометровому коридору худые, оборванные кавалеристы вышли к своим.

После мощной двухчасовой артподготовки (300 орудийных стволов на километр фронта, как говорили) началось наступление с Сандомирского плацдарма. Наш корпус прошёл вперёд 700 километров, не встречая сопротивления, - таков был удар «бога войны» и нашей авиации. Освободили Катовицы, Краков. И снова прорыв наших гвардейских танков на 100 километров. И вот она – Германия.

Великое воодушевление царило в наших сердцах. Близился конец войны. Мы наступили на Берлин.

От Дрездена до Праги

Под гусеницами наших гвардейских «тридцатьчетвёрок» была земля фашистской Германии, мы шли на Берлин. В районе Дрездена враг оказал упорное сопротивление, непрерывно контратаковал. Начальник разведки полка приказал добыть «языка», чтобы узнать, какие новые части появились перед нами.

Вчетвером, братья Новиковы, астраханцы, Николай Солин (из Кургана) и я, прибыли на передовую. Шёл жаркий ночной бой: отражали очередную атаку фашистов.

Когда немцы откатились и ослабла стрельба, мы поползли в нейтральную зону, в поисках раненого фрица.

- Ребята, сюда, - позвал я, наткнувшись на лежащего на спине немца. По чёрному кителью, белому витому погону и знакам «СС» на петлицах определил, что это эсэсовский офицер. От него несло винным перегаром. Немец хрипел, что-то бормотал в бреду, на губах пузырилась розовая пена. Китель на груди был порван осколком, мундир в крови.

- Возьмём документы, самого не донесём, - решили мы, так как рана у немца была смертельной. По документам в штабе определили, что перед нами новая эсэсовская часть. Она была разгромлена, и войска вступили в Дрезден.

Шла победная весна 1945 года. А наши танки мчались в Чехословакию. Корпус получил приказ идти на помощь Праге.

По дороге были небольшие схватки с бродячими отрядами оголтелых фашистов. Шли колонны пленных – немцы сдавались уже целыми частями.

Мы, восемь разведчиков, мчались на бронетранспортёре в головном дозоре. Заехали в один городок. На окраине – лагерь за колючей проволокой. Въезжаем, нас сразу же окружила толпа заключённых. Измождённые, кто в гимнастёрках, кто в штатском, мужчины, женщины. У всех слёзы радости. Обнимают нас, целуют. Говорят, что охрана разбежалась, и они дожидались своих.

Мы были счастливы, как и они, за нашу славную армию-освободительницу, за великий советский народ, разгромивший фашистские полчища. Как и в Польше, встречали нас цветами в Чехословакии.

В цветущей Праге мы встретили День Победы. Наши танки осыпали букетами душистой сирени. Всё ликовало: и люди, кричащие: «Наздар!» и «Ура!», и майская природа.

Это был грандиозный праздник. Весь город пел и плясал на площадях и улицах. Мы салатовали из всех видов оружия.

Война окончилась.

РАТНЫЙ ПУТЬ СОЛДАТА

Ветеран Великой Отечественной войны, ветеран труда Василий Григорьевич Кубенко в последнее время трудился вахтёром в шахтоуправлении «Кольчугинское», на фронте побывал дважды. В первый раз Вася Кубенко, молодой горняк шахты имени Кирова, надел солдатскую шинель и с воинским эшелоном отбыл на западный фронт. Неподалёку от Воронежа их воинская часть подверглась жестокой бомбёжке. Надрывая душу, завывали пикирующие самолёты. Гремели взрывы, дрожала земля. Вжался в землю-матушку молодой солдат, но всё же не уберёгся от взрыва бомбы. Когда налёт окончился, поднялся Василий, отряхнул с себя землю и удивлённо подумал: «Какая кругом жуткая тишина!» Оказалось, что он контужен и совершенно потерял слух. После госпиталя его направили на долечивание домой, в Ленинск-Кузнецкий.

По выздоровлении, в феврале сорок третьего года, рядовой Кубенко снова ехал на фронт. На этот раз эшелон спешил к Вологде. А от неё солдатский путь Василия Кубенко привёл в осаждённый Ленинград.

Дорога в Ленинград

Когда часть, в которой был Кубенко, прибыла в прифронтовую полосу, то попасть по земле в осаждённый город не было возможности. Доставку пополнения в легендарный город осуществили по воздуху. Пополнение направили на лесной аэродром, километрах в шестидесяти от Ленинграда. Так как тяжёлые транспортные самолёты использовать было невозможно, то какая-то светлая голова придумала использовать «кукурузники» - эти знаменитые фанерные самолёты «ПО-2». На каждом крыле, слева и справа от фюзеляжа, поместили специальные носилки для трёх человек. Седьмой боец сидел во вторую кабинку сзади лётчика. Бойцов крепко привязывали, мало ли что может быть в воздухе, и – транспорт готов. Так и совершил свой первый в жизни полёт Василий Кубенко. «Кукурузники» летели, почти задевая макушки лесных деревьев. А высоко над ними летели наши истребители прикрытия. Кубенко видел только часть верхнего крыла да кусок неба. Ровно рокотал мотор. Вдруг в небе загремели пулемётные очереди. Завязался воздушный бой с «мессерами». Наши соколы не позволили фашистским пиратам атаковать «кукурузники».

Долетели благополучно. На пригородном аэродроме их встретили с радостью, замёрзших напоили чаем. А вскоре двинулись в назначенную часть. Шли по ленинградским улицам. Горько было смотреть на когда-то красивые здания, разрушенные артобстрелами и бомбами. Но улицы расчищались, воронки заравнивались, шла непрерывная работа на заводах и фабриках. Город жил, боролся, побеждал. В те суровые осадные дни героизм был будничным явлением для бойцов на фронте и жителей Ленинграда. Вот один случай, происшедший недалеко от части, в которой воевал рядовой Кубенко.

Подвиг часового

В лесу, недалеко от фронта, был замаскирован небольшой аэродром и важный склад, рассказывает В.Г. Кубенко. Немцы узнали об этом и пытались совершить диверсию по взрыву склада.

Но ничего у них не получалось, диверсантов обезвреживали. Тогда они решили разбомбить аэродром и склад. Однажды рано утром несколько вражеских самолётов появились над этим местом. Бомбардировщики по очереди начали пикировать, обстреливать и бросать бомбы.

Часть обслуживающего персонала погибла, остальные поспешили в укрытия, боясь страшного взрыва боеприпасов. Только часовой на вышке с зенитным пулемётом пренебрёг смертельной опасностью. Не обращая внимания на взрывы и пули, открыл прицельный огонь по фашистским самолётам. Метким огнём сбил пикирующий «Юнкерс». Огромный столб чёрного дыма вслубился над лесом. Вот и второй пикирующий фашист, прошитый крупнокалиберной очередью, врезался в землю. Нервы у остальных гитлеровских лётчиков не выдержали: побросав, где попало, бомбы, они улетели восвояси.

Обожжённого, истекающего кровью героя-часового сняли с вышки, отправили в госпиталь. А слава о его подвиге обошла все воинские части.

Бой за Платформу

Василий Григорьевич Кубенко рассказывает, вспоминая то фронтовое время: «Вскоре после первых боёв зачислили меня в особый отряд, направляющийся на штурм Платформы. Так назывались останки на пригородной железной дороге. Там закрепились фашисты, их надо было выбить, но лобовые атаки не принесли успеха. Наступать приходилось вдоль железнодорожной линии, так как слева и справа от насыпи была заболоченная местность. Линия же была хорошо пристреляна вражеской артиллерией и пулемётами. Вот почему атаки не удавались.

Тогда наше командование и решило создать штурмовой отряд и применить хитрость. В отряд отобрали добровольцев триста человек. После тренировок каждый боец взял с собой, кроме оружия и боеприпасов, обыкновенный фанерный лист. Ночью, обходя врага по болотистой местности, клали листы на снег, скрепляли, шли по ним. Задние передавали листы передним, и так преодолевали торфяники, заросшие кустарниками и жидким лесом.

Обошли позиции фашистов и неожиданно ударили с тылу. Стремительный штурм завершился полной победой. С малыми потерями захватили Платформу и все фашистские укрепления, перебив защитников. Разъярённые гитлеровцы три дня подряд атаковали нас, непрерывным артиллерийским огнём преградив доступ к нам пополнения по железнодорожной насыпи. Но все их атаки мы отбили. Теперь они оказались в невыгодном положении – им пришлось идти в атаки по насыпи, а наша артиллерия тоже пристреляла её. Прорвавшихся немцев мы добивали пулёмётным и автоматным огнём. Но редели и наши ряды.

Наконец к нам подошла смена. Мы ушли в тыл на отдых. Осталось нас всего семнадцать человек. Все мы были отмечены воинскими наградами. Тогда я и получил свою первую медаль «За отвагу».

Разгром врага

В январе 1944 года началось наступление Ленинградского фронта. За три месяца боёв фашистские захватчики были отброшены в среднем на 250 километров от города. Это был окончательный разгром врага под Ленинградом. В этом наступлении участвовал и рядовой Кубенко.

Два с половиной часа длилась артподготовка. Словно огненный молот бил по наковальне вражеской обороны. Земля под ногами гудела. Потом нанесла бомбовый удар по вражеским позициям наша авиация. Оборона немцев была разбита. Уцелевшие фашисты спешно отступали. Три дня шли наши бойцы вперёд, не встречая организованного сопротивления врага. Но вот фашисты подготовили оборону и встретили наступающих сильным огнём. Били многоствольные миномёты и тяжёлая артиллерия.

Кубенко шёл в атакующей цепи. Снег был глубокий. Путь пробиwali друг за другом, то и дело меняясь местами. По пояс в снегу упорно шли вперёд. Вдруг нарастает скрип и скрежет тяжёлого снаряда. Бойцы поняли – «это наш!» Взрыв ударил рядом. Воздушная волна со снегом хлестнула во все стороны. Когда Кубенко очнулся, почувствовал боль в левой руке, по лицу текла горячая кровь. Мощной волной его отбросило на несколько метров. Куда-то улетел автомат, сорвало поясной

ремень с фуфайки вместе с дисками для патронов и гранатами. Зажал рану на руке и побрёл в тыл, навстречу санитарам. Те перевязали раны, сказали: «Иди в санбат!»

Из санбата с другими ранеными в автобусе приехали в Автово, пригород Ленинграда. Сам выйти из автобуса Кубенко не смог – ослабел, много потерял крови. На излечении был в Ленинграде, Вологде, Свердловске.

Второго мая 1944 года рядовой Кубенко с рукой на перевязи шёл по своему родному горняцкому городу. С часто бьющимся сердцем подходил к родному дому. «Увидел меня соседский пацан, - вспоминает Василий Григорьевич, - бросился ко мне с криком: «Дядя Вася!» Прижался к шинели, заплакал. У них похоронка пришла о гибели отца. Обнял я его одной рукой и тоже заплакал...

А как поздоровела рука, пошёл бывший фронтовик на производство. Всюду требовались рабочие руки. Война продолжалась.

Бывший солдат Василий Кубенко долго оставался, можно сказать, на боевом посту – зорко охранял материальные склады шахтоуправления «Кольчугинское».

СПОЛОХ

Мы стоим в поднявшихся зеленях хлебов. Нам, школьникам, отмерили каждому по две сажени, отметив ширину полос прутиками, и сказали, что эти полосы мы должны прополоть от края и до края поля, уходящего с возвышением к голубому горизонту. Над ним уже вскарабкалось лучистое солнце и начинает всё сильнее припекать. Чистое небо сияет безмятежно, обещая скорую жару. И тогда так захочется в родную Иню, в её прохладную водицу, поплавать, понырять, позагорать на жёлтом песочке, пошалить. Воображаю весёлые крики пацанов, а наяву слышу строгий голос взрослого: «Полите старательно, хлеба должны расти без сорняков!»

И мы полем. Пропалываем посевы, как прошлым летом, как позапрошлым. В зеленях много полынка, особенно осота. Он колючий, жалит мягкие ладошки, потом они надолго делаются рябенькими от ранок. Шагаю то влево, то вправо, наклоняюсь, срываю сорняки, смотрю по сторонам на соседней: не отстаю ли?

Но что такое? – все прекратили работу, стоят, ладошки к глазам, смотрят вдаль, туда, где поле стыкуется с небесами, и на их светлом фоне видится тёмным силуэтом скачущий всадник. Он что-то кричит и машет рукой с фуражкой. И вот уже слышится раздирающий рот, бросающий в смятение сполошной крик: «Война-а! Война-а! До-мой! До-

мой! Война-а-а!» Он скачет дальше по полям, а мы, подхваченные неведомой стихийной силой нахлынувшей беды, бросились бежать в село.

Бежим, обгоняя друг друга по полю, вдоль заросшей камышами и осокой речушки Савихи, взбираемся на высокую железнодорожную насыпь, с которой видно село и далеко вокруг. Слева и справа по двум дорогам к селу бегут, скачут верхами, рысят на бричках, пылят на двух полуторках колхозники. Кстати сказать, вскоре эти новые автомашины и несколько лучших коней заберут для армии, а большинство мужиков направятся на фронт. А сейчас они вместе с женщинами, парнями, девчатами и подростками спешат, торопятся в село и, как ручьи в водоём, стекаются на площади возле сельсовета. Его председатель прокричал с крылечка, что ожидается важное правительственное сообщение. Ждите! Гитлер напал на СССР!

Охая, всхлипывая от тяжёлых предчувствий, женщины и испуганные девчата разошлись по домам, а мужики и парни расположились на площади группами. Лежат на травке, в тени плетней близлежащих огородов. Курят махорку, сдержанно перебрасываются словами, чужая под собою тёплую, неколебимую родную землю-кормилицу. Сижую возле мужиков, слышу раздумчивое:

- Да-а, напал-таки фашист, не испугался великого Союза...

Другой голос бойко как бы откликается:

- Э, да мы этих фашистов шапками закидаем!

Помолчали неодобрительно.

- Не больно-то закидаешь. Он тоже не картошками стрелять будет...

Это басовито говорит дядя Ваня Колодцев, богатырского вида мужик, наш сосед по избе, разделённой пополам. Когда-то в ней была школа для начальных классов, а после постройки большой двухэтажной семилетки её отдали под жильё.

После слов Колодцева помолчали, сосредоточенно затягиваясь сигарками, выдыхали дым, сплёвывали.

- Да-а, германец воевать умеет. Ведаю по той войне, - говорит старенький конюх Кузьма. Задирает штанину, показывает шрам на ноге: - Эвона ихняя мета. С той поры и прихрамываю...

Мужики смотрят, молчат, о чём-то своём думают.

Подходит рыжий мужичонка Прошка, уже навеселе, бахвалится:

- А я свою голову хоть под мышкой, а всё равно с войны принесу!

Ему не отвечают, и он, помахивая рукой, отходит к другой группе. Забегая вперёд, скажу, что Прошка оказался пророком. Он действительно вернулся с фронта с целой головой, но левая его рука была изувечена. Всё едино ему здорово повезло. Ведь из этой полсотни мужиков, ждущих правительственного сообщения, единицы вернулись целыми-здоровыми с орденами и медалями. Некоторые вернулись инвалидами. Большинство же возвратились в родное село через долгие годы после Победы позолоченными надписями фамилий на небольшом обелиске со звездой, сооружённом на этой самой площади сельсовета. Их жизни посвечивают длинными рядами имён: Иван Колодцев, Петров, Калмыковы, Салтыков, Степанов... Длинный ряд имён, протянувшийся от Украины и Белоруссии до Москвы, и от Москвы и Сталинграда до фашистского логова Берлина. Это они падали в грохоте и лязге боёв, падали на длинных вёрстах, обхватывая руками спасаемую землю...

Но это будет потом, а пока все они живы, лежат на площади, разговаривают. Вот дружно поднялись: в чёрной пасти репродуктора на столбе что-то щёлкнуло, захрипело. Сгрудились поближе к столбу. Зазвучал твёрдый, глуховатый голос Молотова. Он говорит, что гитлеровская Германия вероломно, без объявления войны напала на нашу страну. Бомбят наши города, жгут сёла, несут порабощение и смерть народам...

Мужики хмуро слушают, прибежавшие бабы всхлипывают, предчувствуя скорые беды и горе. Это они будут лить горькие слёзы, надрывая сердца над белыми бумажками фронтовых «похоронок», убивающих всякую радость и надежду смертными извещениями. Всхлипывают бабы, прижимаются к своим мужьям, пока вот они, рядом, милые и близкие, внимательно слушающие радиоречь из столицы. Над всеми ними чистое небо, сияющее солнце. И уже переваливает на вторую знойную половину ударивший в душу сполохом незабываемый трагедийный день двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года.

ТОГДА, НА ФРОНТЕ

Эти эпизоды мне рассказал ветеран Великой Отечественной войны, шахтёр, капитан запаса, Абрар Гилязович Замалиев. Сейчас он на пенсии. А тогда, в 1943 году, полный молодых сил, он прибыл на фронт рядовым бойцом. Воевал под Сталинградом и на Карельском перешейке. Награждён орденом Славы третьей степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и другими.

В боевом охранении

В январе 1944 года начались бои по вызволению из осады Ленинграда. Вскоре прогремел салют в честь освобождения города от блокады. Наступая, с боями мы дошли до железной дороги Нарва – Таллинн. Здесь наша часть остановилась и перешла к обороне. Противник ожесточённо сопротивлялся.

Моё отделение из пяти человек было направлено в боевое охранение. Я расположил бойцов в кустарнике за торфяными кучами. У нас был ручной пулемёт, два автомата и две винтовки.

Ведя прицельный огонь по фашистам, мы отбили две атаки. На поляне перед нашей позицией валялось с десятков убитых врагов. У нас кончались патроны. В третий раз бросились на нас фашисты, подобрались совсем близко. «Бейте гранатами!» - крикнул я. Враги не выдержали гранатного боя и отступили.

В этом неравном бою погибли трое наших товарищей, один был ранен. Невредимыми остались я и пулемётчик. За этот бой мы были награждены медалями «За отвагу».

В Карелии

Наша 63-я гвардейская дивизия наступала на Карельском перешейке. Батальон на ходу пополнялся людьми, боеприпасами, сухим пайком. Шли мы вперёд днём и ночью. Усталость валила с ног, глаза слипались, память притуплялась. Хотелось упасть и спать, спать.

В сумерках заморосило. Под ногами бугры да ямы. Бойцы стали запинаться и падать от усталости. И тут раздалась долгожданная команда на привал.

Спотыкаясь, сделал несколько шагов от дороги, плюхнулся под бок уже лежащему, и сразу, как будто провалившись в тёмную яму, заснул. Мне приснилось, будто я дома. Мама с отцом хлопочут у печки и стола: готовят угощение. И вдруг грохот. Я разлепил глаза. Уже всю светлело. Кругом стоят товарищи и громко хохочут. Я вскочил и сразу понял причину веселья. Оказывается, я спал, притулившись к трупу врага.

Долго ещё шутили над этим боевые товарищи: «Теперь тебе никакой чёрт не страшен, с самой смертью в обнимку спал!»

Утрата подарка

Наступление приостановилось. Мы начали окапываться. Быстро вырыл окоп полного профиля, ибо земля была мягкой, а я небольшого роста. Сделал подбрустверную нишу, уложил в неё гранаты, запасной диск к автомату. Словом, приготовился на случай атаки противника. А он бьёт из пулемётов и автоматов, пули свистят над головой.

Вскоре заморосил дождь. Стрельба затихла. Но начался артиллерийский обстрел. Я накрылся плащ-накидкой, которую мне неделю назад подарил мой друг Володя Иванов, эвакуированный в тыл по ранению. Накидка была совсем новая и удобная. Но друга рядом не стало. На душе было тревожно и одиноко, одиноко.

Вдруг над позициями пронеслись огнехвостые снаряды «катуши». В стороне врага загрохотали взрывы. Я повеселел и ободрился. Слышу, кричат: «Абрар, к командиру!» Пулей вылетел из окопа и перебежками к нему. Командир был метрах в сорока за огромным валуном. Подбежал, доложил. И невольно глянул в сторону своего окопа. А там взметнулся столб огня и земли. Фашистский снаряд угодил прямо в мой окоп. Так я потерял подарок своего друга.

За двумя соснами

После артподготовки пошли в наступление. Продвигались в этот день медленно. Враг оказывал сопротивление. Несколько раз останавливались. И вот снова команда: «Закрепитесь!» Все начали окапываться. Дело было в сосновом лесу. Я оказался у двух деревьев, росших будто из одного корня. Между ними даже голову нельзя было просунуть. «Хорошее укрытие», - подумал я.

Стал я на колени, начал спокойно обкладываться камнями, которые лежали вокруг. Вдруг слышу резкий удар и щелчок. Мгновенно распластался на земле. Вжался, не шевелюсь. Успокоившись, увидел на сосне, на уровне моей головы, вырванный клочок коры. Видать, пуля была разрывная... «Спасибо, сосна, спасла от верной смерти», - поблагодарил я дерево и, прижимаясь к земле, начал быстро орудовать сапёрной лопатой.

Одинокий домик

Выполняя приказ командира роты, я ходил в тыл. Вернулся – роты нету. На мой вопрос артиллеристы указали только направление. Пошёл в указанную сторону по вражеской траншее. Она была глубокая и оббита досками, ведь фашисты готовили оборону три года.

Шёл я долго, останавливался на развилках и думал: «Прямо, как в сказке, только нет надписи: «Налево пойдёшь – смерть найдёшь, направо пойдёшь – голову потеряешь!»

Шёл я, шёл и вышел к одинокому финскому домику. Траншея уходила прямо к нему. Долго я наблюдал за лесным домиком. Никого. Тишина. Жутко мне стало. Поворотил назад. Снова вернулся. И увидел, как из домика вышли двое фашистов. Тут только я понял, что зашёл в расположение врага и заторопился обратно. Позади грохнул взрыв. Домик разлетелся, как игрушечный...

В роте командир накричал на меня, что я долго отсутствовал. Рассказу о домике сначала не поверили, так как из него роту обстреляли из пулемётов, были убитые и раненые. И вот я повёл взвод к этому домику, вернее, к тому, что от него осталось. Обогнув «домик», мы вышли в тыл финским артиллерийским позициям. Неожиданная атака принесла успех. Оставшиеся в живых фашисты удрали, оставив нам целёхонькой свою батарею.

ЧЕРЕЗ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

От автобусной остановки в посёлке шахты «Польсаевская» Пётр Александрович Аверьянов с супругой направились к домику племянника Анатолия Дудукаленко. Он пригласил их в гости по случаю приезда из-под Иркутска брата матери Семёна Ильича Филатова. Семён Ильич был знаком с Аверьяновым по прежним приездам. Он был сед, высок, широкоплеч, с небольшими шрамами на лице от давних фронтовых ранений.

Аверьяновых встретили радушно. После приветствий, поцелуев и рукопожатий женщины ушли хлопотать на кухню, а мужчины остались в зале. Обменивались, как водится, новостями, сообщали друг другу о том, что работают всё там же: Пётр Александрович на «Журинке», а Семён Ильич – дежурным на железнодорожной станции под Иркутском. Словом, разговор шёл о том, о сём.

- Вы оба ветераны, воевали, - обратился к старикам Анатолий.

- Сейчас должен передаваться концерт по заявкам фронтовиков.

Послушаем?

И он включил радиоприёмник. В комнату хлынула мелодия песни. Перед глазами будто заголубело небо, закачались цветы в траве. А потом взлетели чёрные фонтаны взрывов, затряслась, завздрагивала земля – пережитое на войне будто обожгло сердце воспоминаниями. А голос певицы рассказывает, то набирая высоту и звеня, то затихая от душевной боли:

Жили два товарища на свете,

Хлеб и соль делили пополам,

Оба молодые, оба Пети,

Оба гнали немцев по полям.

Вот один гранатой был контужен,

А осколком ранен был другой.

Ты, сестра, перевяжи его потуже,

Чтобы жил товарищ дорогой...

Песня растрогала Семёна Ильича, он встал с дивана, прошёлся:

- Милые медицинские сёстры, скольких ребят вы перевязали за годы войны! Сколько солдат благодарны вам за своё спасение! А я вот своего спасителя не знаю. И благодарить-то некого. Десятилетия минули, а я всё думаю, кто же вытащил меня из горящего танка?

И он рассказал собеседникам свою фронтовую историю. Дело было так. В одном из боёв под Орлом в его танк угодил бронебойный снаряд. Водителя и стрелка убило сразу. А Семён очнулся в санбате. Интересовался у сестёр, кто вытащил его из горящей машины. Те отвечали, что взяли раненого танкиста у каких-то ребят в куртках с голубыми погонами и брюках с большущими карманами до колен. Видимо, это были десантники, которые поддерживали прорыв.

Из госпиталя Филатов снова убыл на фронт, на берлинское направление. Так толком ничего и не узнав о своём спасителе.

- Семён Ильич, где, вы говорите, это было? Под Орлом? – оживился Аверьянов. – А ведь и мне довелось там побывать. И был именно такой случай. Вот послушайте.

И ветеран рассказал следующее. Когда фашисты выдохлись, обломав танковые зубы о нашу мощную оборону на Курской дуге, 11-ю отдельную авиадесантную бригаду забросили в немецкие тылы для встречного удара в самый день нашего наступления. В одном из батальонов бригады находился и старший сержант Пётр Аверьянов. Десантирование прошло удачно. Ночь была тёмная. Немцы даже не обстреляли. Не заметили. Батальон сосредоточился в лесочке на исходной позиции. А на рассвете заговорила артиллерия – бог войны. Она корёжила немецкую оборону. После получасовой артподготовки вражескую оборону обработала штурмовая авиация. Бронированные «ИЛы» ходили над самыми траншеями, поливая их огнём из пушек и пулемётов, засыпая бомбами. И вскоре издалека докатилось «ура» - начался прорыв.

В контратаку выползли из укрытий немецкие танки. Уцелевшие огневые точки фашистов открыли огонь. За танками побежали густые цепи автоматчиков в грязно-зелёной форме. Батальон десантников ударил по ним с фланга. Из противотанковых ружей бойцы стреляли по танкам, а пулемётчики и автоматчики били по пехоте, уничтожая её. На взгорье запылали три танка, остальные скрылись в низине. Там тоже грохотал бой. Вскоре «тигры» появились снова и ходко пошли на запад. За ними показались наши «тридцатьчетвёрки» и пехота – оборона немцев была прорвана.

Десантники, согласно приказу, выходили из боя, направляясь в сторону тыла. Когда сержант Аверьянов с бойцами сошли в ложбинку,

обходя подбитые немецкие танки, то увидели невдалеке стоящий боксом «Т-34» с распластанной гусеницей. Земля вокруг была словно вспахана – развернуло на скорости. Один боец забрался на броню и заглянул внутрь – пусто, никого нет. А в стороне чадила другая «тридцатьчетвёрка».

- Хлопцы! – приказал Пётр. – Быстро к тому, что дымится. Там, наверное, танкисты!

От машины на подбежавших дохнуло гарью. Возле смотровой щели водителя курилось рваное отверстие. По низу башни шла вмятина от немецкой болванки. Алексей Заложных и Борис Лубов, друзья-воронежцы, ловко скинув вещмешки и положив автоматы на землю, вскочили на броню. Борис нырнул в дымное нутро. Первым вытащили стрелка. Лицо его было восково-бледным – истёк кровью. Был мёртв и водитель. Лишь командир танка подавал признаки жизни, он был без сознания. Это почувствовал Пётр, когда принял его тяжёлое тело на плечо. Втроём осторожно опустили лейтенанта на траву.

- Алёша, лей из фляжки! – Пётр обмыл лицо офицера, залитое кровью, наскоро забинтовал голову. И, не медля ни минуты, десантники потащили раненого прочь от танка – там начали рваться патроны. Вскоре встретили санитаров. Те уложили танкиста на носилки и унесли. Он в бессознание всё так же намертво сжимал в руке чёрный ребристый шлем.

На другой день Аверьянов решил навестить спасённого танкиста. Разыскал в перелеске палатки санбата.

- Ещё не приходил в сознание, - сказала медсестра. – Весь изранен, бедняжка. Три осколка в голове.

А на следующий день десантный батальон перебросили на другой участок фронта. Так и не пришлось сержанту поговорить с раненым танкистом.

- Постой, постой. А если поточнее. Где это было? – взволновавшись, спросил Филатов.

- Южнее Орла. Там был ещё небольшой посёлок, запомнил название. А танк стоял в низине, недалеко от оврага.

Семён Ильич вскочил, громко воскликнул:

- Вспомнил! Мне же говорили, что приходил сержант-десантник! Родной ты мой человек!

Голос его дрогнул, глаза затуманились влагой. Он крепко сжал Петра Александровича в объятиях и расцеловал. Когда возбуждение от неожиданного открытия немного улеглось, фронтовики снова и снова воскрешали в памяти детали того далёкого боя.

- Мой танк шёл в атаку крайним к оврагу. Мы зажгли выскочившую немецкую машину и тут же получили удар по башне. Затем меня здорово тряхнуло вторым ударом болванки, пробившим броню, - вспоминал Семён Ильич. – Ну, а потом, когда понял, что товарищи погибли, открыл люк и попробовал выбраться. Кровью заливало глаза. Сорвал шлем с головы и – как в яму провалился. Больше ничего не помню. А один из трёх осколков до сих пор в голове сидит.

Вот так, спустя десятилетия, Семён Ильич Филатов встретил в нашем городе своего спасителя. Радость этой встречи бурно разделили все собравшиеся в том застолье: поздравления, поцелуи, слёзы радости и сочувствия. Случай, конечно, удивительный. Но за ним – фронтовое братство, спасавшее много жизней в годы жестокой войны.

ВЛАДИМИР РОМАНЧИН

ОНИ ТОЖЕ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ О ДЕВУШКАХ В ШИНЕЛЯХ

Конечно, женщины-фронтовички внесли ощутимейший вклад в дело Победы в Великой Отечественной войне. О них много сказано. Но еще больше осталось, как говорится, за кадром. Мне, как очевидцу, хочется восполнить этот пробел.

Санструктор в артиллерийской батарее - должность не из самых трудных. Это не в матушке-пехоте, где она и в траншее, и в атаке всегда рядом с бойцами, всегда рядом со смертью.

Однако, в бытовом отношении разницы никакой. Одна в постоянном окружении двадцати-тридцати мужчин, отдельной землянки ей никто не строил, туалета тоже, да он и вообще не существовал. Хорошо, если есть кустики вблизи, а если голое поле?... А воды им сколько надо? Не меньше чем уткам... В отношении же выполнения своих прямых обязанностей медикам в артиллерии было значительно легче. Изредка проверка личного состава на педикулез, ежедневные снятия проб на кухне, обследование водоемов, откуда берется вода, ну и, конечно, перевязка раненных, если таковые случались. У Нади Рыжковой, например, за тот год, что она прослужила у нас на батарее, ранен был всего один человек - она сама. А случилось это так.

РАЗВЕДКА «НА ЖИВЦА»

Шёл май 1944 года. Наша 22-я Гвардейская Сибирская добровольческая дивизия изгоняла фашистов со Смоленской земли, приближаясь

к Прибалтийским республикам. Батарея в тот раз стояла на опушке небольшого березового колка, по крутояру за которым вдоль фронта проходила наезженная проселочная дорога. Наступление, длившееся более двух недель, очевидно, выдохлось, мы уже несколько дней не стреляли, да и команды "вперед" не было. Переходить к обороне и закапывать орудия тоже не требовали. Видимо где-то происходила перегруппировка сил перед новым броском.

И вдруг команда: всему личному составу с шанцевым инструментом, оставив на батарее только часовых, выйти на крутояр. Зачем? Ремонтить дорогу? Но за эти несколько дней на неё не упала ни одна бомба, ни один снаряд. И мы не видели, чтоб по ней кто-то проезжал. Инструмента на всех, конечно, не хватило. Некоторые только с карабинами, Надя со своей пузатой санитарной сумкой, в которой не был использован еще ни один бинт, все вскарабкались по крутояру на дорогу.

Мы уже минут пять потолкались на ней, некоторые успели свернуть и запалить самокрутки, когда услышали шелест первого приближающегося снаряда. По тому, как тяжело и медленно он шел, распарывавая воздух, определили калибр: не менее 122-х. И к тому времени, когда он, мощно колыхнув под нами землю, взорвался, все успели более или менее надежно попрятаться в ложбинки, колдобины, колеи. И все прекрасно понимали - артиллеристы же! - что этот первый снаряд - пристрелочный, и что сейчас сюда обрушится шквал огня. Все замерли в ожидании. И вдруг тревожный крик:

- Надю ранило!

Все зашевелились, подняли головы. Надя сидела у обочины дороги рядом со своей полной сумкой как-то неестественно скособочившись. Правой ладонью она зажимала левую грудь, а левой - левую же ягодицу. И там, и там сквозь пальцы начала просачиваться кровь. Надя была среднего роста крепко сбитая сибирячка. Всё у неё было округлым: округлое лицо, округлые плечи, и всё под гимнастеркой тоже было округлое. И в две эти округлости она была сейчас ранена. Мы, в основном молодые, многие не женатые еще парни, сгрудились вокруг нее и опешили. Ведь чтоб перевязать раны, её предстояло раздеть сейчас до гола! Надя, понимая это, испуганно метала взгляд с одного на другого. И вдруг начала причитать:

- Мальчики, не надо, не надо... Я не успела спрятаться... Не надо, мальчики, мне стыдно...

И вдруг команда:

- А ну все вниз! Высветились тут! - Это артмастер, пожилой уже мужчина прервал нашу всеобщую растерянность. Мы, вспомнив о немцах, которые уже, наверно, зарядили свои орудия, горохом сыпнули под гору, в свою березовую рощу. Оглянувшись, я увидел широкую спину артмастера, склонившегося над Надей. И тревожно подумал: - О, господи, чего же это он её то не ведет вниз? Ведь сейчас...

Но артралёта не последовало. Видимо, фашисты спохватились, что клюнули на приманку и выдали, что хорошо просматривают эту дорогу. Надю на батарее мы больше не видели.

В июне 1982 года сорокалетний юбилей нашей дивизии совпал с Днем города Новосибирска, в котором постоянно находился всесоюзный штаб Совета ветеранов этого соединения, и всегда проводились мероприятия подобного рода. Программу нашей встречи состыковали с грандиозной программой праздника, но всё испортила погода. Часам к десяти, то есть ко времени открытия праздника, налетел с Оби такой холодный шквальный ветер, что многие ветераны, приехавшие по-летнему легко одетыми, решили из общежития носа не высовывать. Но человек двадцать, одетых потеплее, все же рискнули выйти.

Однако, еще не успев дойти до площади, где должен был развертываться праздник, успели разочароваться в этом - ветер сквозил невыносимо. С полсотни полуголых девушек, хотевших открыть программу какими-то спортивными номерами, с огромного помоста сдуло ветром в буквальном смысле слова, они пытались укрыться под сценой, но их выдуло и оттуда. Горстка собравшихся было зрителей тоже не выдержала натиска природы и разбежалась. Площадь опустела.

Нам предложили укрыться от непогоды в городском саду имени Сталина, где на открытой эстраде должен состояться концерт. Но и тут, под прикрытием деревьев, просидев минут десять на холодных скамейках перед пустой сценой, мы убедились, что без ущерба здоровью больше не выдержим. Кто-то из местных указал нам на небольшой павильон, укрытый недалеко в кустах и мы неприкаянной толпой отправили туда. Какой же переполох среди работников расположенного там кафе мы вызвали! Оказалось, здесь нас должны были покормить обедом, а им даже и продукты не завезли. До обеда-то еще целые часы! Во все концы понеслись гонцы, повара загремели посудой.

Отогревшись от ознобного онемения наскоро приготовленным чаем, ветераны ожили, разговорились. Вдруг в одной группке женщин в углу вестибюля я услышал знакомую редкую фамилию, которая в сочетании с воинским званием вызвала у меня догадку, что речь идет о хорошо знакомом человеке. Я подошёл:

- Кто это тут поминает старшину Зоболя?

- Я, - ответила полная женщина, сидевшая посредине. Я всмотрелся. Вся она была какая-то светлая: светлая не кокетливая шляпка, из-под которой выбивались не седые, а светлые же волосы, светлый плащ. И ничего знакомого.

- А откуда вы его знаете?

- Он был командиром орудия у нас на батарее. Точно, был. Командиром второго расчёта.

- Да вы-то кто?

- Санинструктор Рыжкова.

- Надя? - вырвалось у меня.

- Надя... А вы-то кто?

- Наводчик третьего, Гвардии младший сержант Романчин, - отрапортовал я.

- Не знаю, - пожала она округлыми плечами.

- Ну, где ж тебе! Ты у нас одна была, а нас у тебя - тридцать. А я даже хорошо помню, где тебя ранило.

- Где?

- На той огневой, где у нас Мельников потерялся.

- Точно.

- И помню, кто тебя перевязывал и в санбат отвозил.

- Кто?

- Артмастер Абрамов. И видел куда ранило.

- Куда? - засмушалась женщина.

- В грудь и..., - не договорил я.

Женщина смущенно заулыбалась, и тут я узнал ее окончательно - по этой милой улыбке. И как было не узнать: округлое лицо, округлые плечи, и под плащом все округлости тоже были на месте - точно, Надя Рыжкова!

Окружающих ветеранов заинтересовал наш разговор. Кто-то спросил:

- Ну и зачем вас выслали на этот крутояр, под снаряды? Ведь могло быть и хуже.

- Да, могло ранить не одну Надю. Но могло быть и еще хуже. Наше наступление на этом участке фронта тогда выдохлось из-за недостатка сил. Для переброски сюда подкрепления лучше всего подходила наша дорога, но у командования возникло подозрение, а не просматривается ли этот участок противником. Вот и была предпринята эта разведка "на живца". А если бы не она, какое бы море крови могло тут пролиться, неизвестно. Вышло, что Надина малая кровь предотвратила пролитие

большой. А что из пятнадцати-семнадцати мужчин снаряд выбрал единственную женщину - обыкновенная фронтовая случайность. Видно, Надя ему больше понравилась, - закончил я шуткой.

- А куда это у вас какой-то Мельников потерялся? Ребенок что ли, - напомнил кто-то. Чтоб скоротать время до обеда, которым уже попахивало, пришлось рассказать и эту историю. Тем более, что она имела к Наде прямое отношение. Почему я и напомнил Наде о ней. Тогда, вскоре после занятия новой позиции у березового колка, с огневой на передовую потребовали четырех огневиков с инструментом для оборудования наблюдательного пункта. В составе этой четверки ушёл и Мельников, пожилой тощий заряжающий нашего орудия. При возвращении вечером, уже в виду батареи, ему приспичило сходить в туалет по большому. Дойдя до батареи, остальные разошлись по своим расчётам, а Мельников, не заметив батареи, кинулся их догонять. И догонял всю ночь, следующий день, опять всю ночь и еще пол дня! На батарее сбились с ног, разыскивая его. По несколько раз обшарили все окрестности - как в воду канул. Высшее командование, узнав о пропаже бойца, приказало искать день и ночь, а не найдется - оформить дело как на дезертира и списать с довольствия. Командир второго взвода лейтенант Гарбуз, возглавлявший поиски, выходил из себя: - найдется беглец, накажу на всю катушку!

Мельников нашёлся на третьи сутки. Часовой заметил, как впереди батареи по тропке, спотыкаясь, бредет растрёпанный солдат. Шинель не застегнута, пилотка надета поперек головы, за собой он волочил двуручную пилу. Часовой узнал его, выше наперерез:

- Мельников, ты куда?

- Откуда ты меня знаешь? - остановился тот.

- Вот тебе на! Мы ж в одной батарее служим.

- А где наша батарея?

- Так вот же она!

- Это не наша. Я тут раз десять проходил.

Часовой понял, что у Мельникова "крыша поехала" и насильно привел его на батарею. Когда его окружили, он никого не узнавал.

- Ты где был! - налетел на него лейтенант Гарбуз. - Пять нарядов внеочереди!

- Никаких нарядов! - налетела на лейтенанта в свою очередь появившаяся откуда-то Надя. - Вы что, не видите, человек не в себе. Да брось ты эту пилу!

Мельников уронил пилу и вдруг радостно заулыбался:

- Надя! - узнал он ее. Потом стал поочередно узнавать и других окружавших его солдат.

Надя забрала Мельникова к себе, в расположение старшины, которое находилось в кустах метрах в пятидесяти от батареи и там, вблизи походной кухни откармливала и отхаживала его два дня, пока её не ранило.

А Мельникова ранило осенью, уже снег лежал. Его с тех пор, пожилого и слабого оберегали, блиндажи и окопы рыть не заставляли, снаряды грузить-разгружать тоже, хотя во время ведения огня он свои обязанности заряжающего выполнял свято. В тот раз при переезде на новую огневую позицию две наши машины были где-то заняты, перевозились на двух оставшихся. Мельникова отправили с первым рейсом. Старший на батарее лейтенант Манихин указал Мельникову точки, куда установить следующие две пушки, занялся установкой двух первых. Когда машины подошли, Мельников, пятясь, стал наводить одну из них на место. Он был метрах в семи от машины, когда под левым передним колесом раздался взрыв.

Машина наехала на не обезвреженную противотанковую мину. Сидевших в кабине шофера и лейтенанта Гарбуза хорошо трянуло, командира расчета сержанта Кулика выбросило из кузова, а Мельникова ранило в грудь и контузило. Так для него кончилась война. А для нас она продолжалась еще полгода.

КАК УХОДИЛИ В БЕССМЕРТИЕ

Полину Савостину я первый раз увидел еще на формировке в Юрге, перед каким-то общим построением артполка. Да и не только Полину, а вообще девушек в форме. Наши санинструктора были одеты в командирские, подогнанные по росту гимнастёрки с блестящими пуговицами, в диагональные юбочки, обуты в начищенные до блеска сапожки. Выглядели они эффектно! В их стайке из десяти-двенадцати девушек особо выделялась одна - подвижная невысокого роста смуглянка с живыми глазами цвета спелой смородины, с вьющимися из-под пилотки тёмными волосами. Это и была Полина, как потом оказалось - санинструктор нашей батареи.

Неся службу на батарее в самой низкой должности повозочного и обитая более среди лошадей, чем среди людей, я редко видел ее. Запомнились только три случая, произошедших уже на фронте. Однажды я стоял в очереди за завтраком у походной кухни вторым или третьим, что случалось довольно редко. Обычно мое место было где-нибудь в хвосте. Была зима, темно, фонарь "Летучая мышь", пристроенный как-

то к трубе кухни, освещал откинутую парящую крышку и дядю Васю, повара в белых нарукавниках, помешивающего черпаком в котле. Раздача еще не начиналась, ждали, когда санинструктор снимет пробу. И вот она прибежала, заспанная, с не проморгавшимися смородинками глаз. Взгромоздясь на ящик у колеса кухни откуда-то достала ложку. Дядя Вася поднёс ей полный черпак дымящегося варева. Она зачерпнула его и стала студить, дуя в ложку припухшими ото сна оттопыренными губами.

Вот такой я и запомнил ее на всю жизнь: стоит на ящике у колеса кухни в белом новеньком полушубке, по вороту которого из-под белой же меховой ушанки рассыпались темные крупные кудри. И эти губы, сосредоточенно дующие в ложку. Ох, уж эти губы! И блестящие в свете фонаря прищуренные смородинки глаз. Ну хоть бы раз взглянули они на меня!

Взглянули... Но не в этот раз. Да только лучше бы прошла она и тогда мимо...

Первый месяц на фронте был для нас, пожалуй, самым трудным за всю войну. Осенняя распутица в той болотистой местности под городом Белый в Калининской области начисто прервала всякие связи с нашими тылами. Грузовики и конные обозы с продуктами и боеприпасами наглухо застряли на пути от ближайшей железнодорожной станции, которая была не близко. А мы, глубоко закапываясь в землю, расходо­вали последние силы. Санбат дивизии был полон не раненными, их было еще мало, а дистрофиками, ослабевшими от бес­кормицы солдатами. Я за тот месяц отощал настолько, что шинель вокруг меня можно было обернуть дважды. Два сухаря и пол котелка жидкого супа еди­ножды - до такой скудности доходил дневной рацион.

В тот день, получив свои пол котелка мутной жидкости, сквозь которую на дне просвечивались несколько горошин, я решил в блиндаж не идти, моих сухарей там уже не было, я съел их еще утром. Смахнув снег с пенька вблизи передка третьего орудия, я сел на него и изготовился к легкой трапезе на свежем воздухе. Но не тут-то было! Не успел я поднести к губам котелок, как низко над головой просвистел снаряд и разорвался позади батареи. Второй треснул в районе нашего, четвертого блиндажа. Артналет! Бомбежку мы уже пережили, а артналет был первым. Я поставил котелок с драгоценной жидкостью на пенёк, а сам юркнул под закопанный в землю передок. И тут же пожалел об этом. Ведь надо мной теперь было в десяти лотках сорок снарядов разного назначения - боевой НЗ орудия. А вдруг в них попадет снаряд? Они же сдетонируют, от меня и мокрого места не останется. Напишут, - пропал

без вести. Но перебежать в другое место было уже поздно, снаряды рвались густо и повсюду, приходилось ждать. Однако, что однажды началось, всегда когда-нибудь кончается. Кончился и этот артоналёт. Послушав с полминуты тишину, я вспомнил о котелке и выбрался из-под передка. Котелка на пеньке не было.

Он валялся рядом, пробитый осколком изнутри, острыми заусенцами пробоины наружу. Стало быть, снаряд разорвался где-то вверху, на дереве. А если бы он был одним из первых, когда я еще сидел на пеньке? Но это всё чепуха, я же остался без обеда! Я сорвал с головы ушанку и с досады хлопыстнул её об пенёк, будто она была в чем-то виновата. Но, стоп! А горошины? Они же должны быть целы, куда им деться! Я упал на колени и стал шарить в мокром снегу, выискивая горошины.

- Тебя что, контузило? - вдруг раздался голос за спиной. На тропинке стояла Савостина с медицинской сумкой на плече. Смуглое лицо было встревоженным, смородинки глаз смотрели испуганно.

- Да нет... - промямлил я несвязно.

- А почему без шапки?

- Да вот... - показал я дырявый котелок. Она посмотрела на котелок, на меня, и не найдя связи всего этого с моим ответом, махнула рукой

- Да ну вас... Пугаете только. А там, кажется, кого-то ранило. - И она побежала к нашему блиндажу. Оттуда слышались возбужденные голоса.

Ну вот, - подумал я, поднимая шапку и отряхивая ею снег и хвою с шинели, - хотел казаться ей всегда красивым и умным, а предстал... контуженным. Хорош же я, наверно, был - на коленях и с дырявым котелком в руках.

А у блиндажа нашего тогда не ранило кого-то, а убило. Второго повозочного нашего расчёта. Он, только что, сменив меня, дневалил в яме у лошадей, и когда начался обстрел, хотел перебежать в блиндаж. Не успел. Осколок догнал его уже в проходе.

Третий личный контакт с нашим милым санинструктором получился у меня еще конфузливей. Тогда, на третий или четвертый день нашего успешного наступления, вдогонку за пехотой мы перевезли орудия на новую огневую, а лошадей разместили в двух сараях в деревне Черепы, где у немцев тоже были конюшни. Весь личный состав взвода конной тяги расположился в избе при одном из сараев, которую немцы же превратили в казарму. Здесь были широкие, во всю стену,

нары для солдат и две, одна над другой, парусиновые койки для офицеров. Такое благоустроенное жильё против наших блиндажей на прежней огневой казалось нам верхом совершенства, которое скрашивалось еще и тем, что подполье избы было полно картошки. Мы пекли, жарили и парили её день и ночь, всё-то еще не забыв недавнюю длительную голодовку.

Однако, для меня этот комфорт сразу же омрачился тем, что на ступне правой ноги неизвестно с чего образовался солидный нарыв. Я с детства привык по таким пустякам ни к кому не обращаться - сам пройдет! - так не обратился и тут. Прихрамывая, ходил на пост, поил лошадей, дневалил по конюшне. Но кожа на подошве толстая, прорвать ее он не мог и опухоль все расплзалась и расплзалась, пока не дошла до пальцев. Однажды утром я не смог засунуть ногу в валенок. Поблизости щепал растопку Пахомов, пожилой ездовый нашего орудия, я показал ногу ему.

- Товарищ старший сержант, - обратился он к командиру взвода Загвоздину, чистившему у устья русской печки картошку. - Его же в санбат надо. - И показал ножом на ногу. Загвоздин взглянул, охнул и выругался:

- И вечно у тебя ЧП какое-нибудь вывихнется! Ладно, все посты и дневальства твои отменяются. Жди, вызову с батареи санинструктора. Пусть решает.

Я лежал и ждал. Боль в пальцах, в такт ударам сердца пульсировала так, что опустить ногу вниз было невозможно, с приливом крови она усиливалась многократно, Я лежал на верхней парусиновой койке, положив больную ногу на колено здоровой, и баюкал ее, как ляльку. Так было терпимей. И ждал, ждал Савостину, всматриваясь в каждого входящего в дверь. Но в этот день так и не дождался. Оказалось, весть обо мне до батареи докатилась поздно и ее в ночь и темень попросту никто не отпустил.

Она пришла утром, когда все сидели за первым самостоятельным завтраком. На улице шел снег, и она появилась в дверном проеме, как сказочная фея. Белая ушанка, белый полушубок, белые валенки, даже крупные завитки волос, припорошенные снегом, были белыми. В избе было сумеречно, выбитые окна еще немцы наглухо затянули одеялами, мы освещались парафиновыми трофейными плашками, и в этом сумраке, когда снежинки растаяли, она вся засверкала искрами капелек - ну настоящая новогодняя снегурочка. Сердце мое замерло, я перестал ощущать пульсацию боли в ноге.

- Здравствуйте! - обрадовано пропела она. - Как у вас шикарно. - Обвела она взглядом избу. - А тепло-то!

Все зашевелились, раздвигаясь, освобождая ей место за столом. - Завтракать с нами, товарищ санинструктор, - пригласил Загвоздин.

- Не откажусь. Но сначала покажите больного.

- Да больной не убежит. - Послышались голоса.

- Точно, куда он на одной ноге...

- Он даже до ветру теперь не ходит.

Меня эти реплики вогнали в такую краску, что стало жарко. Угадав во мне того самого больного, который "и до ветру не ходит", она подошла, подняла на меня свои влажные смородинки, в которых светлячком отражался огонек плоски.

- Ну, что тут у вас?

Я шевельнул ногой, лежавшей на колене. Она смело взяла опухшую стопу, начала шевелить, давить, прощупывать. На тесемке, перекинутой через шею, у неё висели узорчатые шерстяные рукавички, но шла она, видимо, без них, её мягкие пальцы приятно холодили кожу.

- Давай вскрою? - снова вскинула она на меня взгляд своих смородинок.

- Как это? - не понял я.

- Ну, разрежу...

- Во! - испуганно отдернул я ногу.

За столом дружно захохотали. Она тоже улыбнулась:

- А говорят, вам командир дивизиона благодарность объявил. За отвагу, будто?

За столом снова хохотнули. О, боже! Да лучше бы ты этого не знала! Мне бы не было так стыдно за свою секундную слабость. Да режь ты меня хоть вдоль, хоть поперёк, только не смотри так насмешливо своими смородинками!

А случай с благодарностью и в самом деле был. Но я и не предполагал, что слухи о нём докатились уже и до Савостиной. Тогда, на третий день наступления, и наша батарея снялась со своей первой огневой и двинулась за продвинувшейся далеко вперёд пехотой. Но я уже был не повозочным, а ездовым, в составе упряжки из трёх пар лошадей вёз пушку. Дорогой наше четвертое орудие почему-то отстало от других и когда мы остановились посредине первой освобожденной деревни Большое Климятино, вдруг раздалась команда:

- Воздух, все в укрытие!

На деревню со стороны передовой на огромной высоте заходила девятка тяжелых дальних бомбовозов. Весь расчет и два других ездových, покинув сёдла, мгновенно разбежались и куда-то попрятались. Оставшись в седле один, я растерянно удивился: - это что ж они делают?! Ведь нельзя оставлять пушку с лошадьми на дороге! Что сейчас здесь произойдет, я знал еще с того случая, когда по пути на фронт на выбившихся из сил лошадях, отстал от батареи и чуть не попал под бомбежку таких вот самолетов. Тогда лошади стали в ста метрах от дереvушки, которую через минуту фашисты разбомбили в пух и прах. Даже с такой вот немыслимой высоты бомбы легли точно посредине единственной не длинной улочки. Через минуту-две такой же ад кро-мешный начнется и здесь, самолеты уже начинали перестраиваться из звеньев в цепочку. Что же делать?

Решенье родилось мгновенно. Вымуштрованные на формировке лошади - не даром же ездovые три месяца день за днём гоняли их по полям и перелескам - должны и без ездovых послушаться команды. Я пулей слетел со своей средней пары, вскочил в седло первого уноса и протяжно, как слышал на ученьях, заорал:

- Ша-а-а-гом м-а-а-рш!

При первом слове лошади запереступали ногами, при втором, хотя и не очень дружно, но тронулись и пушка пошла, пошла, пошла. Аи, да кони, аи да молодцы! Но выехать из деревни мы явно не успевали, надо было сворачивать с дороги, но куда? Справа овраг с крутыми берегами, слева - немецкие блиндажи, окопы, столбы разобранных оград. Я гнал и гнал лошадей, пытаюсь найти какой-нибудь выход. И вот между закопаным в землю срубом и колодезным журавлём - метров пятнадцать свободного пространства. Я начал заворачивать упряжку туда, стремясь как можно дальше угнать ее в огороды. На дороге уже рвались бомбы, когда лошади, увязнув в снегу по грудь, остановились, осколки густо свистели вокруг. Чтоб не задело, я свесился с седла между лоша-дями и так переждал бомбежку, пока она огнём, грохотом и земной дрожью не прошла по всей улице. Спрыгнув с седла и провалившись по пояс в снег, я понял, какую адскую работу придется проделать те-перь, чтоб вернуть пушку на дорогу. Предстояло расформировать всю упряжку, вручную орудие развернуть, обкатить вокруг него передок, подцепить к орудию и вновь сформировать упряжку. И всё это в глу-боком непролазном снегу. И потом только с помощью расчета вы-браться на дорогу.

Бойцы расчета, не сразу обнаружив исчезнувшее с дороги орудие, сбегались с разных сторон, кто чертыхался, кто возмущался, а кто-то и

восхищался. Степенно подошел пожилой командир орудия старший сержант Бобин. Работа закипела.

Обоз батарей - повозочные со снарядами, старшина с кухней, связисты с катушками проводов - переждали бомбёжку, не въезжая в деревню, и теперь старший сержант Загвоздин, увидев застрявшее орудие, подошел к нам.

- Как это вас сюда занесло? - удивился он.

- Да вон твой новый ездовый постарался, - указал на меня Слепухин, маленький, тщедушный подносчик снарядов, оказавшийся к комвзводу ближе всех.

- Ты?! - вперил в меня удивленный взгляд Загвоздин. - И как это тебя угораздило? Батарея-то вон уж где!

- Как, как...— съязвил все тот же Слепухин. - Со страху чего не сделаешь...

- Ну, туды твою мать, - выругался Загвоздин. - Приедем на место, я с тобой разберусь!

- Отставить! – раздался за моей спиной властный голос. Из-за коней вышел высокий, стройный капитан в длинной кавалерийской шинели с высокими обшлагами, в фуражке и начищенных хромовых сапогах. Этого командира я видел в штабе полка, когда однажды был там связным. Это капитан Кузменко, командир нашего дивизиона. Ну, вот этот мне сейчас и задаст! - похолодело у меня в груди. У него можно и в штрафную угодить. Батарея то вон уже еле видна на дороге.

- Кто командир орудия? - строго спросил он, увидев у пушки еще одного сержанта в белом полушубке. Бобин из толпы артиллеристов подшагнул к нему, доложил:

- Старший сержант Бобин.

- А вы кто? - обратился капитан к Загвоздину.

- Командир взвода конной тяги четвертой батареи Загвоздин.

- Так, понятно. Кто увел пушку с дороги?

- Да вот...- начал было Загвоздин.

- Отставить! Командир орудия, доложите.

Бобин доложил, указав на меня, и тут же попытался смягчить обстановку:

- Это его первый выезд. До этого был повозочным.

- Даже так? По чьей инициативе он действовал?

- По собственной. - Пожал плечами Бобин.

- Ладно, постройте расчет.

- Есть!

Через минуту полный тогда еще расчет из семи человек выстроился в одну шеренгу.

- Смирно! - скомандовал Бобин и доложил о построении капитану.

Тот повернулся, подошел ко мне, державшего свою пару лошадей под уздцы, кинул руку в кожаной перчатке к козырьку фуражки. Ну вот, сейчас он мне и влепит, с тоской подумал я, готовый заплакать. Но вместо этого капитан вытянулся и четко произнёс:

- От лица службы за находчивость и отвагу, проявленные при спасении орудия и лошадей от бомбежки объявляю вам благодарность! - И уже обращаясь к Загвоздину, как к старшему по должности, закончил. - О геройском подвиге ездового доложить командиру батарее, а случай проработать со всем личным составом.

- Есть, доложить комбату и проработать... - опешенно произнес Загвоздин. Такого оборота он явно не ожидал. А капитан уже обратился к Бобину:

- Заканчивайте работу и догоняйте батарею. - Он повернулся и, утопая в снегу, пошел к дороге. Стройный, прямой, строгий. Здесь, в Большом Климятино, как выяснилось потом, находился теперь командный пункт дивизиона.

Как проходила "проработка этого случая с личным составом", я не знал, но очевидно как-то проходила, коли даже Савостина была о нём осведомлена. Она помяла мою горячую стопу своими прохладными пальцами и вздохнула:

- Ладно, попробую достать вам мазь. У санинструктора пятой вроде была. А сейчас вот вам таблетки. Одну выпейте сразу, а другую на ночь, вам будет полегче. А мазь я принесу завтра.

Но на завтра она не пришла. Завтра её не стало. Она погибла...

А день тот для неё начался с того, что кто-то снаружи около их землянки крикнул:

- Санинструктора к комбату!

В холодной землянке первого расчета, где она жила, все еще спали, укутавшись шинелями и прижавшись друг к другу. Землянки из-за отсутствия в округе каких-либо лесоматериалов были накрыты состегнутыми плащ-палатками, которые тепла почти не держали. Поёжившись, Савостина нашарила в изголовье ушанку, подхватила сумку и по узкому проходу выбралась наружу, в розовеющую морозную рань. Окончательно проснувшись, удивилась: почему так быстро комбат оказался на огневой? Ведь он только что был на наблюдательном пункте, дважды за ночь расчет выскакивал к орудиям и они куда-то तो-ропливо били, сквозь плащ-палатки озаряя внутренность землянки

вспышками выстрелов. Новый комбат командовал батареей всего четыре дня, но и за эти четыре дня о нем узнали многое. На фронте с первых дней войны, уже дважды ранен и сейчас из госпиталя. До этого воевал в гвардейской части. Савостина нашла его в землянке связистов, где он, не глядя на холод, сидел в одной гимнастёрке без ремня.

- Товарищ капитан, санинструктор Савостина по вашему приказанию явилась.

- Гвардии капитан, - мягко поправил он ее.

- Извините, товарищ ка... Товарищ гвардии капитан, не привыкли еще.

- Ничего, привыкните, - извинил он, и как бы смущаясь, добавил: - Посмотрите, что у меня там. - И подняв гимнастерку на голову, повернулся к ней спиной. Он был далеко не богатырского телосложения, хотя идовольно мускулист, однако, госпитальные скитания сказывались приметной худощавостью. Поднеся к спине парафиновую плошку, ниже левой лопатки Савостина рассмотрела длинный давний рубец осколочной раны, сочащийся сукровицей.

- Товарищ гвардии капитан, вам же в санбат надо! - ойкнула Савостина.

- Вы что ж, думаете, я из госпиталя вырвался, чтоб по санбатам околачиваться? - посуловел голос комбата. - Делайте свое дело, да поживей.

- А я всё равно доложу по команде! - упрямо произнесла Савостина, начиная обрабатывать.

- Докладывайте, - примирительно сказал капитан. А про себя подумал: - Если успеете. Он сейчас только один знал, какая угроза нависла над батареей. Когда Полина приступила к бинтованию раны, он приказал разведчику в белом маскхалате, дремавшему рядом с дежурным телефонистом:

- Кукушкин, собери командиров взводов и орудий.

- Есть! - бодро, будто и не дремал, ответил тот и через полминуты его голос уже звенел над батареей.

- Командиры взводов и расчетов - к комбату!

Комбат уже надевал шинель, а Савостина собирала в сумку бинты инструменты, когда в землянку, приподняв полог, втиснулся Кукушкин. Лицо его было встревожено.

- Товарищ гвардии капитан, из деревни Новой по дороге на Черепы выдвигается какая-то колонна в маскхалатах. По автоматам вроде - немцы.

- В тылу? - удивился комбат. - Ага, так вот они где! - он застегнул ремни портупей, поправил кобуру с пистолетом - Расчеты к орудиям! - и выскочил из землянки. Савостина сквозь палатку слышала, как он объяснял командирам обстановку:

- Вчера противнику поступило подкрепление. Двумя группами он прорвался слева и справа, пытаюсь окружить нашу дивизию, далеко вклинившуюся в его оборону. На нашем фланге действуют до батальона пехоты и двадцати танков. Пехота, похоже, вот она, а где танки? Организовать круговое наблюдение, орудия развернуть, приготовиться к бою!

Когда Савостина вылезла из землянки, вокруг орудий кипела работа. Бойцы разгребали снег, разворачивали пушки, перетаскивали ящики со снарядами, оказавшиеся теперь впереди орудий. Никакой колонны в стороне деревни Новой без бинокля она не обнаружила, мела позёмка, и в той стороне, на западе, было еще темно. Да и до деревни было далеко - километра три. Дорога из Новой в Черепы проходила метрах в двухстах, батарея стояла в неглубокой ложинке, пушки на зиму были побелены известкой, передки и землянки замаскированы снегом так что немцы могли пройти мимо, ничего не заметив. Полина поняла, что это всё на руку артиллеристам. Они могли успеть подготовиться и ударить внезапно, в упор.

Комбат ходил от орудия к орудию, пригибаясь у каждого, смотрел, не будет ли мешать пригорок стрельбе. Потом спустился в землянку связистов, долго разговаривал с кем-то по телефону, очевидно, докладывал кому-то обстановку. Полина, оглядывая огневую, решала, где должно быть ее место во время боя. Батарея выглядела необычно, Передки, землянки и штабели снарядов, которые в нормальной обстановке должны находиться позади орудий, теперь были впереди, первое орудие, всегда стоящее справа, было слева. Она решила-ее место в центре позади орудий и перешла туда.

Голова колонны подошла к батарее метров на восемьсот, Полина и невооруженным глазом видела теперь мельтешащие в позёмке белые фигурки людей. Капитан скомандовал:

- По фашистской колонне прямой наводкой, прицел постоянный, осколочными, четвертому по голове колонны, второму и третьему - по середине, первому - по хвосту, три снаряда, беглым - огонь!

Орудия, звонко хлопая, запрыгали. Наводчики, припадая к окулярам панорам, поправляли прицел, заряжающие досылали в дымящиеся еще зёвы казенников новые снаряды, орудия опять подпрыгивали. Колонну на дороге как ветром сдуло, никого там не было видно. Залегли,

подумала Савостина. И точно, немцы тут же заявили о себе сначала жиденьким, потом все' более густым автоматнo-пулеметным огнём. Было слышно, как пули иногда звонко щелкают о щиты орудий.

- Рассредоточиваются, товарищ гвардии капитан. - Доложил Кукушкин, наблюдавший за противником в бинокль.

- Неужто на атаку решатся?

- Да они, по всему, пьяные.

Комбат понял, что не только поэтому колонна фашистов вытягивается в цепь, решившись на атаку. Не понеся от осколочных снарядов ощутимых потерь, которые, пролетая низко над землёй, разрываются о случайную былинку на полпути, либо, пронизав колонну, достигают деревни. И приказал:

- Осколочные отставить! Приготовить шрапнель!

Подносчики кинулись к находившимся теперь впереди орудий передкам, в зарядных ящиках которых хранились снаряды особого назначения. Не успели они вернуться, как Савостина сквозь не прекращающийся свист пуль услышала:

- Санинструктора к раненому!

Ну вот, подумала она, припела и моя работа, и, подхватив лежавшую на снегу сумку, кинулась на голос, к четвертому орудию. Между орудием и землянкой кто-то лежал лицом в снег, обхватив ладонями окровавленную голову. Около на коленях стоял командир расчета Бобин с шапкой раненого в руке. Из пробоины в шапке торчал клочок ваты.

- Вот, принимай... - подал он ей шапку и, пригнувшись от свистевших над головой пуль, побежал за орудие. Там уже звучали какие-то новые команды. Полина перевернула раненого на спину, отвела от головы руки и узнала его. Это был Жора-одессит, прозванный так за искусное подражание южно-украинскому жаргону. От правого виска и до затылка у него была завернута кожа, белела оголенная кость. Легко отделился, подумала она и тампоном из марли начала расправлять кожу на черепе. Раненый застонал и потянулся рукой к ране. Она решительно пресекла его попытку и запричитала:

- Ничего, Жорик, потерпи. Потерпи, миленький, сейчас я тебя перевяжу, и всё будет хорошо. Раненый открыл глаза, узнал санинструктора, улыбнулся:

- Сестричка...

Пушки звонко, так звонко, что у Савостиной сразу заложило уши, захлопали, с её головы пороховыми газами близко расположенного

ствола смахнуло шапку, в безотчетном порыве она прикрыла собой раненого. Сообразив, что опасности никакой нет, она выпрямилась, спросила:

- Ползти сможешь?

Раненый попытался повернуться на живот, но не смог, уронил голову на снег:

- Кружится... - еле разобрала Полина. Ухватив за воротник шинели, она проворно потащила его в проход ближайшей землянки. Пушки продолжали стрелять, но сквозь их грохот и звон в ушах она всё же расслышала, что от середины батареи опять кто-то звал санинструктора. Волоча сумку по снегу, она кинулась туда.

Вторым ее раненым оказался разведчик Кукушкин. Он из-за щита второго орудия наблюдал за вражеской атакой и одна из града пуль угодила ему в плечо. Кто-то из расчета уже стащил с него маскхалат и полушубок с раненого плеча, Савостина сразу начала пороть гимнастёрку. Тот морщился, но терпел.

- Бегут, товарищ гвардии капитан! - сказал он подошедшему комбату, страдальчески улыбаясь.

- Бегут, бегут. Уже под самой деревней. - Ответил комбат. И обратился к лейтенанту Коваленко, командиру первого взвода, дежурившему сегодня по батарее: - Огонь прекратить. В случае чего - одиночными по скоплениям. Круговое наблюдение продолжать. Я к связистам доложить обстановку.

Теперь и Савостина заметила, что пули больше не свистят, глухота отходит, стали слышны отдалённые возбужденные голоса.

- Вот это мы дали им прикурить!

- Да, ловко они драпают.

- Ну их же учили: - Драг на Остен называется. Вот и натренировались.

Полина, занятая ранеными, не видела, как шрапнельные снаряды, срабатывая перед цепью, выстреливали вперед по двести пятьдесят свинцовых шариков, прорубали в ней целые просеки. Полупьяные фашисты не сразу сообразили, какому губительному огню подвергаются. А, сообразив, кинулись в паническое бегство. Но снаряды гнали их и гнали, не многие успели скрыться за домами. Это и вызывало восторг артиллеристов. Однако, восторг тут же угас, когда вес узнали, что на батарее, кроме раненых двое погибших. Потери понесли первый и третий расчеты.

Комбат объяснял собравшимся вокруг него командирам создавшуюся обстановку, когда Савостина подошла к ним, послушала. Оказывалось, что пятая батарея их дивизиона, стоявшая не в далеке, тоже приняла бой, но связь с ней оборвалась, наладить ее фашисты не дают, отсекая связистов минометным огнем. Что с батареей, неизвестно. Неизвестно так же, где фашистские танки и остальная пехота, здесь-то их было не больше роты. А где еще две?

- Орудия закрепить капитально. Поднести к ним снаряды. - Распорядился комбат.

- Товарищ гвардии капитан, необходимо эвакуировать раненых. - Обратилась к нему Полина.

- Послать связного в Черепы за транспортом. - Приказал он лейтенанту Коваленко. - И к ней:

- Почему без шапки?

- Потеряла. Сейчас найду.

Солнце давно взошло, но из-за низко висящей хмари оно едва просматривалось. Ветер усилился, теперь уже мела не поземка, а настоящая метель, в которой избы Новой скрылись совсем. Что предпримут фашисты? В новую атаку остатками сил они не пойдут. Тем более - без огневой поддержки. Обожглись на молоке, теперь будут дуть на воду. Рана на спине под свежими бинтами болела меньше, но забывать о себе не позволяла. Капитан меньше старался двигать левым плечом. Биннокль держал только в правой руке.

Расчеты долбили канавки под брусья, расширяя и сектор обстрела. Кто знает, с какой стороны немцы двинутся вновь. Или обойдут?

И тут недалеко от батареи в воздухе с душераздирающим скрежетом разорвался первый бризантный снаряд. Откуда? - вскинулся комбат, не обращая внимания на шлепающиеся в снег осколки. По свисту второго определил - слева, со стороны первого орудия. Не реагируя и на осколки нового разрыва, кинулся туда. Первое орудие стояло выше всех по лощинке, но и от него комбат ничего не увидел. Лишь поднявшись на штабель снарядов, в мятушемся снегу рассмотрел черные точки. Одна, две, три... Семь! И в груди у него похолодело - батарея попала в тяжелейшее положение. Развернутые в то направление орудия станут в затылок друг другу, и стрелять одновременно не смогут, задние нужно выкатывать из лощины. И это под огнем танков! Успеет ли хоть одно из них выстрелить!?

- Танки слева! Первое развернуть, остальные выкатить на прямую наводку, бронебойные приготовить!

Командиры взводов повторили приказ комбата, расчеты выскочили из ровиков, куда попрятались от бризантных снарядов, засуетились у орудий. Снаряды продолжали рваться, но с большим рассеянием, то с недолетом, то с перелетом, то левее, то правее. По-видимому, наводчики не видели цели, их огонь кто-то наводил по рации. Откуда? Может, из Новой? Но ведь и оттуда батарея видна плохо. Нащупывают в слепую? Потому и такое рассеяние? Комбат обратил внимание, что и танки идут не фронтом, а лавируя, видимо, знают о существовании батареи, но не видят ее и боятся напороться на огонь. Пехоты ни на броне, ни в пешем строю вроде нет.

У четвертого орудия расчет прокапывал дорогу в снегу, им предстояло выкатить пушку метров на двадцать, третьему и второму - меньше, у первого уже врубали в мерзлоту сошники. Не укрытые ничем расчеты несли значительные потери. Осколки почти каждого разорвавшегося близко снаряда кого-нибудь задевали. Савостина теперь не успевала перевязывать раненых. Перебегая от одного к другому, поглядывала на дорогу, не появятся ли сани за ранеными. Хотя и понимала, что пока идет бой, им лучше не появляться. Прибавилось и погибших. Их оттаскивали в сторону, и продолжали работать. Первое, наконец, доложило о готовности.

- Бронебойным, по видимой цели - огонь! - Комбат снова влез на штабель, поднес к глазам бинокль. Снаряд, мелькнув розовым светом трассирующего заряда, тут же исчез в снежном месиве. Не удалось проследить и полет второго. На третьем выстреле орудие засекали. Снаряд попал в щит. Осколками снаряда и обломками щита разметало расчет по сторонам, кто-то, перевесившись через станину, еще несколько секунд конвульсивно подергался, и тоже затих. Комбат перевел взгляд на второе орудие. Теперь его очередь....

Орудие уже было развернуто стволом к противнику, расчет не разгибаясь, крепил сошники. Только бы не заметили, только бы дали выстрелить! Комбат поднес к глазам бинокль, всмотрелся в поле. Танки были несколько ближе, только два приотстали. И дымились! Значит, первое погибло не даром! Аи, да сибиряки, аи, да молодцы! Так бы каждое орудие.

Но так не получилось. Второе дважды успело выстрелить, еще один танк остановился, а вот четвертое не выстрелило ни разу. Ему разнесло щит, едва его успели развернуть. Расчет тоже погиб весь сразу. Оставалось неповрежденным лишь третье орудие. Его развернули, не докатив до взгорка, катить дальше было уже некому, в расчете

оставалось всего трое. Наводчик припал к прицеле, все замерли в ожидании, когда ближайший танк появится из-за пригорка.

Лейтенант Коваленко давно потерял комбата из виду. Он нашел его между штабелями снарядов у первого орудия, откуда он руководил боем с самого начала. Комбат лежал лицом в снег, заломив руку с биноклем назад. Шинель на спине была распорота большим осколком. Умер он, очевидно, сразу. Лейтенант осмотрел батарею. Три орудия с разбитыми щитами выглядели непривычно беззащитными, в снегу в разных позах всюду темнели тела погибших артиллеристов. Танки подошли совсем близко и почему-то больше не стреляли. Зато третье орудие, наконец, выстрелило. Заряжающий приблизился к казеннику с новым снарядом, но тут же упал в снег, сраженный близкой автоматной очередью. Наводчик выпрямился было во весь рост, но повалился навзничь. Строгий лающий окрик на немецком языке пресек автоматную очередь, над батареей повисла глухая тишина.

Пока артиллеристы в неравном бою сражались с танками, остатки автоматчиков из Новой беспрепятственно, никем не замеченные, подошли к батарее вплотную и теперь обтекали ее кольцом. Потому-то танки и прекратили обстрел бризантными, подумал лейтенант, что боятся поразить своих. Расправу с оставшимися в живых батарейцами они предоставляли произвести автоматчикам.

- Савостина, ко мне! - Непререкаемо приказал лейтенант. Он встал во весь рост, пошел ей навстречу. Она оторвалась от раненого, вскинулась на ноги и, оглядывая невесть откуда появившихся фашистов, попятилась к лейтенанту, отчетливо различая злорадствующие лица автоматчиков. Они сошлись против второго разбитого орудия, стали спиной друг к другу. Достали из кобур пистолеты, не сговариваясь, начали стрелять. Фашисты не отвечали. Видимо, тот строгий окрик на лающем языке предписывал им взять последних защитников батареи живыми. Но смертельно раненый лейтенантом автоматчик полоснул по ним длинной очередью, и они, поддерживая друг друга, опустились на снег.

Одиночными выстрелами и короткими очередями добив раненых, автоматчики вместе с подошедшими тремя танками, двинулись на Черепы. Над батареей наступила мертвая тишина. Только поземка, заметая стынущие тела, скорбно шуршала и шуршала над ними.

Во второй половине дня группа пехотинцев, выходявшая из окружения, обнаружили вблизи батареи Жору Клюева, выползшего из-под огня бризантных снарядов еще в начале боя, а на противоположном пригорке-маленького бойца Слепухина, которого послали за транспортом для раненых, но его подсекла пулеметная очередь из танка, едва он

выбежал из ложбинки. На плащ-палатках полем, минуя Черепы, их выволокли к своим.

14 августа 1996 года, то есть почти через 54 года на месте тех боёв, состоялось открытие мемориала, посвященного памяти воинов 6-го Сибирского добровольческого корпуса, в который входила тогда и наша 150-я стрелковая дивизия, в последствии 22-я Гвардейская. Этому предшествовали шестилетние поиски и перезахоронение двенадцати с половиной тысяч останков погибших, какие удалось отыскать в оплывших воронках, окопах, оврагах, блиндажах, погребках сгоревших домов, канавах. Ведь хоронили их после нашего отступления тогда согнанные немцами немощные старики, женщины, дети. Что они могли, голодные, холодные в зимние морозы и весеннюю распутицу? А многие из погибших в кустах, перелесках, бочажинах вообще все 54 года оставались не присыпанные землей, неприкаянными. Без крестов, стел и памятников. Ведь население на той бедной земле под городом Белый в Калининской, теперь Тверской области и донныне восстановилось всего на одну четверть! По той земле, напичканной взрывчаткой, ходить и ездить бояться до сих пор. Поля заросли кустарником, лесами, бурьяном.

На возвышенной равнинке, где некогда стояла деревня Плоская, а ныне по вёснам бушуют непобежденные войной сады, и упокоились в братской могиле те двенадцать с половиной тысяч. В Сибири, в Красноярском крае были добыты, отесаны и отполированы сто двадцать одна тумба из чёрного гранита, за тысячи километров привезены сюда и установлены над могилой в 11 рядов по 11 тумб в каждом. Это как бы символизировало огромное число захороненных под ними воинов. Во главе этого множества символов была установлена гранитная же стела с надписью о том, что монумент воздвигнут в память сибиряков, погибших на окрестных полях. Неподалеку, вынесенная из-под сени садов на открытое место возвышалась часовня из красного кирпича, видимая далеко окрест.

На открытие Мемориала из смежных Калининской, Смоленской и Псковской областей съехалось около двух тысяч представителей администраций, трудовых коллективов, молодежных организаций. Нас, уцелевших в тех боях ветеранов-сибиряков, поставили впереди приглашенных, прямо перед мемориалом. Слева, у покрытой еще белым полотнищем главной стелы со своей свитой прислужников расположился Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, справа, привезенная из Москвы специальная передвижная звонница. Это был соборный из легких конструкций куб с гранями приблизительно в два

метра. На трех верхних гранях висело десять небольших колоколов, диаметром в двадцать пять - тридцать сантиметров, на обращенной к главной стеле боковой стороне, под колоколами - три бронзовых плиты разных размеров. Они имитировали звуки больших колоколов, возить которые было бы накладно. Звонницу обслуживали два звонаря - мужчина и женщина не в очень броском одеянии церковно-эстрадного стиля с золотым шитьем, У женщины, стоявшей под четвертой гранью куба, на руках были белые перчатки до локтей. От каждого из десяти пальцев перчаток к колоколам тянулись тонкие тесемки. У мужчины в руках, тоже оголенных по локоть, была увесистая деревянная палица.

Программа открытия Мемориала состояла из нескольких частей. Началась она с официальной, когда с речами выступили представители местных властей, прибывших делегаций, молодежных и ветеранских организаций. Все они были посвящены героизму и памяти лежавших в братской могиле солдат - сибиряков, погибших за Родину вдалеке от своей Малой родины. А руководитель Кузбасской группы ветеранов Владимир Ильич Мельситов рассыпал между тумбами привезенную из Кузбасса землю. Был у меня тоже солдатский кисет с землей, она тоже легла на братскую могилу.

Важнейшей частью программы было, конечно, само открытие Мемориала. Под торжественные звуки музыки и троекратный воинский салют медленно приспустились полотнища обоих Знамен, открыв главную стелу, которую митрополит Кирилл тут же окропил святой водой из серебряной чаши, которую несла за ним одна из четырех послушниц. Затем около ста местных ветеранов с зажженными свечами, бережно охраняя ладонями трепетный огонек, пронесли под часовой свечи и прикрепили их на тумбы. День разгорался ясный, безветренный, свечи горели долго.

И вдруг грянул бой. Почти настоящий. Рвались снаряды, взлетали ракеты, трещали автоматные очереди. В ячменном поле поднялись неведь откуда взявшиеся солдаты, и пошли цепью в сторону недалекой отсюда Долины Смерти.

Потом были поминки. Оказалось, в саду бывшей деревни Плоская, которая так и не возродилась, под деревьями, увешанными дозревающими плодами, стоял длинный, метров в сорок-пятьдесят стол, уставленный закусками. Свежими помидорами, свежими и малосольными огурцами, молодой свежесваренной картошкой, ну и, конечно, плодами местных садов. В алюминиевых кружках были налиты фронтальные сто грамм. Молча выпили, молча закусили.

Я умышленно опустил здесь описание второй части программы, так как она произвела на присутствующих, в том числе и на меня, наиболее сильное впечатление. Это часть - отпевание убиенных на поле брани воинов, часть, посвященная именно павшим, а не живым. Тем, что упокоились, наконец, под этим мрамором. Она началась со звона колоколов. Звонарь размахнулся своей палицей и над садом, над застывшими у тумб часовыми, над притихшими людьми, волнообразно поплыли звуки самой большой плиты, сопровождаемые переливчивым звоном малых колоколов, звуки из которых извлекала женщина, шевеля пальцами в белых перчатках. Сердце защемило болью жалости, будто захороненные погибли не 54 года назад, а только вчера. Скорбно склонились седые головы ветеранов, к главному обелиску скорбно склонилось огромное трехцветное знамя России, скорбно склонилось такое же огромное красное Знамя Победы.

Усиленная громкоговорителями зазвучала зауспокойная молитва, сопровождаемая голосами четырех певчих.

Переливчатый звон трех бронзовых плит был настолько могуч и скорбен, что, казалось, вибрирует не только отяжелевший от печали воздух, но и наши тела, земля, деревья. Сто двадцать одна тумба черного гранита, как сто двадцать одна антенна улавливали эти волны неизбывной печали и через земную твердь доносили до павших. И мне мгновенно подумалось: а ведь под какой-то из этих тумб теперь навеки упокоились и останки Полины Савостиной, санинструктора нашей батареи, энергичной девчухи, чьи черные глаза-смородинки живо всплыли у меня в памяти. Полина-Полюшка, чье-то не состоявшееся счастье, Чье-то Большое не состоявшееся счастье. И мои сухие до сих пор глаза наполнились горькой болью. О, Русь, Русь! Это же над твоим лучшим генофондом неизбывным плачем Ярославны плывут сейчас густые печальные звоны, над твоим не состоявшимся во многом будущим плачут колокола. Вечная Память вам, дорогие наши соратники, Вечная Память...

ПСИХОЛОГИЯ ПОДВИГА

7 октября 1944 года у хутора Бумбери в Латвии завершился короткий жизненный путь санинструктора 62-го стрелкового полка 22-й Гвардейской сибирской добровольческой дивизии гвардии старшего сержанта Ольги Васильевны Жилиной, закончился героическим поступком. Да и весь ее двухгодичный фронтовой "стаж" был сплошным незаурядным подвигом. Грудь девушки к этому времени украшали три ордена и медаль. А если учесть, что в первые годы войны награждали

только за особо выдающиеся поступки, а в этой дивизии особенно скупое, то и первую ее медаль "За боевые заслуги" достойно приравнять к ордену. Орден Славы 3-й степени, орден Красной Звезды, орден Боевого Красного Знамени, второго после ордена Ленина по значимости среди орденов Советского Союза. Такими красными вехами был означен ее боевой путь.

Что побуждало юную сибирячку все эти два года войны шагать не широкой дорогой массового подвига, а где-то чуть впереди, узкой тропкой индивидуального героизма. Беззаветная любовь к Родине? Но тогда всех, в том числе и 13473-х добровольцев этой дивизии, призвала на борьбу с фашизмом эта любовь. Тут все равны. Может, военно-патриотическое воспитание в школе, которое в предвоенные годы были, особенно на высоком уровне? "Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов"! - пели мы на пионерских сборах. Но мы все учились в одной советской школе, так что и военно-патриотического запала в нас было поровну. Не подвиги ли отцов на гражданской войне, не пример ли Павки Корчагина из книги Островского "Как закалялась сталь" и Аньки-пулеметчицы из "Чапаева" готовили Ольгу к ее подвигам? Наверное - да, но ведь и в этом мы, все довоенное поколение, были аранжированы одинаково. Так, где же та божья искра, изначально подвигнувшая ее к совершению неординарных поступков?

КРЕЩЕНИЕ НА НЕНАВИСТЬ

В самый накал Сталинградской битвы дивизия сибиряков-добровольцев участвовала в отвлекающем ударе под городом Белый в Калининской области, сковывая на Ржево-Вяземском выступе значительные силы гитлеровцев, и впервые добилась значительных успехов. Фронт был прорван, освобождено до сорока населенных пунктов.

Из-за значительного удаления от медсанбата полки развернули санроты, где в ожидании транспорта сосредотачивались раненые, и где им оказывалась первая, посильная в полевых условиях помощь. Всю вторую половину короткого зимнего дня Ольга Жилина с подругами выводила, выносила, а то и вывозила волоком на плащ-палатках сюда раненых.

Неопытным, не обстрелянным еще, кланявшимся каждой пролетевшей пуле, санинструкторам и санитаркам этот день выдался особенно тяжелым. Противник вернул, приготовившиеся было отправиться на помощь Паулюсу под Сталинград свои силы, и бросил их против сибиряков. Бой был жестоким, раненых было много. Жилина

сдала врачам санроты десятого или одиннадцатого, она сбилась со счета, когда совсем стемнело. И не передохнув даже, пошла обратно.

- Оля, ты куда? - встретились ей две подружки с ранеными. - Там больше никого нет...

-Нет, я слышала стоны-не остановилась даже она, не подозревая, что видит подруг живыми последний раз.

Раненного она нашла, поземка не успела задуть его окончательно. Это был пожилой солдат. Попытка привести его в сознание ни к чему не привела. Она не стала искать рану и пороть одежду, в потемках можно было больше навредить, чем помочь, только перевернула навзничь на его же плащ-палатку, порадовавшись, что раненный попался легкий, и у нее достанет сил дотащить его до санроты.

Тащить надо было с километр. Она несколько раз останавливалась, поправляя санитарную сумку и винтовку раненого, сползавшие со спины, припадала ухом к холодным губам, ловя признаки слабого дыхания.

До санроты оставалось метров сто, в неглубокой лощинке уже угадывались силуэты двух палаток, когда там неожиданно засверкали автоматные очереди, в промежутках слышались лающие немецкие команды, распоротые ножами, стены платок распахнулись, в дыры, освещенные фонарями, устремились гитлеровцы. Выстрелы прекратились, зато слышались крики и предсмертные стоны добываемых ножами раненых. Иногда слышались женские голоса, тут же прерываемые ударами ножей. Там не щадили никого.

Ольга оцепенела от ужаса, когда поняла, что происходит. У нее на глазах прорвавшиеся где-то фашисты зверски уничтожали санчасть, в которой скопилось до полусотни раненых и до десятка медработников.

Она потом не могла сказать, сколько времени это длилось: час, полчаса, или гитлеровцы разделались с беззащитными людьми за десять минут. И пришла в себя не оттого, что там все затихло, а оттого, что почувствовала холод, идущий от раненого, которого укрывала полкой своего полшубка и грела своим телом. Раненый был мертв.

Что могла испытывать неумудренная жизненным опытом девушка, оставшись наедине с темной метельной ночью, с только что пережитым ужасом и мертвым бойцом рядом? Идти ей было некуда. Впереди разгромленная санчасть с истекающими последней кровью погибшими и затаившимися, быть может, гитлеровцами, сзади - неизвестно где теперь проходившая передовая. Озябнув, она вытащила из-под мертвого плащ-палатку и укуталась ею. Но больше холода и бессилия что-то предпринять ее мучила внезапно пришедшая мысль, что сегодня

она никого не спасла. Даже тех, что вынесла, получилось, вынесла навстречу гибели.

Это уж точно, что она не вспоминала в ту ночь слов главного гимна Великой Отечественной войны "Пусть ярость благородная вскипает, как волна", но подсознательно, именно тогда, та самая "ярость благородная" вскипела в ней с неимоверной силой. И первыми словами, которые она произнесла, отыскав утром свою роту, были: мстить, мстить, мстить...

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ

В бою под городом Лубань осколок рассек ей щеку.

- Да ты себя сначала перевяжи, милая... - застонал солдат, которого она пыталась поднять на плечо.

- Потом...

А когда донесла его до пункта сбора, сама со стоном упала рядом с бойцом.

- Оля, да ты ранена! - подбежала к ней Лиза Павлова и принялась сти рать кровь с лица. - Сейчас я тебя перевяжу...

- Сначала вот тут, - отстранив Лизу, начала стаскивать разорванный осколком сапог.

- Ох, ты! Да мы тебя с первой же повозкой отправим в санбат!

- Нет. Сейчас начнется новая атака и вам не справиться...

- Но разве так можно!

- Так надо.

И вот этим - "так надо!" она руководствовалась в каждом своем поступке. И мстила она не только оружием своей воинской специальности, способствуя быстрейшему возвращению в строй раненых, но ее часто видели с автоматом в руках и санитарной сумкой через плечо среди однополчан, идущих в атаку.

- Ты сестра или автоматчик? - шутили бойцы.

- И то, и другое... - отвечала она, потому, что считала: так надо!

"Сегодня Оля Жилина водила в атаку роту, - пишет в своих воспоминаниях бывшая комсорг полка Галина Гололобова. В разгар боя погиб командир, ранило одного взводного, потом другого... Увидев, что бойцы в замешательстве залегли, она поднялась во весь рост:

- За мной!

И немцев выбили из деревни. Так надо!

Восемь раз она была ранена, но дальше своего дивизионного медсанбата не уходила. Чуть подлечившись, тут же возвращалась в роту, тут же впрягалась в дела. Будто и в самом деле была семижилной.

Ведь слышалось в ее фамилии что-то и от слова "жила", и слова "жить". И это при ее-то небогатырском росточке и телосложении. Так надо...

"Ольга Жилина стала общей любимицей - вспоминает далее Галина Гололобова. - Нельзя без волнения смотреть, как берегут ее огрубевшие на войне солдаты, как ласково называют "нашей милой сестричкой". Сколько писем ей приходит! Пишут матери, сестры и дети ею спасенных солдат, пишут сами солдаты".

Да, письма... Женщинам на войне неизмеримо трудней, чем мужчинам. Неизмеримо! Для нее даже самые простые вещи, скажем, такие, как отправление естественных надобностей, выростали в целую проблему. Иногда ведь было что ни кустика, ни стенки вблизи, за которыми можно бы укрыться, а кругом - мужчины. И воды им, чистюлям, надо вдвойне "как уткам", как сказал однажды пожилой солдат. И вдвойне тепла, чтоб уберечься от переохлаждений. Да мало ли что еще!.. А взять такое неизбежное явление, как домогательство грубых мужчин? Вот и льнут девчонки больше к пожилым солдатам, под их отеческую опеку. Но Ольга и эту проблему решила для себя оригинально. Она с самого начала не скрывала, что у нее есть жених-летчик, воюющий на соседнем фронте. И не стеснялась показывать подругам его трогательные, но скупые письма. Наверно, в этих письмах, да и в остальных тоже, Ольга черпала силы для своих свершений.

Того хутора Бумбери по существу уже не было. От него уцелел один сарай, но и он дался роте немалой кровью. Когда бой отдалился, санинструктор Ольга Жилина и санитарка Саша Седых решили до подхода транспорта укрыть в нем раненых, и начали стаскивать их туда. Раненых набралось уже восемнадцать, когда немцы заметили движение и открыли по сараю артиллерийский огонь. Подруги в этот момент находились вне сарая и порадовались, что успели, что стены служат раненым каким-никаким укрытием. Не было бы только прямого попадания. Но оно случилось! Снаряд угодил в угол крыши и поджег ее, под крышей была солома. Ольга на какой-то миг опять оцепенела: ведь повторялась та же ситуация, что и два года назад под Белым. Там она так же вот вынесла с поля боя несколько бойцов, а через час их ножами и штыками добила озверевшие гитлеровцы. Только теперь раненым угрожали не ножи, а огонь. Ведь из них ни один не мог передвигаться самостоятельно! И Ольга, пригибаясь и падая при близком посвисте снаряда, хотя и знала уже, что снаряд, который слышишь, не твой, - кинулась к сараю.

- Оля, ты куда! - крикнула Саша, но и сама через секунду бежала следом.

Не обращая внимания на сыплющиеся сверху искры и хлопья огня, они, кого по одиночке, кого вдвоем, начали вытаскивать раненых туда, где снаряды еще не рвались. Пламя охватило уже всю крышу, загорелась солома внутри сарая, стало темно от дыма, раненых уже трудно было находить.

- Вроде последний... - сказала Саша, опуская на землю раненого.

- Нет, это семнадцатый... - и Ольга в очередной раз ринулась к сараю. Но в него уже невозможно было войти, пылали ворота. А из сарая рвался зов о помощи. Завернувшись с головой в оказавшуюся у ворот чью-то плащ-палатку, Ольга исчезла в пламени...

В советской, далекой, признаемся, от совершенства идеологии были, признаемся еще раз, и довольно мудрые постулаты. Среди них и такой: "В жизни всегда есть место для подвига". И это бесспорно. Только далеко не каждый находит это место. И далеко не каждый хочет его находить. Не та психология, не то самосознание, не то чувство локтя, товарищества, взаимовыручки. Особенно сейчас. Ольга комплексом неполноценности не страдала.

Саша успела подбежать, чтобы встретить возникший из ворот клуб дыма и пламени. Отбросив в сторону горящую плащ-палатку, Ольга принялась тушить на раненом шинель, не замечая, что на самой тлеет гимнастерка. Вдвоем они потащили раненого подальше от пылающего сарая.

Своего снаряда Ольга Жилина, конечно, не услышала. Она только почувствовала тупой удар, бросивший ее на жухлую осеннюю траву.

- Оля, ты что? - перевернула ее на спину Саша, машинально заправляя под пилотку ее опаленные волосы.

- Вот и все...- скорее догадалась, чем услышала Саша, что прошептала Ольга с последним выдохом. Что она хотела сказать? Что все же успели вынести всех? Что она до конца исполнила свой долг? Или что вот и окончился ее такой короткий жизненный путь? На это теперь не ответит никто.

Ольга Васильевна Жилина не дожила 7 дней до освобождения столицы Латвии Риги и 7 месяцев до дня Победы. За последний свой бой она была награждена еще одним орденом - орденом Отечественной войны 1 степени. Посмертно.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К ПОДВИГУ

Я не был знаком с Ольгой Жилиной на фронте, но есть основание предполагать, что именно наша батарея чаще всего поддерживала огнем тот батальон, ту роту, в которой она воевала. Стало быть, и дороги

наши не единожды шли рядом и пересекались многократно. Я знал о ней и тогда, а особенно много прочитал и услышал после, часто встречаясь с однополчанами.

В октябре 1984 года правительство тогда еще Советской Латвии пригласило нас, около 120 ветеранов 22-й Гвардейской, теперь уже Рижской дивизии на празднование 40-летия освобождения своей столицы от немецко-фашистских захватчиков. Там мы, человек 20 активистов ветеранского движения, выпросились, чтоб нас свозили к местам, где огнем полыхала наша юность. Хотелось другим, зрелым взглядом окинуть те поля, где навечно остались наши земляки и поклониться их праху.

Нас подвезли к воинскому захоронению у селения Саласпилс. В глаза бросилась длинная, метров в сорок бетонная стена с фамилиями и званиями захороненных однополчан. Около 1800 имен! Перед стеной большие четырехугольники братских могил, обрамленных бетонными бордюрами, засеянные цветами. Дорожки между ними усыпаны желтым песком. Перед братскими могилами, слева и справа от главного прохода две могилы отдельно. Из некролога на той, что справа, узнаю командира нашего дивизиона. Но он же погиб далеко отсюда! Кто же тогда во второй? Во второй покоится прах Ольги Васильевны Жилиной, тоже перенесенный сюда издалека. Вот где наши пути скрестились последний раз...

После кладбища мы беседовали с учителями местной школы. И вот там довелось услышать новость, дописавшую к светлому портрету Ольги Жилиной еще один яркий штрих. Командир роты, в которой она воевала, рассказал: разбирая Ольгины письма, чтоб определить, какое куда отправить, ее подруги обнаружили, что летчик, писавший ей трогательные письма, погиб еще в конце 42-го года! То есть тогда приблизительно, когда Ольга всю ночь пролежала рядом с мертвым солдатом в виду растерзанных палаток санчасти, а письма от его имени писала школьная подруга, воевавшая на том же соседнем фронте. Вот теперь и представьте, какой могучей должна была быть волна ее ненависти! За любимого, за подруг, за сожженные села и города, за Родину...

...Перед нами на кладбище побывали солдаты, отдавшие в честь павших друзей воинский салют. В траве, цветах и на дорожке валялись автоматные гильзы. Я поднял одну с могилы Ольги Жилиной и положил в карман как вещественное звено, связывающее нас, еще живых, с этими павшими. Дома отполировал ее, обрезал разорванное устье и храню теперь в рабочем столе.

Зачем? Не знаю. Наверное, так надо...

ПУШКА НА ПЛОЩАДИ

Стоит она в центре, в самом людном месте шахтерского города, до которого никогда не докатывались грозные раскаты войны. Стоит на сером бетонном цоколе, станины ее сведены, люлька откатника заперта стопорами, пушка приведена в походное положение. На секунду прикрой глаза и почувдится: вот-вот по команде «Передки - на батарею!» слаженный в действиях расчет подхватит сошники, накинёт прицепное кольцо на форкоп машины и помчится она туда, где трудно пехоте, где жарко от боя...

Да нет, не помчится.

Не для того поставлена она на площади.

По праздникам под гром оркестров мимо нее шествуют нарядные колонны демонстрантов, напротив устраиваются народные гуляния, звучат мирные песни и счастливый смех. А в будни суется вокруг нее мальчишки. Виснут на щите, оседлывают станины...

Пушка и - дети... Грозное оружие войны и - мальчишки... Вроде бы абсурдно, алогично, несовместимо. Но что делать? Так есть... Такова судьба ее теперь: доступно и мирно стоять на виду у всех.

Можно подойти, потрогать.

Постоять рядом, подумать.

И повспоминать.

...Сорок третий, четвертый, да и весь еще сорок пятый мне неотлучно пришлось состоять при ней. Ну, ни при этой вот, а при такой же: системы ЗИС-3, калибр 76, прицельная дальность 12 километров. День и ночь неотлучно, из месяца в месяц, из года в год. Спал у ее колес, с котелком присаживался на станины, а когда начал бриться, зеркальце пристраивал где-нибудь у прицела. Там было мое «рабочее место». Если и приходилось отлучаться, то спешил вернуться к ней, как к родному пристанищу. У многих в то время другого не было. Это около нее зародилась, вспыхнула и сгорела дотла, как горсть бездымного пороха, моя юность. Не золотая, и не соловьиная...

И теперь, когда вижу, как мальчишки виснут на щите, словно воробы на проводе, рядышком сидят на станинах, вздымается во мне не то чувство ревности, не то мнится попрание чего-то святого и высокого. Мальчишки, мальчишки... Как много вам предстоит узнать еще, понять и осмыслить. В частности, и то, для чего поставлена она на площади.

А пушка эта достойна, чтобы стоять на высоком пьедестале Славы. Вот крупницы из огромной реляции ее боевых заслуг.

...Разгар лета 44-го. Наша 22 Гвардейская дивизия сибиряков-добровольцев гнала фашистов по псковской земле, приближаясь к Опочке. Сразу же после пристрелки с новой огневой позиции, которую заняли часа в два дня, неожиданно прозвучала команда:

- Батарей! Веер - сосредоточенный! Пять снарядов беглым - огонь!

Руки заученно крутили рукоятки, а в мозгу застряло тревожное: почему это с ходу и беглым? Уж не ринулись ли гитлеровцы на беззащитный НП батареи? Пехоты-то впереди, мы слышали, почти нет, повыдохлись за две недели наступления наши батальоны...

Ага, вот новая пристрелка первым орудием. И та же команда: батарея, беглым.

...Но если контратака, почему веер - сосредоточенный? Так бьют по одиночным целям: по пулеметам, отдельным минометам, орудиям...

Снова пристрелка. Но дальность не меняется, только угломер. Стало быть - не контратака. Но что же тогда? Почему беглым?

От орудия пришлось отбросить несколько пустых ящиков, между станинами дымилась куча пышущих жаром гильз. Над краской ствола появилось голубоватое марево.

Сержант Кулик побежал к первому орудию узнать, куда так бьют. Но едва успел добежать, как старший на батарее лейтенант Мани-хин начал выкрикивать новые установки прицела.

- Деревню какую-то не могут взять... - вернулся сержант и распахнул новый ящик.

И опять беспорядочно-торопливо захлопали выстрелы, и снова двадцать снарядов понеслись в одну точку.

У нас кончились протертые от смазки снаряды. Но в таком темпе не до мелочей, в ход пошли и не протертые.

А краска на стволах побурела и начала трескаться.

У первого орудия вообще не осталось снарядов. Оно ведет пристрелку и расходует их больше. Пришлось отнести туда два ящика.

- Что там за деревня такая? Лупим, лупим...

- Обыкновенная. Стоит себе на пригорке за болотцем. Огрызается.

Да, деревня огрызалась. С недалекой передовой доносились пулеметные та-та-таканья, трескотня автоматов и одиночные выстрелы.

Снарядов и у других орудий оставалось мало. Лейтенант Мани-хин все чаще оглядывался на дорогу, по которой ушли в тыл наши машины. Озабоченный артмастер старшина Абрамов обошел все пушки. У нашей пошупал ладонью ствол, обжегся.

- Ну хоть бы тучка!

А солнце и в самом деле жгло нещадно. Гильзы не остывали, их нельзя было тронуть руками. Я отпихивал их ногой, заряжающий Оспанов прокладкой от ящика откидывал дальше.

Подошли «Студебекеры» до бортов загруженные снарядами. Но не наши, не батарейные, похоже, с дивизионного склада боепитания. По машине осколочных на орудие. Видно там знали, в каком темпе мы их тут расходует. Разгружать помогали свободные телефонисты и радисты, старшина, даже Надя, наш санинструктор.

- Вот деревня! Сколько их освободили за две недели, а на этой застряли.

- Господствующая высотка.

- Что ж, ее и обойти нельзя?

- Не дает. Режет фланговым.

- Командованье что-нибудь придумает!

- Вот и придумало: выкурить фрицев огнем нашей батареи.

- Одной?

- Да деревня-то с гулькин нос. Если другие будут бить, поди, разберись, где и чей снаряд упал. А так ясно - все наши. Для того батарею и подтянули поближе к передовой, чтоб поточней...

- И снарядов приказано не жалеть!

- А пушки? Стволы-то погорят...

- Что пушки. Важнее сохранить пехоту. Там, говорят, всего один взвод.

Наблюдатели, видимо, освоились с местностью и пристрелок больше не вели. Незначительные изменения установок - и опять беглым. Теперь-то мы знали зачем. Чтоб фашисты на обнаруженных огневых точках не успели попрытаться.

От жары и пороховой гари начала кружиться голова, подташнивало. Сержанту и Оспанову легче, они у орудия во весь рост. А я у прицела - на колене, вся гарь из казенника и от гильз на меня. Но и Оспанов, похоже, намахался, все чаще со снарядом в руках присаживается на станину. Снаряд с гильзой - 11 килограмм, понянци-ка столько! А расстреляли мы, если судить по пустым ящикам, сотни полторы...

К орудию снова подошел артмастер, переждал очередную стрельбу, заглянул в дымящийся казенник. Погрозил пальцем Оспанову:

- За откатом следи! Масло в откатниках перегрелось.

- Якши, - размазывает пот тыльной стороной ладони по лицу Оспанов. - Скоря там пехота в деревня придет?

- А... - машет рукой Абрамов. - Игра в кошки-мышки...

- Какой кошки-мышка?

- Подымется пехота в атаку, а как какой фриц огрызнется, она на живот. А наши - по тому фрицу.

- Выходит, атаки ложные? - вмешивается сержант Кулик.

- Иначе как. Там же, говорят, низинка...

- И деревенька на горке. Слышали.

- Деревни нету уже, сдуло.

Конечно, столько огня, что там может остаться! Такой интенсивной стрельбы мы не вели даже в дни артподготовки. Снаряды и эти, что подвезли «Студебекеры», уже на исходе. Правда, подошли и наши машины, но подпятить их к орудиям было некуда, все вокруг завалено пустыми ящиками и гильзами. Машины стояли позади батареи у леса.

...Только к вечеру пехота заняла высотку. Без потерь. Живых фашистов в деревне не было. Наступление продолжалось.

А краска на стволах свернулась в трубочки и осыпалась, на оголенном посизевшем металле стали видны следы токарного резца.

Только один эпизод. А сколько было за все дни, месяцы и годы?

Вот еще из той же реляции.

«...Удалось проследить путь одной пушки... Она прошла от Сталинграда до Тернополя 12280 километров. Ею было уничтожено 10 танков, 5 бронетранспортеров, 5 самоходных орудий, 15 автомашин, 20 орудий, 7 минометов, 26 дзотов, около пяти батальонов гитлеровцев. Пушка произвела более 11 тысяч выстрелов - выше нормы вдвое...», - писала «Правда» в канун тридцатилетия Победы (25 марта 1975 г.).

И тут же дана высочайшая оценка этой артиллерийской системе: «...Так, например, 76-миллиметровая пушка... ЗИС-3 считается непревзойденным орудием второй мировой войны...».

Солдаты не из стали, они умирали. Пушки из стали, но и они...

...Новоржев. Осколком фашистского снаряда в стволе орудия просекло сквозное отверстие, будто фрезой прорезало паз для шпонки. Следующее орудие заменили через год с лишним. Оно отстреляло свою норму - шесть тысяч снарядов. (То самое, на стволе которого обгорела краска).

Четыре месяца спустя прямым попаданием из фашистского танка разбило еще одно орудие. И только на четвертом наш расчет закончил войну. Выходит, пушки тоже умирали на посту, как солдаты.

Да, пушка немало сделала для Победы. Потому и стоит она теперь на почетном пьедестале в самом многолюдном месте города.

И пусть не знаем мы, кто в перекрестие вот этой панорамы ловил вражеские цели, кто днем и ночью с НП выискивал их во вражеской

обороне, кто, взмахнув рукой, выдыхал короткую, как выстрел, команду «Огонь!», но знаем, это во славу «Богов войны», в честь артиллеристов стоит она сейчас на площади. Они для Победы сделали во сто крат больше.

На табличке, что укреплена на цоколе пьедестала, точный адрес: поставлена она во славу артиллеристам 943-го Ленинск-Кузнецкого артполка, что помог городу-герою на Неве и выстоять, и разорвать огненную блокаду. Но каждому бывшему артиллеристу на боевых местах около нее видятся его однополчане, его товарищи. Живые или павшие...

Мне видятся мои...

«...Четвертая и пятая батареи 328-го артполка (чуть позже переименованного в 48-й гвардейский) готовились к смене огневых позиций. В это время на занятый ими участок устремились 23 вражеских танка и батальон пехоты.

...Положение... восьми оружейных расчетов было тяжелым. В момент захвата немцами Дубровки (под г. Белый Калининской области) обе батареи оказались совершенно отрезанными от своих.

...Выкатив орудия на открытые позиции и организовав круговую оборону, бесстрашные артиллеристы четвертой батареи под командованием капитана Медведь открыли огонь по врагу... Но участок, обороняемый мужественными артиллеристами, продолжал с каждым часом сокращаться, все плотнее стягивалось вокруг них огневое кольцо. Все меньше и меньше оставалось отважных защитников.

Из строя вышли капитан Медведь, парторг батареи Бобкин, комсорг Крындыч. Раненый дежурный по батарее Иван Дмитриевич Коваленко, собрав последние силы, посылал снаряд за снарядом.

Когда кончились все снаряды и орудие умолкло, гитлеровцы ринулись на батарею. До последнего патрона отстреливались из пистолетов лейтенант Коваленко и санинструктор Полина Савостина...

Четыре с половиной часа длился поединок...».

Это - о моих товарищах...

Произошло это в декабре 42-го под городом Белый Калининской области, где велись тогда действия, отвлекающие силы противника от Сталинградской битвы. Артиллеристы обеих батарей погибли, но спасли они не десятки, а сотни наших бойцов. За эти четыре с половиной часа батальоны нашей дивизии, отрезанные от своих, успели организовать круговую оборону и выстоять. А писала о них так газета «Кузбасс» от 26 декабря 1965 года в статье «Твердый сплав».

У достойных сыновей Родины было достойное оружие. Символом Чести и Памяти стоит оно теперь на площадях, значимой деталью вписываясь в монументальные мемориалы Славы.

Пушка на площади. Один из видов оружия Возмездия и Победы... Прохожий, задержись на минутку, постой рядом, пусть опашнет тебя горячим дыханием ее прошлого, соприкоснись душой с ее подвигом. Если ты молод, прикинь, не твой ли отец ее огнем был убережен под какой-то высоткой за болотцем? Если ты ветеран, расскажи сыновьям о ее делах. Если ты девушка - возьми здесь с возлюбленного клятву быть достойным, когда придет его пора защищать Родину. А если ты - старая мать и сыны твои не вернулись, не суди строго. Враг был жесток и коварен, она не могла уберечь всех...

...Толкуются мальчишки у пушки. Садятся на станины, виснут на щите. Малы мальчишки, многое еще предстоит понять им и осмыслить. В частности - и такую непростую истину: выстояло все-таки не оружие, а моральный дух народа, стойкость тех, в чьих руках оно было. То есть, твердый сплав воли и мужества. А пушка своим присутствием на площади, безмолвным и доступным, как раз и кует этот сплав.

Так что не в походном она положении - в боевом.

И прицел ее теперь куда дальнбойнее!

СВЕТЛАНА УЛАНОВА

ПРОРВЁМСЯ

Рассказ

Посвящается Пермяковой Т.Т.

В город Таня с матерью ехали на колхозном грузовике. Всю дорогу мать повторяла, чтобы Таня во всём слушалась крёстную – тётю Марию, на улице рот не разевала, город не деревня, там людей и машин видимо-невидимо. Что главная обязанность Тани – отовариваться по продуктовым карточкам крёстной, а очереди там длиннющие. И не ленилась чтоб, по дому помогала. Что дядя Иван на фронте, а детей не нажили. Вот и мыкается Мария одна. Таня слушала, слушала... Скорей бы уже приехать к Лёле!

Таня и раньше бывала в гостях у крёстной, которая жила в районном центре – небольшом шахтёрском городке. Муж крёстной, дядя Иван, до войны работал в шахте, зарабатывал хорошо. Потом дядю отправили на фронт, а крёстная окончила курсы горнорабочей и пошла в

шахту, на очистной участок – лаву. «На шахте теперь баба – мужик!» – грустно шутила она. Мама переживала, что Мария не успевает высыпаться от смены до смены. Ладно хоть ей как шахтёру полагалось больше граммов в продуктовых карточках и похлёбка – горячее питание на смене.

– Нинка поди у'росит дома-то? Хоть бы Вася с ней сладил! – спохватилась мама, вдруг вспомнив оставленных дома детей, – одни там чай остались... Я тебя передам Марии, да сразу обратно!

Таня кивнула.

– Mam, а Тятя скоро приедет?

– Скоро, скоро! Отец твой теперь не литовки в колхозе отбивает, а бомбы катает! Приедет через неделю и тебя заберет. Хоть с сестрой поводится!

Отца Таня видела дома редко, он с начала войны работал на заводе в городе, в другом районе.

В деревне скучать тоже было некогда. Работали в огороде, он и спасал, хотя большую часть урожая отсылали на фронт. «Ничего, с голodu не помрём! – приговаривала мама. – Нам тут легче, чем в городе. А на фронте и того трудней!»

На машине из деревни до дома крёстной – двадцать с небольшим километров – проехали быстро. Хорошо, что квартира её не в центре, от большой дороги недалеко!

Мария с радостью встретила крестницу. Мама дальше порога даже проходить не стала, торопилась. Да и грузовик долго ждать не мог.

Утром Мария очень рано подняла крестницу, собираясь на очередную смену. Показала, где лежат продуктовые карточки, объяснила, как быстрее дойти до магазинчика под мостом и несколько раз повторила номер в очереди, которую заняла ещё вчера. Потом обняла крестницу и ушла. Таня собралась, похлебала вчерашний суп, приготовленный крёстной и, достав карточки, стала их разглядывать. Карточек было три. На одной было: «Хлеб. Норма 500г в день», на других – про макароны, крупу и сахар. На всех крупно: «На октябрь 1942 года», посередине – не понятная для Тани надпись: «Рабочие и ИТР 1 катег.» А внизу всех карточек: «При утере карточка не возобновляется». Таня долго внимательно читала последнее длинное слово по слогам. Быстро оно не проговаривалось. Она положила карточки в карман и вышла на улицу. До магазина было рукой подать, она раньше частенько с мамой

и крёстной туда ходила, покупая леденцы и местные «тульские» пряники. И что бы ни говорила мама, Таня истинно верила, что пряники эти точно привозили из далёкого города Тулы.

Подойдя ближе к магазинчику, Таня едва узнала его – всё вокруг было по-другому. Людей было много. Одни стояли, другие, постарше, сидели на чём придётся. Девочка заняла свою очередь и огляделась. Вокруг тихо переговаривались. Таня прислушивалась к стоящим рядом и думала, что мама была права и людей очень много, наверное, целая деревня. Таня нащупывала в кармане карточки. Чем ближе она продвигалась к окошку, тем сильнее пахло хлебом. Таня вспомнила, как мама в позапрошлом году пекла ароматные булочки. А рядом младшая Нинка – вся в муке. Годовалая Нинка стояла у стола на лавке в перевернутой вниз сиденьем табуретке, перевязанной маминым чулком, как в клетке. Но зато была под присмотром у матери, и не нужно было Тане с ней водиться. И она с братом ходили на луг и в поле, что у деревни, собирали разные травы: лебеду, крапиву и пучки, колбу', петушки', копали корни саранок.

Вспомнила прошлую зиму, как они с Васей ходили на картофельное поле. Картошку-то с колхозных полей убрать не успели, рук не хватило, и часть так и ушла под снег. Мама дала им топор, лопату и мешок. На поле снега много, ноги проваливались, идти было трудно, а тут ещё мама шалью своей укутала – не повернуться. А Вася впереди прокладывал дорогу, чтобы ей легче идти, и помогал встать, когда Таня падала. Вместе разгребали снег, с трудом отыскивая засохшую картофельную ботву. Потом Вася рубил топором мёрзлую землю. Топор звенел, а картошка на картошку не походила – была как камни. Вася вырубал её вместе с землёй, а Таня складывала эту каменную картошку в мешок. Потом они вместе волокли тяжеленный мешок к дому. А ещё топор и лопату. Вечером все радовались, поедая мамины оладьи из картошки, которые она называла «тошнотики».

В какой-то момент Таня загляделась на грязных голодных воробьишек. Птицы прыгали возле лужи и слетались к ногам стоящих людей, выискивая еду. Нашупав в глубине кармана несколько завалывшихся семечек подсолнуха, Таня подошла поближе к воробьиной стайке и бросила семечки птицам. Воробьи накиннулись, быстро всё склевали и ждали добавки. Девочка улыбнулась.

Вдруг около Тани откуда-то появились несколько мальчишек и затеяли потасовку. Потом также неожиданно убежали. По очереди пронёсся недовольный ропот. А Таня подумала: «На вид такие, как Вася, но мой брат другой, он серьёзный, как папа».

– Продвигайся! Не задерживай очередь! – вдруг услышала за спиной визгливый женский голос, который заставил её вздрогнуть.

Обернувшись, увидела позади себя грузную женщину в цветастом платке.

– Спишь, чё ли? Ты чья будешь-то? Вчера я тебя тут не видала...

– Не здешняя я... К Лёле приехала. Из деревни. У нас там в школе пятого класса нету. Помогаю вот.

– А сама-то она где?

– В лаву ушла. На сутки, сказала...

– Следующий! – прозвучало из окошка магазинчика.

Таня встрепелась. Это её очередь. Она кинулась к окошку и, опустив руку в заветный карман, похолодела. В кармане было пусто. Карточки исчезли, все! Она в панике стала выворачивать карманы, но обнаружила только сор и шелуху от семечек, которая посыпалась на землю. На неё тут же набросились знакомые воробьи, в надежде найти съестное. У Тани потемнело в глазах и зашумело в ушах, и она упала бы, если бы её не подхватили чьи-то руки. По щекам покатились слёзы. Она пыталась стереть их с глаз, но только размазывала по лицу. «При утере карточка не возобновляется», – стучало в голове. Таня посмотрела под ноги, потом кинулась к луже, где прыгали воробьи. Люди вокруг расступились, пытаясь помочь в поиске. Ни-че-го...

– Господи! Что же делается? – нарушила тишину женщина в цветастом платке и протянула свои карточки в окошко. Получив паёк хлеба, отломив кусок и подала девочке.

– Спасибо! – тихо прошептала Таня, подняв на женщину полные слёз серые глаза, и неуверенно взяла хлеб. Потом, быстро пошла к дому крёстной, не теряя надежды, что карточки выронила по дороге. Она рассматривала каждую бумажку, заглядывала под камушки. Ни-че-го...

В квартире карточек тоже не было. «Потеряла, потеряла... «При утере карточка не возобновляется», – пульсировало в висках, – Как теперь Лёля жить будет? Нужно бежать домой! Мама, мамочка-а!»

Таня ещё раз обвела взглядом комнату, достала из кармана подаренный хлеб и, глядя на него, всхлинула. Потом разломала. Малень-

кий кусочек завернула в тряпицу и спрятала в карман, а больший оставила на столе, прикрыв полотенцем. Выбежала из квартиры крестной и направилась к маме. В деревню.

По городу идти было легко. Дул слабый ветерок. Но он усилился, как только Таня вышла на открытую дорогу. От встречного ветра слезились глаза. Она то и дело вытирала их рукавом выцветшего пальто, но это не помогало. Стояло начало октября. А октябрь в Сибири такой: то непогодой задождит, то теплом пригреет, а бывает, он и с запахом снега. Хорошо ещё, что не было дождя, хотя хватило и того, что он шёл несколько дней, превратив дорогу в сплошное месиво. Девочка еле волочила ноги: налипшая на обувь грязь вперемешку с травой походила на кандалы.

Выбрав сухое место у дороги, она остановилась, заправила выбившиеся русые волосы в платок и начала вытирать обувь о траву. Двенадцатилетняя Таня носила брезентовые туфли матери. Они были темно-зелёного цвета с двумя большими пуговицами. Туфли хлябали, и приходилось носить их с шерстяными носками, потуже обвязав бечёвкой вместо шнурков. В школе она очень стеснялась своих башмаков, но её прежние туфли развалились ещё в прошлом году, а новых не было.

«Что делать, что делать? – рассуждала девочка. – Как сказать Лёле?

Она теперь останется без хлеба... всё из-за меня-я... Моя Лёля может умереть с голоду? – Таня еще больше испугалась своих мыслей, – Нет! Она не может умереть!!» Обхватив рукой края одежки, где вместо пуговицы чёрным паучком жалко болтались нитки, всхлипнула: «Ещё и пуговку где-то потеряла... Мама заругает...». Потом воодушевилась: «Ну и пусть! Пусть ругает! Лёлечка моя-я... Я дойду! Мама всегда знает, что делать! Я не дам тебе умереть!».

Кусты вдоль дороги шелестели разлетающейся осенней листвой и изгибались, иногда принимая на себя порывы ветра, словно хотели защитить путницу. Она понимала, что до деревни было ещё далеко и нужно успеть до темноты. Достав из кармана кусочек чёрного хлеба, несколько мгновений вдыхала его хлебный дух, потом откусила кусочек. Сразу вспомнила про крестную: «Надо идти!»

Совсем уставшая девочка с облегчением вздохнула, увидев издали знакомую гору, на которой росли две тонкие березки: именно здесь летом она с матерью собирала ягоды. Там, за горой, бывшее картофельное поле, а рядом деревня.

Вечерело. Мать мазала обветшалый дом глиной, пока ещё позволяла погода, и снова не начались дожди. Нинка, закутанная в мамину шаль, стояла рядом в своей табуретке. Увидев дочь у ворот дома, мама уронила ведро и всплеснула руками:

– Таня?! Что случилось? Ты с кем?

Дочь бросилась к ней и, захлебываясь слезами, рассказала о потерянных карточках. Нинка тоже заревела.

Продукты собирали всей деревней. Помогли, кто чем мог. На следующий день к обеду, выпросив коня в колхозе, погрузили всё в телегу и поехали к Марии в город. Двоюродный дед Михаил, потерявший ногу ещё в начале войны, ловко управлял лошастью. До Тани доносились матерные слова. Дед любил крепко выразиться, и лошадь его понимала. Таня морщилась и старалась не слушать. Отец её, в отличие от деда Михаила никогда не матерился. «Меня наверно материт... Он на войне был... теперь без ноги... А Лёля из-за меня может умереть...» – Таня прижалась к матери. Дед обернулся: «Не замерзли? Ноги-то тулупом кутайте! Не лето чай... Скоро приедем!»

Потом всю дорогу молчали. Каждый думал о своём.

К вечеру подъехали к дому Марии, не застав её, привязали коня к дереву и стали дожидаться хозяйку. Ждать пришлось долго, часа два или больше, прежде чем они увидели в сумерках знакомую невысокую худощавую фигуру женщины. Когда крёстная подошла ближе, в свете фонаря Таня заметила, что лицо её осунулось, потемнело. Выразительные глаза в ореоле тёмных кругов казались ещё больше, как печать переживаний и бессонной ночи.

– Лёлечка, милая, прости! Карточки твои... Я не хоте-е-ела их потерять, – бросилась к крёстной Таня, чуть не запнувшись о мешок с продуктами.

– Вот картошка тебе и грибы...

– Я тебя везде искала... – с дрожью в голосе проговорила Мария, обняв крестницу. Та уткнулась лицом в фуфайку Марии, и обе расплакались. Мать тоже с облегчением заплакала. Стоящий на деревянном протезе дед Михаил, отвернувшись, сжимал самокрутку. Потом помужски твёрдо и уверенно проговорил:

– Ничего, дочки, прорвёмся! Обязательно прорвёмся!

ТАТЬЯНА БАЖА

ПАМЯТЬ

Я хотел давно тебе написать, а точнее спросить: «Как ты? Что с тобой стало?» Но, увы, долгое молчание и тишина. Тишина, сквозь которую я ничего не услышу, и ты вряд ли ответишь.

Я помню тебя, как сейчас. Высокий парень, темноволосый с голубыми большими глазами, всегда приветливо говоривший: «Здравствуйте, друзья!» А я еще совсем несмышленным мальчишкой теребил тебя за руку и надоедливо кричал: «И я буду солдатом. Буду таким, как ты!» А ты для меня был примером во всем: в отношении к людям, к жизни и самому себе.

Для меня слово «солдат» означало важное и значимое, связанное с защитой родной земли от врагов. Ты всегда меня защищал от соседских мальчишек, которые задирались и пытались вызвать на бой. Я не поддавался на эти провокации, потому что примером был ты, всегда сдержанный и рассудительный. Ты – герой, у которого можно многому было научиться. А я птенец, спрятавшийся под крылом своей мамы. Моя мама любила тебя, как родного сына. Она всегда говорила: «Какой солдат растет, защитник».

И вот наступило то утро, которое изменило мое сознание. Ты стоишь в форме солдата, гордо озирая родные поля и луга. Скучная слеза покатила по твоей щеке, а я не мог оторвать взгляда, не понимал, что происходит, но четко помню, как ты уходил все дальше и дальше от меня. В моей душе наступила тишина, думал, что ненадолго, но столько лет терзали мое сердце.

Ты ушел, мы все ждали от тебя весточки. Пронзительный крик почтальона заставил всех выскочить во двор. Это письмо, письмо от тебя, солдат. Я помню, как давно не радовался и не кричал: «Ура!» И вот я читаю письмо. Плачу, ты жив и здоров, но сквозь строчки понимаю, запах войны просачивается через корявые буквы твои. Читаю и все больше пребываю в ужасе от черных и красных оттенков этой войны. Я уже не уверен, что ты вернешься домой, но надежда не покидает меня. Ты и сам часто говорил: «Надежда - это хороший ориентир будущего». Я знаю одно, что ничего не проходит бесследно. Как же так, солдат? Почему и зачем ты там, за что гибнут мальчишки? Много вопросов в моей голове, но только держись, я прошу, живи, мы ждем тебя, слышишь!?

Пока ты защищаешь нашу Родину, я учусь, помогаю маме, поступаю праведно, как ты следовал в жизни. На улице весна, легкий ветерок

колышет ветви березы, которую ты посадил когда-то под окном своего дома. Ребятня двора, как и прежде, резвится. Многие старики и старушки умерли. Но ты наверняка всех помнишь. Я надеюсь, мое письмо ты получишь, и это придаст тебе еще больше сил для борьбы с врагами.

Весточек от тебя больше не было, я находился в постоянном ожидании, что откроется дверь в мой дом, и ты войдешь. Увы, призрачные мечты ...

Но мечты сбываются, но видимо не в этот раз, слишком дорогая цена быть на войне и защищать родные просторы Отечества.

Ты героически сражался и столько лет был вдали от нас, но я тебя помню и горжусь тобой солдат. Ты не с нами уже, а память хранит о тебе воспоминания.

Жизнь продолжается, я уже работаю и учу детей. На уроках я часто рассказываю о тебе, как о герое, о защитнике нашей Родины. Будущее поколение растет на примерах людей, таких как ты – солдат. И пусть память долго вспоминает тебя и не забывает о твоих героических поступках.

Я говорю тебе спасибо за то, что живем в мирное небо. Спасибо за то, что ты защищал родной уголок и сражался с врагами. Спасибо за то, что ты был и будешь примером для многих поколений людей. О войне мы знаем из рассказов, из писем, на уроках истории или литературы. Это война стала примером стойкости русского народа, русского солдата, где на протяжении многих лет, стиснув волю в кулак, ни разу не отступил и не сдался. Я заканчиваю писать, но не заканчиваю думать о тебе и о твоём героизме. Пусть земля тебе будет пухом!

Читая строки о войне...

В стихотворении «Память» Н.И.Попова говорится о том, что люди, которые остались живы после боев в Великой Отечественной войне, никогда не смогут забыть ни сражений, ни людей, которые воевали рядом с ними и погибли, защищая нашу Родину.

Читая эти строки, перед глазами встают картинки тех страшных дней, которые пришлось пережить советскому солдату, в том числе и моему прадеду. Я бы тоже хотел, чтобы он встал, как пишется в стихотворении, и прошёлся в со мной в бессмертном полку.

Война – самое жестокое, что только может быть в мире!!! Люди не должны забывать о войне и о людях, которые ценой своей жизни дали нам мирное небо над головой.

Спасибо Нине Ивановне Ипатовой за эти стихи.

**Аптин Артем, учащийся 1 «В» класса
МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №1»**

Стихотворение Н.И. Ипатовой «Мальчик на снегу» - короткая история трёхлетнего мальчика Пети, которую невозможно читать без слёз. Малышу пришлось пережить столько потерь и так рано стать взрослым... Мальчик призывает солдат сражаться за тех, кто, как и он, потерял всю свою семью, за то, чтобы дети оставались детьми и не видели тех страшных картин, что рисует война. Страшно представить, сколько было детей с похожими судьбами. Это никогда не должно повториться.

Шагабудинова Ирина, студентка КемГУ

В стихотворении «Я помню» П.Е. Рязанов описывает последние минуты общения со старшим братом Анатолием, его проводы на фронт. Боль расставания, разлуки передаёт поэт в этом стихотворении через немногословное прощание братьев. Ласковый голос старшего брата, его объятия и поцелуи, прощальный взмах рукой, полученные похоронки – ничего не забыл поэт и запомнил навсегда.

**Яценко Арина, учащаяся 10 «Ф-2» класса
МАНОУ «Лицей № 4»**

В стихотворении «Слово о хлебной корочке» Павел Емельянович Рязанов вспоминает о голодном военном детстве. В его памяти ярко запечатлелись картины поиска оставшегося в полях урожая и

вкус драников из мороженой картошки. Но самым главным чудом была корочка ломтика пшеничного хлеба, который казался тогда очень вкусным. Нам, детям 21 века, сложно понять ту радость, но мы должны знать и помнить, какой ценой досталась победа советскому народу.

**Торопова Марина, учащаяся 7 «А» класса
МБОУ «Основная общеобразовательная школа № 15»**

Стихотворение **П. Рязанова «У обелиска погибшим воинам»** написано интересным стилем: 24 строки и всего 32 слова. Но эта краткость помогает увидеть чёткую и яркую картину: алые гвоздики на гранитной плите обелиска, которые несут живые павшим солдатам в общий праздник – День Победы! Значит, подвиг погибших воинов в Великой Отечественной войне не забыт.

**Руль Матвей, учащийся 9 «А» класса
МБОУ «Основная общеобразовательная школа № 15»**

Чем меня тронуло стихотворение **Нины Ипатовой «Блокадницы»**? Наверное, тем, что вспомнила одну из полюбившихся и потрясших меня в детстве книгу Лидии Воронковой «Девочка из города». Я вспомнила те ощущения, которые испытала тогда, припомнила эпизоды из кинофильмов о блокаде, и как будто наяву представила весь ужас того времени.

Нине Ипатовой удалось в этом стихотворении настолько ярко воплотить образы людей вырвавшихся из обруча блокады, стойко переживших голод, холод, спасшихся от смерти. Я почему-то сразу представила, что люди настолько обессилевшие, что у них живы только глаза, мимика отсутствует, потому что даже на чувства нужны силы. А в глазах боль и голод, страх и надежда. Мне всегда казалось, что у детей, переживших ужасы войны, блокады, концлагерей, глаза стариков, мудрых и все понимающих, но иногда потерявших надежду. Их эвакуировали в чужие места, они не знают, как сложится их дальнейшая жизнь, как примут их. И хорошо, что автор с первых же строк дает нам понять, что все у этих людей сложится отлично, они попали к хорошим людям, которые позаботятся о них, накормят, оденут, найдут где спать уложить:

«...А мать, постепенно куда-то спеша,
Опять оглядела все плоски и кринки.
К беде прикасалась, как лечащий к ране,
На стол подала, что сварилось в печи

И все, что на случай хранилось в чулане...»

И отец, и мать принимают боль и беду незнакомых людей как свою, потому что у них одна, общая на всю страну боль – это война. При всем своем небогатом житье отец, не задумываясь, берет приехавших людей на постой, а мать готова продать, обменять дорогие для них вещи («...наряды, в которых пошла под венец...»), лишь бы поддержать блокадниц, только бы они забыли о пережитых бедах. И приближение весны также вселяет надежду, что все будет в порядке, жизнь продолжается. Нужно работать и верить в победу.

Буслаева Дарья, 20 лет

«После боя» Синицина Мария, 12 лет

«Город Герой» Салтымакова Софья, 14 лет

«Письмо домой» Оськина Анастасия, 13 лет

«В памяти берегу» Макеева Александра, 15 лет

«Сегодня праздник у девчат» Скударнова Елизавета, 12 лет

«Боевые товарищи» Тузлаев Илья Сергеевич, 9 лет

«Возвращение домой» Тузлав Илья Сергеевич, 9 лет

«9 мая» Цветошина Диана, 12 лет

«Знаю, ты ждёшь» Шишкова Елизавета, 12 лет

Слово об авторах

Бажа Татьяна Владимировна родилась 15 февраля 1979 года в городе Ленинске-Кузнецком. Окончила Новокузнецкий педагогический институт и магистратуру Кемеровского государственного университета. Работает учителем. Является основателем и руководителем детского художественного театра «Буратино». Произведения опубликованы в сборнике работ полуфиналистов и финалистов Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы». Награждена памятными медалями участника конкурса «Герои Великой Победы» и «75-летие Великой Победы».

Байбородина Любовь Борисовна родилась 9 мая 1958 года в городе Омске. В 1966 году семья переехала жить в пос. Кедровка Кемеровской обл. Окончила Кемеровский химический техникум в 1976 году. Работала на заводах химической промышленности в г. Кемерово и г. Барнауле. В 1986 г. переехала в г. Ленинск-Кузнецкий. Работала на заводе «Кузбассэлемент», в управлении «Социальной защиты населения». С 2007 года являлась членом литературной группы «Парус». К поэтическому творчеству пришла в возрасте 46 лет. После перенесённых болезней начала писать стихи, о чем подробно рассказала в письме, опубликованном в газете «Вестник ЗОЖ» под названием «Мои пять заповедей». В 2013 году выпустила сборник стихов «Эта песенная тропа», публиковалась в антологии Союза кузбасских писателей, электронном «Вестнике Союза писателей» (г. Новокузнецк), альманахе «Кольчугинская осень» и местных газетах.

Ванина Елена Николаевна – ветеран Великой Отечественной войны. Родилась 7 июня 1924 года в селе Каракан Беловского района Кемеровской области, в то время – Новосибирской. В 1939 году переехала в Ленинск-Кузнецкий. На фронт попала в возрасте 18 лет. Служила в 40-й гвардейской стрелковой дивизии. Участвовала в освобождении Молдавии, Болгарии, Румынии, Югославии, Австрии.

В конце октября 1945 г. после демобилизации Елена Николаевна вернулась домой в свой родной город Ленинск-Кузнецкий. Вышла замуж. Почти тридцать лет отработала в Кузбасской геофизической экспедиции в отделе кадров.

Имеет 23 правительственные награды, 8 из которых боевые: орден Красной Звезды, медаль Жукова, 2 медали «За боевые заслуги», медаль «За оборону Ленинграда», медаль «За взятие Будапешта», медаль «За взятие Вены», медаль «За Победу над Германией».

Пристрастие к стихам появилось после войны. Хотелось оставить памятный след о пережитых фронтовых дорогах, о тяжёлой жизни, когда ежеминутно находишься под куполом смерти.

Книгу «Эхо войны» Е.Н.Ванина посвятила воинам Великой Отечественной войны, защитникам нашей родины, к 65-летию Победы. Книга раскрывает биографические данные автора, освещает боевой путь, который она прошла в годы Великой Отечественной войны, а также рассказывает о людях, чьи судьбы связаны с историей города Ленинска-Кузнецкого и Кемеровской области в годы войны. Помимо воспоминаний Елены Николаевны, в сборник включены стихи, которые она посвятила своим однополчанам, их мужеству, героизму и суровым испытаниям, выпавших на их долю.

Гапанюк Валентин Михайлович родился 13 февраля 1936 года в городе Ленинске-Кузнецком. Окончил горнотехническое училище. Работал на шахте имени Кирова, затем на шахте имени Ярославского. Печатался в поэтических сборниках, литературном альманахе «Парус», «Городской газете». Был участником городской литературной группы «Парус».

Умер 27 февраля 2012 года.

Гисс Нина Васильевна родилась 9 марта 1943 года в Ленинске-Кузнецком.

С 1960 года работала на заводе «Кузбассэлемент». В 1967 году закончила Ленинск-Кузнецкий горный техникум по специальности мастер-технолог по производству ТХИТ. В 1968 году уехала в город Фергану. Работала ФЗАУ, прошла путь от лаборанта до старшего аппаратчика. Без отрыва от производства закончила Ферганский университет журналистики. В 1994 году вернулась в родной город Ленинск-Кузнецкий. Работала в ПУ-17. Являлась членом городского женсовета, мастерской студии «Слово», городской литературной группы «Парус». Выступала в хоре ветеранов войны и труда. Умерла 21 октября 2011 года.

Гуляев Василий Дмитриевич родился в 1949 году в Кемеровской области. Жил в Казахстане, служил в Узбекистане. Работал сварщиком, строителем. Участвовал в ликвидации аварии на ЧАЭС.

Первые публикации в армейской газете во время срочной службы. Публиковался в альманахах «Образ», «Кольчугинская осень». Автор книг стихов: «Максим медвежий сын», «Вехи» и «Сколько зим».

Золотайна Галина Михайловна родилась 28 апреля 1956 года в городе Ленинске-Кузнецком. Училась в средней школе № 73, затем в Ленинск-Кузнецком медицинском училище. Работала в стоматологической поликлинике № 1, детской поликлинике № 2.

Поэтическим творчеством начала заниматься во время учебы в медицинском училище. С 16-ти лет посещала городское литературное объединение «Парус». Является автором книг: «Миг прозрения»,

«Гнездо», «Горожанка». Участник коллективных сборников и хрестоматий: «Дороже серебра и злата», «На родине моей выпали снега. Поэтический век земли Кузнецкой», «Писатели Кузбасса. Хрестоматия. Проза, поэзия», «Площадь Пушкина», «Собор стихов: стихи-свидетельства о пути ко Христу, написанные поэтами Кузнецкого края», «Русская сибирская поэзия. Антология XX век». Печаталась в региональных, областных, городских периодических изданиях: «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Кузбасс», «Городская газета» (Ленинск-Кузнецкий), «ЛИК» и других.

Являлась членом редакции городской литературной газеты "Лик".

С 2000 по 2010 годы руководила детской литературной студией "Тропинка на Парнас". Была составителем и редактором шести детских книжек юных поэтов городской литературной студии «Тропинка на Парнас» и клуба «Золотое перо». Несколько лет проработала в Социальном центре молодежи редактором молодежного вестника «Точка роста».

Член Союза писателей России с 1998 года.

Награждена медалью за «Веру и добро», отмечена почетными грамотами и благодарственными письмами.

Попов Николай Иванович, родился 1 декабря 1913 года в селе Серебренниково Алтайского края. Закончил горный техникум в городе Прокопьевске Кемеровской области. В 1935 году приехал в Ленинск-Кузнецкий. Ветеран Великой Отечественной войны и шахтёрского труда. Печатался в центральных журналах и газетах, а также в местной прессе. Был участником городской литературной группы «Парус». Является автором слов гимна города Ленинска-Кузнецкого. Умер 2 апреля 1988 года.

Романчин Владимир Петрович родился 11 апреля 1924 г. в Кочновском районе Новосибирской области, скончался 2 октября 2005 г. в п. Крапивино. Член Союза писателей Кузбасса, лауреат литературной премии Кузбасса (2000). Фронтовик. Наводчик 76-миллиметрового орудия 22-й Сибирской добровольческой дивизии. Участвовал в освобождении Калининградской, Великолукской, Смоленской областей, Республики Советской Прибалтики. Награжден Орденом Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу» и др. Автор книг «Пушка на площади», «Информация к размышлению: По бездумному покою сатирической строкою», «О себе, о жизни, о судьбе»; повести «Трудная исповедь»; сборников «О моем поколении», «Ночные диалоги неверующего с господом» (об отношении обыкновенного жителя России к событиям XX века), «Они тоже сражались за Родину» (о героической жизни женщин в годы Великой Отечественной войны) и др.

Рязанов Павел Емельянович родился 10 ноября 1927 года в селе Саламатово Бродоколмацкого района Челябинской области, в крестьянской семье. В январе 1945 года Павла забрали в армию. По собственному заявлению он добровольно пошел служить в авиацию. В 1952 году Павел Емельянович приехал в город Ленинск-Кузнецкий, в 1953 году устроился на работу на шахту «Журилка-4» рабочим на поверхности.

Павел Емельянович руководил литературной группой «Парус» (1995-2005). Автор семи книг стихотворений. Публиковался в городских газетах и альманахах. Умер 12 ноября 2011 года. Похоронен в городе Новосибирске.

Сливина Юлия Владимировна родилась 5 марта 1984 г. в городе Ленинске-Кузнецком. Член Союза писателей России с 2013 года. Автор сборника стихов «Кормиться черемухой рифм». Публиковалась в журналах: «Огни Кузбасса», «Русское эхо»; в Литературной газете. Заместитель главного редактора литературного альманаха «Кольчугинская осень». Живет в г. Новосибирске.

Уланова Светлана Владимировна родилась 2 января 1967 г. Живет в г. Полысаево Кемеровской области. Закончила КузГТУ и ТГАСУ. Работает горным инженером-маркшейдером на шахте. Работу совмещает с творчеством. Увлечение стихами началось в юности. Серьёзно заниматься поэзией начала в 2009 г. Автор книг стихотворений: «На тонких струнах любви», «Кольчугино колечко», серии книг для детей «Веселые графареты». Публикации в коллективных сборниках «Вечного неба печаль», «Радуга сердец», «Шахтёрская доля такая...», «Поэты России» Т.1, «Это судьба, и ничья, не другая...», «Эхо восьми голосов». Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «Русский писатель», «Московский вестник», «Наше поколение», в московском еженедельнике «Слово» и др.

Участница городских литературных групп «ЛИК» (Ленинск-Кузнецкий) и «Прометей (Полысаево). С 2011 - руководитель литературной группы «Прометей». В 2015 принята в Союз писателей России. Активная участница и победительница многих литературных конкурсов.

Филиппенко Дмитрий Александрович родился в 1983 году в городе Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Закончил Ленинск-Кузнецкий Горнотехнический Колледж, Сибирский Государственный Индустриальный Университет. С 2005 года работает на шахте им. А.Д. Рубана горным мастером.

Стихи пишет с 15-ти лет. С 2006-го по 2014 год - участник литературного объединения «ЛИК», с 2015 года основатель и руководитель литературного цеха «Образ». Публиковался в коллективных сборниках, журналах «Огни Кузбасса», «Плавучий мост», «Байкал»; газетах

«ЛИК», «Площадь Пушкина», «Городская газета». С 2013 г. - главный редактор литературных альманахов «Кольчугинская осень» и «ОБРАЗ». Участник и победитель фестивалей различных уровней. Автор книг стихотворений: «На ладонях берёзовых рун», «Небо на подоконнике», «На побережье пульса», «В октябре сворую дождь...» и др.

Федосеенко Ада Наумовна родилась 16 февраля 1928 года в городе Ленинске-Кузнецком. С 1946 года жила в Германии по месту службы отца. С 1950 года - в городе Ужгороде, затем - в Украине, по месту службы мужа. В 1958 году вернулась в родной Ленинск-Кузнецкий. Работала в отделении спецсвязи. Труженик тыла, ветеран труда и ветеран службы. Являлась членом литературной группы «Парус». Много лет выступала в хоре ветеранов войны и труда. Награждена медалями «Юбилейная М. Шолохова 1905-1985» и «За веру и добро». Автор книги «Судьбы моей исповедальность». Печаталась в «Городской газете», литературных альманахах «Парус» и «Кольчугинская осень». Умерла в 2018 году.

Хоменкина Луиза Михайловна родилась 2 марта 1939 года в городе Капаш Чувашской АССР. В Ленинск-Кузнецкий приехала в 1959 году. После окончания медицинского училища до выхода на заслуженный отдых работала лаборантом в Центральной районной больнице.

Печаталась в «Городской газете» и в литературных альманахах «Парус» и «Кольчугинская осень». Активная участница и победительница поэтических конкурсов «Всё лучшее - детям», «Король поэтов», «Поэзия шахтерского труда» и др.

Шастов Владимир Яковлевич родился 8 декабря 1941 года на Урале, в городе Артёмовский. До армии работал на электростанции. Закончил Свердловский горный институт. По распределению попал в Кузбасс, в город Ленинск-Кузнецкий, на шахту Октябрьскую. Полный кавалер знака «Шахтёрская слава», Почётный работник угольной промышленности. Награжден медалями «Ветеран труда», «Сто лет профсоюзов России», 60-летия Дня шахтёра, «Единство Солидарность Справедливость» (федерация профсоюзных организаций Кузбасса), «65 лет объединению профсоюзов Кузбасса».

Стихи начал писать с 1994 года. С 2011 года является членом литературной группы «Прометей» (г.Полысаево). Публиковался в журнале «Русский писатель», альманахах «Чувства без границ», «Вереницы», «Кольчугинская осень», в газетах «Полысаево», «Городская газета» и др.

Содержание

От составителей.....	3
Поэтические строки о войне	
Владимир Романчин	
Тот июнь.....	7
Солдатские матери.....	7
«Комбат кричал, и стыла кровь!».....	8
Высота.....	9
Санинструктор.....	9
Цветы у вечного огня.....	10
Следы войны.....	11
«Снег утром свеж, как праздничная скатерть...».....	12
Крепись по-солдатски.....	13
Утро победы.....	14
Цветы у вечного огня.....	14
«Сединою тронут и морщинами...».....	15
Ветераны.....	16
Ну что ж ты, комбат.....	16
Ветераны в строю.....	17
Нина Ипатова	
Спасибо, мама.....	18
Фронтовое письмо.....	18
В бредовом дыму.....	19
Отцы наши.....	20
Уходила бабушка на фронт.....	21
Грозный урок.....	21
Отец.....	22
Вдова.....	22
Учитель-фронтовик.....	23
Блокадницы.....	24
Мальчик на снегу.....	25
Встреча с дочерью.....	25
В госпитале.....	26
На рассвете.....	27
В 1943 году.....	27
Санинструктор Таня.....	28
Возвращение с войны.....	29
Крылатые песни Суркова.....	29

Часовые родины.....	30
Боль в душе.....	30
Возвращение на родину.....	31
Березы у школы.....	31
Светлане.....	32
Ветерану- фронтовику.....	32
Ветеранам в День Победы.....	33
Героям века.....	34
Имена на мраморе.....	34
Шуре Постольской, моей сверстнице.....	35
Русокоый солдат.....	36
Павел Рязанов	
Женщинам, бывшим на фронте.....	37
На посту.....	37
Однополчанину.....	38
Парад 41 года.....	38
Тревога.....	40
Бой в Подмосковье. <i>Поэма</i>	40
Слово о хлебной корочке.....	45
Старики и старушки.....	46
Стихи о былом походе.....	48
У обелиска погибшим воинам.....	49
Я помню.....	50
Василий Гуляев	
Ордена.....	51
Николай Попов	
Ветераны.....	52
Память.....	55
Позывные Вали Олешко.....	55
Фронтовые линии шахтёров.....	56
Елена Ванина	
О начале войны.....	57
Проводы.....	58
О девушке-солдате.....	58
Чтобы занять передовую.....	59
Школьные подруги.....	60
Письмо к матери.....	61
Минное поле.....	61
Политотдельцы не вернулись.....	63
Последний бой.....	63

В прошлом мы были солдаты.....	64
Уюта мирного клочок.....	65
Слава женщине.....	65
День Победы.....	66
Память.....	67
Ветеранов все меньше.....	67
День памяти.....	68
Валентин Гапанюк	
Вдова.....	68
Галина Золотаина	
День Победы.....	69
Нина Гисс	
Памяти 22 июня 1941 г.....	70
У Вечного Огня.....	70
Луиза Хоменкина	
Последнее письмо.....	71
Бессмертный полк.....	72
Ада Федосеенко	
Военное детство.....	72
Дмитрий Филиппенко	
На страницах войны.....	73
Юлия Сливина	
Бессмертный полк.....	73
Военное.....	74
Владимир Шастов	
Много бед и тревог испытали.....	74
Ветеранское наследие.....	75
Татьяна Бажа	
Война.....	75
Что такое война.....	76

Проза о войне

Павел Рязанов	
Бессмертные.....	79
Безымянный бой.....	82
Боец из села Красноярка.....	85
В боях за родную землю.....	87
В дни и ночи огневые.....	90
В те годы боевые.....	95
Воспоминания батареяца.....	97
Вспоминают разведчики.....	100

День Победы порохом пропах.....	103
Кавалер ордена Александра Невского.....	105
«Катюши» идут на Запад.....	107
Конец «королевского тигра».....	110
Конец «кукушки».....	112
От Курской дуги до Праги.....	113
Первый бой.....	115
Последний рубеж.....	117
Прямой наводкой.....	120
Ради жизни на земле.....	123
Ратный путь солдата.....	128
Сполох.....	131
Тогда, на фронте.....	133
Через десятилетия.....	136
Владимир Романчин	
Они тоже сражались за родину. О девушках в шинелях.....	139
Разведка «на живца».....	139
Как уходили в бессмертие.....	144
Психология подвига.....	161
Крещение на ненависть.....	162
Через тернии.....	164
Послесловие к подвигу.....	166
Пушка на площади.....	168
Светлана Уланова	
Прорвёмся.....	173
Татьяна Бажа	
Память.....	179
Читая строки о войне.....	181
Слово об авторах.....	189

Литературно-художественное издание

СКВОЗЬ ПАМЯТЬ, СКВОЗЬ СЛОВО

*Сборник произведений
ленинск-кузнецких авторов
о Великой Отечественной войне*